Волчье время

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

К. Бласбелг

Волчье время

«Автор»

2026

Бласбелг К.

Волчье время / К. Бласбелг — «Автор», 2026

В сердце Мюнхена начала 2000-х разворачивается история запретной любви, где аристократка-бунтарка сражается с вековыми традициями своей семьи, а бедный художник рискует всем, чтобы завоевать ее сердце. Конкурс портретов становится ареной для страсти, классовых битв и первой любви. Но сможет ли роман выдержать пропасть между роскошью и реальностью?

© Бласбелг К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
1. 6
Глава 2 10
Глава 3 16
Глава 4 20
Глава 5 27
Глава 6 30
Глава 7 34
Глава 8 40
Глава 9 46
Глава 10 53
Глава 11 60
Глава 12 64
Глава 13 66
Глава 14 73
Глава 15 78

К. Бласбелг
Волчье время

Глава 1

Сосредоточьтесь на одной женщине. Одна женщина даёт все. Одна идея достаточна для художника.[1]

[1] Цит. С. Х. Раза (из интервью).

1.

– …Хватит! Мы пытаемся начать этот разговор третий раз за неделю.

– Да! И на четвертый я отрежу себе уши!

Женевьева с чувством захлопнула и отбросила осточертевший томик Книгге. Шум падения всех «обычаев и манер» потонул в полосатой шкуре тигра. Бедный кот, в очередной раз подумалось Женевьеве, и она с некоторой брезгливостью подобрала под себя ноги, хотя знала, что мать сейчас взорвется от этого еще больше.

Впрочем, чья это была проблема? Еще в первый раз из этих злополучных трех Женевьева ясно дала понять, что думает по поводу планов матери и ее мужа, которого, к большому сожалению всех участвующих в этом кровном родстве, должна была называть отцом. А порою, если дело было совсем уж плохо, то и вовсе подобострастным «герр Виттельсбах». Хорошо хоть, что старый хрыч не заставлял обращаться к нему «Ваша Светлость» или что-то еще в таком роде. Потому что в противном случае Женевьева тут же бы возродила какой-нибудь RAF, преисполнившись святыми коммунистическими идеями. Исключительно назло, конечно.

– Прекрати разбрасываться книгами, – пожурила мать и, на удивление, не преминула наклониться, чтобы сунуть томик обратно в руки Женевьевы. – Это великая литература!

– Ты сама хоть ее читала?

Женевьева закатила глаза и наугад отлистнула пару страниц.

– О! «Прежде всего в общении с людьми нельзя забывать, что они хотят, чтобы их развлекали». Ты меня *совсем* не развлекаешь.

И снова откинула книгу, но в этот раз не столь радикально – на другой конец дивана. А затем, поудобнее устроившись в ворохе подушек, вышитых серебряно-лазурными ромбами и золотыми коронованными львами, с нарочитой небрежностью принялась разглядывать ногти. Уже покусанные, хотя фрау Зильберманн, любимая материна маникюрщица, навещала их не так давно. Разумеется, от орлиного взора это не укрылось.

– Ты опять взялась грызть ногти? Господи, мы же только привели их в порядок!

– А что мне еще делать? Уроки скучные, а тянутся, как столетняя война.

– Как насчет учиться, *милая*?

И сказано то было таким тоном, что даже дремлющему в своей роскошной лежанке папийону стало ясно, что милой Женевьеву здесь никто не считает. Более того – никто никогда и не пытался.

– Нет. Они, – она указательным пальцем описала круг в воздухе и ткнула в сторону книги, – тоже меня не развлекают.

– Тебя хоть что-нибудь развлекает, кроме безделья и этого твоего… компьютера?

Женевьева не сдержала громкого «ба!» и скрестила руки в искренней обиде. Вот в чем ее точно нельзя было упрекнуть, так это в безделье. Как прочие ленивые подростки, она стремилась выполнять все возложенные на нее задачи максимально быстро и в той же мере качественно, чтобы, во-первых, от нее побыстрее отстали, во-вторых, чтобы не переделывать. К сожалению, идеально беспечно это звучало только вырванным из контекста. На деле жизнь Женевьевы любая другая девушка зачинающегося двадцать первого века сочла бы жизнеописанием очередной страдалицы из книжонок Остен.

– Ты брюзга. Уверена, прабабушка так же жаловалась, когда впервые увидела электрические лампы. О, зачем нам эта бесовщина, мы ведь можем жечь жир или щепки, чтобы вышивать платочки для наших мужей, погибающих на войне! – пропищала Женевьева, в театральном жесте приложив к груди руки. – Романтика эры динозавров.

Глаза матери вспыхнули. Ну, теперь уж она точно взорвется. И было в этом даже что-то слегка приятное… Мало что могло довести благородную даму до повышения голоса, не говоря уж о скрипе зубов. А он, уж стоит поверить, был близок.

– Женевьева Фредерика…

– …Вильтруда Мария Баварская! – подражая ее тону, закончила Женевьева и скривилась, как делала то всегда, стоило кому-нибудь вспомнить обо всех этих глупых надстройках, призванных, определенно, издеваться над работниками паспортного стола. – Боже, нельзя было выбрать еще более идиотское имя? Я чувствую себя героиней книжки для этих скучающих домохозяек и прыщавых пубертатных девочек. Со второй эрой для меня покончено, а в первую ты меня не затянешь, сколько бы раз ты ни начинала этот разговор.

– Тебе нужно выйти замуж!

Вот они, заколдованные слова, камень преткновения любой их беседы последние четыре года. Ровно с тех пор, как тело Женевьевы «созрело». Или как там еще выразился их семейный врач… В любом случае, формулировка была отвратительной до тошноты, и Женевьева даже будучи еще не до конца вошедшей в фазу бунта четырнадцатилетней девочкой, выразила все, что на сей счет думала – и в крайне несдержанной манере. Это ничего не изменило, разумеется, но теперь у них хотя бы было два семейных врача, и Женевьева считала, что даже оказала матери услугу. Если первый умрет, долго замену искать не придется.

И пусть слова матери еще набатом звучали в голове, былой злости это уже не вызывало. Только бессильное раздражение. Сколько можно повторять одно и то же? Им что, попугая завести? Вдруг хотя бы он вдолбит, что уже не восемнадцатый век, не нужно продавать дочь, как призовую корову на сельской ярмарке.

– Мне нужно закончить гимназию, сдать абитур, поступить в университет, достичь совершеннолетия и понять наконец, на что тратить *свою* жизнь, – возразила Женевьева, поднимаясь, чтобы хоть как-то возвыситься над матерью: ростом та пошла в австрийскую ветвь, так что макушкой доходила дочери едва ли до носа. – И ни в одном из вариантов за эти годы ни разу – ни разу! – не было такого мерзкого пункта как «муж» или, что хуже, «дети»! И если ты или Его Величество хотят бравировать необходимостью продолжить род, то я с радостью направлю вас к вашему драгоценному герру Хагену! А еще лучше – напомню, что сейчас всем насрать на ваш королевский титул! О, простите, у вас и его нет, только мысль, *память* об этом чертовом титуле!

Хаген, все это время молча читавший в другом конце гостиной, даже бровью не повел, только хмыкнул и перелистнул страницу. Матери потребовалось несколько секунд, чтобы переварить сказанное, но ответом все равно стала дежурная реплика:

– Не смей выражаться вульгарным языком в этих стенах!

Повисшая следом тишина прервалась хлопком. Потрепанный томик Орфилы оказался на столе из красного дерева, а Хагену хватило несколько размашистых шагов, чтобы поравняться с сестрой. Теперь уже та оказалась подавлена его исполинским ростом. Совсем недавно мешающийся под ногами малявка, Хаген стремительно приближался к определению «двухметровый», чем невероятно раздражал и Женевьеву, и их бедного портного.

– Хватит, – привычно ровным тоном произнес Хаген, и любое слово, сказанное им так, звучало приказом.

Вот уж кому достались по-настоящему королевские гены… Девчонки в его академии наверняка с ума по нему сходили. И дело было и не только в голосе: помимо выправки и роста в Хагене была эта странная, ледяная красота айсберга, который каждой недолюбленной отцом девушке отчаянно хотелось отогреть своими ласками и заботой.

– Криками ничего не добьешься. Ни ты, ни она. Так что извольте послушать *герра Хагена*. Ты, Женни, попробуй хоть раз выслушать и поговорить, а не ругаться. Знаешь, есть такая штука, как рационализм. Вещь, которая, как утверждают феминистки, присуща и женщинам.

Так что попробуй использовать это в жизни, хорошо? А ты, мама, попробуй начинать разговор без безапелляционных требований, вроде «необходимо», «нужно» и «немедленно».

Женевьева не решилась перечить. Она с легкостью могла проворачивать это с родителями, но Хаген… Он был не от мира сего – с этими его проницательными, слишком умными для юноши глазами и манерами престарелого герцога. Он словно был из алмаза и хрусталя одновременно, и к собственному удивлению Женевьева питала к нему того рода любовь, которую в нормальных семьях принято называть сестринской, но с легким налетом тревоги, причину которой она не понимала и сама.

Когда молчание затянулось, Хаген с элегантностью робота поправил упавшую на лоб платинового цвета прядь и тяжело вздохнул, будто вел разговор с двумя буйными пациентами больницы для душевнобольных. Хотя Женевьева, упрекни он их в этом, даже спорить бы не стала.

– Ладно, допустим, у вас синхронизировались циклы, и вы обе проходите через лютеиновую фазу, так что начну я…

– Ты зазнайка, – не сдержавшись, огрызнулась Женевьева. – Ты вообще в курсе, как ведут себя нормальные шестнадцатилетние парни?

Она закатила глаза, накручивая на палец и без того вьющуюся прядь. К сожалению, не такого идеального цвета, как у брата. В отличие от него, в этой генетической лотерее она вытянула билет материнской линии, а это значило, что до конца дней придется мучиться с рыжей гривой, неподдающейся никакой расческе, заколке, крабику или даже банальной резинке. То, что в детстве являлось причиной умиления взрослых, к восемнадцати годам переросло в самое настоящее проклятье.

– Курят первую травку и мастурбируют? – предположил Хаген все тем же спокойным голосом.

– Хаген! – вспыхнула мать и за неимением веера обмахнула пунцовые щеки ладонью.

– Скажи спасибо, что я говорю это без сигареты в зубах.

Он сдержанно поклонился и снова перевел взгляд на сестру.

– Итак, я хочу начать ваш бесполезный разговор за вас. Женевьева, милая дочь, столь нелюбимые тобою традиции нужны не для того, чтобы оскорбить лично тебя, но затем, чтобы поддерживать имидж, – сказал он слегка придушенным, почти плаксивым голосом, а затем переместился так, чтобы оказаться не напротив Женевьевы, а справа от нее. – Но мам, сватовство – это не традиция, а варварство, ставящее женщин на ступень ниже мужчин.

И снова шаг.

– Говоря о замужестве, никто не подразумевает, что тебе необходимо пойти под венец сию же минуту. Возможно, дело в нехватке коммуникативных навыков и неверном чувстве такта, что заставляют меня выражать банальную просьбу задуматься и присмотреться к юношам из нашего круга в столь категоричной манере.

Женевьева вздернула бровь.

– Программист, который тебя написал, – бездарь.

Мать, тем не менее, молчала, что заставило Женевьеву задуматься. Возможно, Хаген был прав. Хотя, если так подумать, прав он был практически всегда, что отнюдь не делало его приятнее в глазах окружающих.

– Я могу продолжить? – спросил Хаген сухо, посмотрев на обеих. Дождавшись кивков, продолжил, стоя сбоку от матери: – К тому же, сегодня тема разговора была бы иной, если бы ты не устроила очередную истерику.

– Эй!

– Мы с отцом решили, что было бы славно написать твой портрет в лучших традициях нашего дома. – Он переместился на ее сторону. – О, мама, я не хочу тратить на это время, ведь в моем возрасте есть намного более насущные дела.

И снова – на сторону матери.

– Да, дочь, но это тоже традиция, и мы вынуждены сердечно просить тебя пойти нам навстречу. Более того, мы с отцом пришли к выводу, что мы хотим добавить новых веяний, либерализоваться, и вместо найма известного художника устроить конкурс, выслав приглашения местным художественным мастерским. Поскольку ты либералка, тебе наверняка придется по вкусу, что работа над твоим портретом даст дорогу юному, но пока безвестному дарованию.

– Серьезно? – подавив смешок, Женевьева недоверчиво посмотрела на мать. – Я думала, вы хотели нанять Дэвида Хокни или даже Фрейда.

– Фрейд?! Ну уж нет. Речь идет об искусстве, а не мазне!

Мать наконец отвисла и всплеснула руками. Ничего удивительного. Она всегда умолкала, стоило мужчине взять слово. Даже если этим мужчиной был ее шестнадцатилетний сын.

– Вульгарный язык, мама, – хмыкнул тот, и Женевьева ответила тем же. Даже мать прикусила губу, чтобы не выдать веселье. Если была на свете вещь, в которой они все сходились – так это в искусстве.

Сам портрет не был новостью – все-таки традиция, как выразился Хаген. Хотя Женевьева до последнего надеялась, что родителям хватит такта оставить все на двадцатипятилетие, если отменить вовсе не позволяла аристократическая гордость, веками велевшая украшать этими портретами и без того изуродованные стены родового поместья. Но конкурс… Дурой она не была и понимала, что это не более чем уловка, чтобы хоть как-то заинтересовать ее в этом унизительном акте. Но они хотя бы что-то придумали. Вещь уже из ряда вон выходящая.

Хаген жестом усадил мать на диван и, взглядом велев сделать то же сестре, сам устроился рядом, словно молчаливый страж, готовый вмешаться, если разговор снова пойдет по накатанной дорожке бессмысленного конфликта. Но Женевьева пока стоически решила держать себя в узде. Хотя бы потому, что матери действительно удалось подцепить ее на крючок. Вот что мешало начать сразу с этого, а не с чертовой свадьбы?

– Ну, и что это за конкурс? – без энтузиазма, но уже и без агрессии спросила Женевьева.

– О, тебе должно понравиться. Мы с Вильгельмом попросили мастерские выделить по одному особенно талантливому художнику, чтобы позднее ты лично могла выбрать того, чей стиль тебе понравится больше.

Женевьева растерялась настолько, что несколько невыносимо долгих секунд глупо хлопала ресницами, будто ожидала, что с лица матери вот-вот сползет эта довольная улыбка, а сама она объявит, что пошутила. Иначе и быть не могло, так?

– Лично? – по-прежнему недоверчиво спросила Женевьева и тут же, словно кто-то щелкнул тумблером, оживилась, вцепляясь в единственный шанс решить в этой игре хоть что-то: – Клянись короной. И всей Баварией. Нет, всей Германией сразу! Иначе не поверю.

Улыбка матери сделалась натянутой, и похолодевший взгляд только усилил ощущение, что Женевьева зря обрадовалась так скоро. А затем Хаген многозначительно прочистил горло, и Женевьева наконец услышала то, что свело на нет ее бунт:

– Обещаю. Ты лично выберешь художника.

Глава 2

– Да сколько можно?! Эрих!

Следом за звоном бутылок взбурлил очередной спор, и Вульф прикрыл хлипкую балконную дверь, заглушая голоса. Теперь, без пути отступления, место это казалось еще более крошечным. Но лучше уж общество облупленных бетонных панелей, ржавых перил и утреннего гула S-Bahn, чем разборки, кто именно вчера не донес до мусорки полдюжины бутылок из-под «Augustiner». Особенно учитывая, что как минимум две из них были на счету Вульфа. Рудольф все равно не поверил бы, а Эрих и сам виноват – так упорно создавал себе репутацию свиньи.

Вульф выпустил дым носом и втянул запах дешевых донеров и подгоревших сосисок из «Imbiss», который на первом этаже дома держали турки и югославы. До поздней ночи там ошивалась шпана, и гул голосов удивительным образом успокаивал, как может успокаивать мерное постукивание колес в поезде или закладывающий уши грохот метро. Вещь не для эстетов, но для любителей.

На свой страх и риск привалившись к шаткому ограждению, Вульф глянул вниз, во двор, где на лавочке парочка подростков делила один MP3-плеер и донер. В животе заурчало. Стоило тоже спуститься и купить хотя бы фалафель, но деньги на еду кончились еще вчера, а трогать «неприкасаемый фонд» не позволяла совесть… Хотя руки и чесались. Что ж, опять придется занимать у Рудольфа. Хотя каждый раз, когда до этого доходило, Вульфа будто выворачивало наизнанку.

– Скажи своему другу, что здесь у нас не принято разбрасываться мусором в квартирах!

Едва Вульф успел шагнуть за выщербленный порожек балкона, как на него обрушилась вся неприглядная роскошь их квартирки: тусклый свет от бра, удушающий запах перегара, гудение чайника на пожелтевшей плите, орущий в углу магнитофон с кассетой Die Toten Hosen и двое разгневанных мужчин посреди тесной гостиной.

Хотя мужчины – это, конечно, с натяжкой сказано. Если уж Рудольф, вышколенный, в отглаженной одежде клерка и идеально бритый, походил больше на мальчишку в костюме отца, то чего уж говорить про Эриха, который ростом мог соревноваться разве что с десятиклассниками, а лицом напоминал младенца. Коренастого, с обесцвеченным ежиком и ручищами больше размера ноги, его можно было принять за слишком много возомнившего о себе цверга, променявшего родные шахты на капоты машин.

– Скажи капустному, что *у нас* жалобы таких, как он, после сорок пятого не принимаются!

Оба они уставились на Вульфа, который молча поднял свои две бутылки и пошагал на кухню, чтобы заодно налить чай и успеть стащить последнюю горсть сухариков из менажницы. Рудольф покачал головой, бросил что-то еще на своем жутком фризском наречии и ушел обратно в комнату. Эрих же, снабдив его в дорогу двумя средними пальцами, плюхнулся на скрипучий барный стул рядом с табуретом Вульфа.

– Он меня бесит! Что он вообще здесь забыл? Его папаша мог бы снять ему хату где-нибудь в Моозахе, если не в Зендлинге.

Он так размахивал руками, что едва не снес кружку Вульфа, так что тому пришлось показательно отодвинуться. Этот разговор происходил не в первый и явно не в последний раз, так что ответил Вульф так же, как и всегда:

– И тогда нам либо пришлось бы платить в два раза больше, либо делить площадь с еще одной версией тебя. Поверь, одного борова нам хватает.

– Эй! А как же солидарность?

– Если хочешь солидарности, езжай обратно в Матрай.

В каком-то смысле, стоило отдать должное, Эрих был прав: Рудольф не вязался с этим местом. С его-то костюмами, часами «Seiko» и повадками человека, привыкшего подолгу сидеть в стеклянной коробке в одной из тех высоток, что активно строили в центре. Но именно за это Вульф его и уважал. Нужно обладать недюжинной смелостью и настырностью, чтобы сознательно отказаться от родительского патронажа и пытаться пробиться самому. И ведь получилось! Когда они только съехались, судьбоносно позвонив на один и тот же номер из местной газеты, отец Рудольфа каждый день увещевал его, что без их семейной фирмы тот ни черта не добьется. А теперь вот, с ними делил квартплату перспективный стажер «Allianz» и успешный второкурсник LMU1[1].

Вульф даже немного завидовал. Он бы тоже хотел быть разнеженным настолько, чтобы отвергать плоды семейного наследия, считая их подачками. Но судьба не благосклонна ко всем одинаково. К двадцати двум годам у Вульфа за спиной были только развалюха-квартира на окраине крошечного городка, отец-алкоголик с замашками тирана и история о двух неудачных попытках поступить в академию искусств. Последние особенно нравились его коллегам на нынешней подработке, где они, вымазанные с ног до головы, белили стены грандиозных поместий в Пуллахе. Как мастерски Вульф накладывал штукатурку! Рука художника! Еще бы платили за это по двойному окладу…

– На этой неделе ваша очередь покупать бытовые товары.

Вульф слегка вздрогнул, не сразу распознав в тени коридора высокую фигуру вернувшегося Рудольфа. Пока Эрих по привычке возмущался, Вульф мысленно прикинул календарик, еще с месяц назад упавший куда-то за щиток. И да, каланча был прав: сейчас и правда их очередь обновить заметно поредевшие запасы туалетной бумаги, чистящих средств и прочей ерунды, о которой приходилось заботиться во взрослой жизни. Как же вовремя…

– У меня денег нет, – без обиняков заявил Эрих, когда Рудольфу все же удалось задавить его авторитетом человека, который вдвое больше их вместе взятых понимал в подсчете цифр.

– Ты вчера зарплату получил. Вы ее весь вечер обмывали. Провоняли всю гостиную!

– Так это налог на побухать. Милое дело! А все остальное я Мюллеру отдал, на ставку.

Вульф чуть чаем не подавился. Они же обсуждали это тысячу раз! И здесь, и еще дома, когда этот кретин-недорослик норовил вляпаться во все ставочное дерьмо, какое только видел на своем пути. И у Вульфа даже получилось убедить его, что ставки на спорт, конные заезды и прочее, чем кишели последние страницы газет, не более чем обман. Но вот с главной зависимостью Эриха справиться не удалось никому. Сам будучи автомехаником и страстным любителем скоростей, он жизни не видел без вечеров на местном пустыре в окружении запаха солярки, жженой резины, выкрученных на максимум басов и девчонок в обтягивающих джинсах.

– Ты – игроман.

Рудольф, выудив из-под стола последний стул, складной с подбитой ножкой, пристроился между ними с чашкой растворимого кофе. Тот был единственным, по чему Рудольф скучал из прошлой сытой жизни. Он часто жаловался, как низко пал, раз турку и цельные зерна ему заменили пакетики с сомнительным на вид порошком. Иногда, если позволяли деньги и было настроение, Вульф мог принести ему стаканчик из местной кофейни. Не по доброте душевной. Просто Рудольф был привратником кабеля от такой технической новинки как DSL2[2] и в лучшие дни даже позволял пользоваться его рабочим IBM3[3].

– Я – инвестор, – заартачился Эрих. – И это окупится! Этот хрыч из Румынии, говорят, свой «Opel» разгоняет не хуже гоночной тачки. Настоящий Мика Хаккинен, но чернявый. И

---

[1] Мюнхенский университет имени Людвига-Максимилиана (Ludwig-Maximilians-Universität) – один из старейших и ведущих исследовательских университетов Германии и Европы.

[2] DSL (Digital Subscriber Line) – цифровая абонентская линия; на момент 2001 г. передовая технология, позволявшая сидеть в интернете и пользоваться телефоном одновременно.

[3] IBM – здесь: персональный компьютер одноименной американской корпорации, эталон рабочих станций того времени.

в слове их шести букв десять ошибок делает, но это мелочи, главное – чтоб гнал и пять сотен моих в косарь превратил!

– Пять сотен?! – ахнул Вульф и шлепнул себя по лбу. – Ты половину нашей квартплаты поставил!

Эрих поглядел на него, как на предателя. Вульф же пытался переварить услышанное. Пять чертовых сотен марок! И не оставил и пары десятков на сраную туалетную бумагу! На этот раз Эрих зашел слишком далеко.

Тут откашлялся Рудольф. Неловко поерзав, он уже без былой уверенности уточнил:

– Говоря о квартплате… у тебя же есть заначка, да?

– Это для слабаков. Я же говорю – все деньги в бизнес. Гонка уже…

– Когда? – перебил Вульф, обращаясь к Рудольфу и стараясь говорить спокойно. Он понял, к чему ведет немец. Из них троих именно он отвечал за «связи с общественностью» в лице весьма своеобразной хозяйки квартиры. И именно он знал, если той взбредало в голову потребовать деньги раньше.

– Неделя, – просто ответил Рудольф и больше не смотрел на Эриха. Испытывая неоднозначные чувства к ним обоим, он все же понимал, что мозгом этого австрийского тандема является именно Вульф.

– Дерьмо. У меня договорняк на пятницу, но там только половина.

– У тебя же есть эта *подушечка*.

Просияв, Эрих пнул его под столом.

– Займи, а? Я прям точно верну!

Вульф замер. Подушечка… Он сказал это так обыденно, так походя, будто речь шла о паре марок на пиво или сигареты. Для Вульфа эти триста марок были не просто деньгами, а воздухом, просветом между его горлом и петлей безнадежной бытовухи.

– Там не так много, марок триста… И это на холсты.

Орать, что свое «займи» он может засунуть себе в выхлопное отверстие и прокрутить, Вульф не стал. Это как тыкать котенка в лужу мочи, когда тот уже и забыл, чье это и откуда. Он обидится и сделает что-нибудь еще, просто назло.

– И этот человек меня осуждает! А чем твоя мазня от моего бизнес-плана отличается? Много у тебя купили в прошлый раз? Или ты все надеешься, что тебя это, как в фильмах для мокрощелок, какой-нибудь таинственный мужичок богатый заметит и проспонсирует твое обучение в какой-нибудь мастерской? Ты уж лучше в политику иди, Вульфи, у нас там лучше получается.

– За последний час это уже вторая шутка такого рода, – констатировал Рудольф, стараясь не морщиться от вкуса кофе. – Еще немного, и я перестану думать, что ты дурачишься. Может, вы правда оккупанты.

– Ага, это ж твой дед утречком однажды проснулся с видом на ваши капустные рожи в горах. Ты давай не болтай, мои предки, между прочим, ой как страдали от этой вашей немецкой… как ее там… слово такое. Вульф, ну?

– Экспансии, придурок.

– Во! Страдали и еще как!

– К твоему сведению, половина моих родственников по лагерям сидели за…

– Вот бы с утра концлагеря не обсуждать, да? – Вульф зычно стукнул кружкой по столу. – Ты, – он зыркнул на Эриха, – закрой рот, похмеляйся и дуй на работу, чтобы к вечеру принести хотя бы полсотни. Иначе жопу лопухом подтирать будешь, а тарелки языком мыть. А ты… – он перевел взгляд на Рудольфа, и ухмылка сошла с его холеной рожи, – не провоцируй его. Знаешь же, что его головой в детстве на покрышки роняли, так зачем чему-то учить пытаешься? Там мозгов как бензина в пробитом баке.

Завтрак, если это можно назвать таковым, продолжился молча. После Вульф взял на себя священную обязанность вымыть кружки, а Эрих, чтобы оттянуть момент отбытия на работу, увязался за Рудольфом в его комнату. Именно там Вульф их и застал через пару минут, когда собирался пройти в гостиную, чтобы собрать остатки бутылок, про которые Эрих, разумеется, уже забыл.

Дверь в комнату Рудольфа была распахнута, хотя обычно он закрывал ее щеколду с раздражающе звенящей цепочкой. В остальном придраться было не к чему: Рудольф являл собою прямо-таки образцового съемщика. Стены покрыты самыми уцелевшими во всей квартире обоями, даже старая хозяйская фотография какой-то овчарки осталась; на занимающем всю восточную стену книжном стеллаже абсолютный порядок, как и на столе рядом. Даже кровать заправлена, а поверх пледа стопочкой сложен костюм. Да не абы какой – однобортный пиджак угольно-серого цвета, сверток шелкового галстука рядом и открытый бархатный футляр для запонок с шестиконечной звездой.

– На свадьбу собираешься? – фыркнул Вульф, приваливаясь к дверному косяку. Внутрь без разрешения он старался не заходить. В отличие от того же Эриха, который уже своей толстой задницей сминал простыни.

– О, благодарю, – не без иронии отозвался Рудольф, начищая пару неплохих на вид ботинок. – Твой дружок предположил, что на похороны.

– Не велика разница, – почти в унисон ответили Эрих и Вульф, и тот впервые за утро искренне улыбнулся.

Это была любимая присказка папаши Эриха, которую Вульф, полжизни завтракавший и обедавший за столом Шульцев, мог произнести с идеальным попаданием в тон сварливого старика. Когда тот опять начинал рассуждать о браке, все они, включая его жену, держащую наготове хлесткое полотенце, знали, чем обернется эта старая шутка. Но менее весело от этого не становилось.

– Ну так что, куда нынче ходят в «Strellson»? Да еще и с запонками от «Montblanc».

– Ты там какие машины разбираешь, Шульц? Заднеприводные?

В этот раз улыбнулись все. А Рудольф с пиететом, которого Вульф в нем раньше не замечал, провел по запонкам, и губы его тронула грустная улыбка.

– Это от бабушки. Подарок на совершеннолетие. Красивые, да?

– В брендах ничего не понимаю, – пожал плечами Вульф, взглядом приказывая Эриху прикусить язык. В длинный перечень его недостатков входило и неумение распознавать моменты, когда свою язвительность лучше проглотить. – Но выглядят здорово. А вообще, главное, чтобы тебе нравилось и воспоминания были хорошими.

– Ага, Вульф так до двадцати лет затасканного плюшевого волчонка хранил, потому что его однажды девчонка на игровой площадке в нос чмокнула.

Вульф ахнул, делая вид, что собирается запустить в противно хихикающего Эриха тапком. Рудольф рассмеялся – как обычно тихо, но искренне. Ссора из-за пивных бутылок была забыта окончательно.

– Ну? Свадьба или все же похороны? – переспросил Вульф.

Рудольф замялся, будто решал, раскрывать ему тайну или нет. А после, вздохнув и опустив начищенный до зеркального блеска ботинок, все же сдался:

– Я иду на покер. Шеф пригласил. Он и его старый товарищ держат свой… *салон*. Они там по четвергам собираются в чисто мужской компании, чтобы… обсудить дела, которые должны оставаться вне кабинетов. А заодно и карты раскладывают.

У Эриха тут же глаза сделались как у Стэнли Ипкисса при виде Кэмерон Диас в «Маске». Вульф даже слова вставить не успел, как он уже подскочил и с оживленностью ребенка, увидевшего новый картридж для приставки, заявил:

– О… О! Ты в курсе, что Австрия – родина покера?!

– Ага.

Рудольф, закатив глаза, принялся вешать пиджак, чтобы у того не образовалось складки.

– Лично его прадед придумал, – фыркнул Вульф.

– Одновременно с тем, как твой в венскую художку поступал!

Обменявшись с лучшим другом средними пальцами и убийственными взглядами, Эрих продолжил:

– Ты обязан взять нас с собой, Руди. Я тебе все бабло мира выиграю. Мы будем купаться в марках. А на шлюх спустим только половину. Обещаю!

– Нет, – стоически спокойно ответил Рудольф. – Меня пригласили как… подающего надежды стажера. Думаю, шеф хочет посвятить меня в дела своего не совсем публичного бизнеса. И я уж точно не буду все портить, взяв с собой ходячую катастрофу… и Вульфа.

– А он, между прочим, крутейший игрок в покер! И умный, что капец, – не унимался Эрих. – Ты бы светанул им перед твоими этими толстосумами, а он бы заодно что-нибудь там про своего этого… Моне там или Кандинского рассказал. И все бы такие: «Ох, ах, а наш Руди водится с эстетами, вот это типсон!».

– Типсон? Ты кончай на каждое пиво с мужиками соглашаться, а то твоя обратная эволюция уже вдвое ускорилась.

Теперь глаза закатил уже Вульф. Иногда Эрих начинал выражаться хуже зека, находя в этом, по-видимому, какой-то особый вид крутости, хотя на самом деле выглядел школьником, только открывшим для себя прелести матерщины.

– А ты правда в покер хорошо играешь? – сузил глаза Рудольф, так и держа пиджак на вешалке, словно работник химчистки перед нерадивым клиентом.

– На рожу мою посмотри, – усмехнулся Вульф. – А вообще да, не жаловался. У нас в Матрае других занятий в детстве не было. Нашли засаленные карты с голыми бабами, да резались у кого-нибудь на чердаке до утра или пока мамка не прогонит. Хорошие времена были. Денег, правда, не водилось, так мы фишки там или еще хрень какую ставили.

– Наклейки из жвачек. С тачками, – подсказал Эрих с мечтательным выражением лица. Еще бы, у него наверняка столько фантазий о тех бабах на карточках было, что на половину Мюнхена хватит. – А этот, негр-то, ну, с третьей улицы, однажды кассету с порнухой притащил – так у нас там WSOP4[4] на одну ночь из Вегаса в Австрию переехал.

Рудольф молчал так долго, что Вульф уже начал жалеть, что так разоткровенничался. Обычно он предпочитал хранить воспоминания о родине при себе. Во-первых, потому что гордиться там объективно нечем. Во-вторых, каждый, кто узнавал о причинах переезда, а именно о мировой обиде на всю страну за два подряд проваленных вступительных экзамена, спешил пошутить ту самую шутку, о которой у Вульфа уже дергались оба глаза разом.

Наконец, погоняв воздух между щек, Рудольф решился:

– Ладно. Я поговорю с герром Брауном насчет «плюс один». Но, пожалуйста, без эксцессов!

– Эй! – возмутился Эрих. – Я, конечно, знаю, что метр с кепкой, но хотя бы на «плюс полтора» тяну!

– Ты никуда не идешь, – оборвал Вульф быстрее, чем то успел сделать Рудольф. – Хватит с тебя просранных пятьсот марок.

– Я отыграюсь!

Эрих обиженно засопел, совсем как ребенок, которому отказали в покупке шоколада. В детстве это и правда работало – никто не мог устоять перед его пухлой мордашкой, даже вечно строгая фрау Шульц. И если раньше это было милым, то теперь, в его двадцать с гаком лет,

[4] World Series of Poker – самая престижная серия покерных турниров в мире.

это могло только раздражать. Особенно потому, что Эрих до сих пор искренне считал этот способ рабочим.

– Нет уж, это я отыграюсь. И заплачу свою долю. А как за аренду будешь платить ты и чем потом станешь питаться и жопу подтирать – это твои проблемы. От меня ты и пфеннига в долг не получишь.

– Предатель.

– Зато сытый и с крышей над головой.

Это, конечно, было большой условностью, ведь вряд ли его любительский навык мог сравниться с умениями тех, кто для и покера организовал целый салон, но… Это был шанс, пусть и призрачный. Да и сотню из тех триста поставить было не так жалко. Все равно их в скором времени пришлось бы менять по тому дурацкому невыгодному курсу на эти новомодные евро, о которых болтали по телеку последние полгода. Деньги на ветер, а так, как говаривал герр Шульц, они хоть «поработают». Ну, или окончательно загонят Вульфа в долговую яму. Одно из двух.

И это точно не игромания, уверял себя Вульф. Он ведь не как Эрих. Он сознательно идет на риск и не ставит все сбережения. И цель у него куда благороднее, чем выпивка и шлюхи. Абсолютно точно. И он не проиграет. Никогда.

Глава 3

Это было абсолютно нечестно! Не успела Женевьева оправиться от новости о конкурсе, как мать огорошила ее новой, куда более сокрушительной вестью.

– Это что, шутка какая-то?! Я вела себя нормально! В этот раз точно.

– Если под «нормально» ты подразумеваешь дерзость по отношению ко всем учителям, неявки на уроки и пренебрежение формой, то да, ты вела себя *совершенно* нормально.

Отец небрежно тряхнул газетой, одарив ее лишь мимолетным взглядом поверх строк. Мать согласно хмыкала. Она часто предпочитала молчать, когда в комнате был отец, будто одно его присутствие напрочь лишало ее голоса. И это выводило Женевьеву из себя еще больше.

Да, в конце того учебного года она позволила себе парочку вольностей. Да, возможно, в перечень этих вольностей входила замена всех мужских портретов на доске почета цитатами Симоны де Бовуар, включавшими довольно жестокие по отношению к «самцу человека», как предпочитала переиначивать Женевьева. И да, вероятно, большую часть из этих цитат она после в весьма красочной форме высказала герру Фогелю. Но это же не повод ее отчислять. Черт возьми, это же молодость! Когда еще ей чудить, если не в восемнадцать? Тем более, лжи в словах Женевьевы не было – Фогель определенно был самым заурядным мужчиной, и он точно чувствовал себя полубогом в сравнении даже с лучшей из женщин.

– Извините, – елейным голоском прощебетала она, – что у меня есть собственное мнение и я не хочу идти на поводу у престарелого мужла, которое до сих пор живет по правилам трех «К».

– Выражения, Женевьева, – одернул отец. Хаген, до сих пор молча нарезавший на крохотные квадратики венскую вафлю, метнул в его сторону свой коронный ледяной взгляд.

– А форма?! – не унималась Женевьева, обращаясь уже к матери, чтобы хоть как-то вовлечь ее в спор: – Ты бы сама попробовала носить эту тупую шерстяную юбку! А эта блузка? Да в ней даже Шалом Харлоу будет выглядеть моделью Plus-size.

Вряд ли мать знала, кто это, но это не помешало ей пуститься в разглагольствования о неприемлемости джинсов, да еще и с заниженной посадкой. Женевьева перестала слушать примерно на середине. Куда увлекательней оказалось наблюдать за тем, как Хаген, составив из кусочков вафли целую, взялся за сортировку фруктов в салате.

– Мы уже поговорили с герром Фогелем. Он был настроен категорично, но я уговорил его не вписывать причину отчисления, а также все многочисленные письменные жалобы учителей в твое личное дело.

Женевьева с такой силой закатила глаза, что сделалось больно. О, этот великий снисходительный отец! Его Светлость! Будто все, что он делал, не было продиктовано тряской за собственную блестящую репутацию образцового семьянина и непогрешимого наследника главной ветви.

– И заодно мы посоветовались и решили, что обучение ты продолжишь и, я молюсь всем богам, закончишь в гимназии «Аммерланд».

Женевьева едва соком не подавилась. Нет, было абсолютно очевидно, что ей придется где-то учиться, несмотря на то, что предыдущее заведение было уже пятым по счету, откуда ее без скандала, но настойчиво попросили. Но *эта* гимназия? Неужто она пала так низко?

– Во-первых, это отвратительно, что они до сих пор не сменили название, потому что это звучит как жилищный комплекс для бухгалтеров. Во-вторых, там же учатся одни нувориши! Ты сам говорил, что нам не место среди них.

– Почему из всех вещей, что я говорю, ты сочла правильной только эту? – съязвил отец. – В любом случае, считай это наказанием. Там твой нелепый бунт перестанет иметь силу, ведь всех будут интересовать не твои «гениальные мысли», а стоимость твоей сумочки и марка

машины, на которой тебя привез водитель. Ты ведь так рвалась к свободе от традиции, так вот и получишь их сполна: ты попадешь в общество равных по духу, к низкорожденному плебсу, лишенному даже намека на манеры.

Плечи Женевьевы поникли. Спорить было бессмысленно. Это последний год, и если она не хочет отправиться в какой-нибудь пансионат для благородных девиц в Швейцарии, то лучше прикусить язык, хотя это и давалось с превеликим трудом.

– Если низкородность определяется стремлением к свободе, то я применяю это же определение к себе.

Хаген решительно отодвинул салфетку, на которую сгрузил все выловленные из салата кусочки яблока. Женевьева с радостью обменяла их на свой мандарин и благодарно улыбнулась брату. Они проворачивали это уже не первый год, и Женевьева не собиралась признаваться, что на самом деле даже не любит яблоки.

– Хаген, милый, это не твоя война.

Мать наградила его мягкой улыбкой, от которой Хаген, казалось, похолодел еще на пару градусов. Он степенно повернул голову в ее сторону, но говорить не спешил, медленно прожевывая дольку мандарина.

– Это не война, – наконец парировал он все тем же безэмоциональным голосом, каким говорил всегда, стоило кому-то обратиться к нему с позиции взрослого. – Хотя, если провести аналогию, то все мы сейчас бессмысленно тычем копьями в воду, стараясь сразиться с Нептуном. Женни, конечно, совершала много странных поступков за последние пару лет, но ведь никто из вас даже не поинтересовался, почему она это делает. Вы просто приняли это за бунт и начали сражения.

Он перевел взгляд на сестру, и впервые за утро в его голубых глазах заплясали искорки.

– А ты могла быть и умнее. Де Бовуар – клише. Я бы начал с чучела Фогеля, наряженного в школьную форму. С юбкой, разумеется.

Губы его слегка дрогнули в том подобии улыбки, на которую он был способен при посторонних. Женевьева ответила тем же, смягчившись. Несмотря на бушевавшую внутри бурю, от поддержки брата становилось тепло на душе.

– Ты не можешь вечно поддерживать статус-кво, мой мальчик.

Отец отложил газету и потянулся к кофе. Теперь интереса он проявлял больше. Еще бы, ведь заговорила не наглая девчонка, а *наследник*. Впрочем, того эта перемена мало интересовала.

– Я не мальчик, спасибо. И я не придерживаюсь мнения, что нейтралитет чем-то плох. Напротив – все, что помогает избежать прямых столкновений, является исключительно правильной стратегией.

– Ты ничего не теряешь, но и не приобретаешь. Это называется стагнация.

– Это называется разумность. И необязательно воевать, чтобы приобрести. Можно сотрудничать. Но людям, предпочетшим избавиться от дочери, отдав ее в какой-то новомодный балаган для детей юристов и олигархов, такое понятие, безусловно, не знакомо.

Больше на родителей он не смотрел, выстраивая армию из долек мандарина, прежде чем съесть каждую вторую. Он называл это децимацией, а затем весьма упорно удерживал надменный вид, прежде чем фыркнуть. И этот звук, короткий отголосок его смеха, приносил Женевьеве больше радости, чем любой выигранный спор с матерью.

– Посмотри на это с другой стороны, – неуверенно заговорила мать. На нее, в отличие от отца, слова Хагена произвели хоть какой-то эффект, ведь лицо ее смягчилось в каком-то очень отдаленном подобии пристыженности. – Здесь тебе так и не удалось завести друзей, а там будет новый шанс.

– Одиночество было моим выбором. Я не собиралась дружить с теми, кто грызет лед ради парня, который заявил, что не будет встречаться с девушкой, весящей больше сорока

пяти килограмм. Или с теми, кто только и делает, что щебечет о том, какой же Брэд Питт хорошенький.

– Ты же сама раз пять посмотрела «Знакомьтесь, Джо Блэк», – хмыкнул Хаген. – И это только за последнюю неделю.

Женевьева театрально ахнула и не поленилась наклониться через весь стол, чтобы вырвать из-под носа братца обреченного на гибель цитрусового центуриона. Она показательно раскусила его надвое и, не до конца успев еще прожевать, снова обратилась к матери:

– Боюсь представить, какой контингент будет в этом вашем «Аммерланде». Не удивляйся, если к концу учебного года я буду воспринимать моду на героиновый шик слишком буквально.

Ответ на эту дерзость был явно готов сорваться с разомкнувшихся губ отца, но семейную идиллию нарушила бесшумно прошмыгнувшая в столовую экономка. Остаток завтрака прошел под аккомпанемент шуршания газеты, царапанье ручки на ее полях и стук приборов.

Залпом допив сок, Женевьева с облегчением вышла в коридор и уже хотела было направиться к себе в комнату, чтобы следующий час поторчать на форуме, где с другими фанатками Рихарда Круспе обсуждала последний концерт Rammstein, как ее нагнал Хаген. Точнее, он просто дошел до нее, своими длиннющими ногами преодолевая такое расстояние, какое иной человек преодолевает за два, а то и за три шага.

– Женни? – спокойно позвал он и только после устного приглашения вошел в ее комнату. – Можно поговорить?

В отличие от материнского тона, его в себе опасности не крыл. Он осмотрелся, будто фиксировал, что все на месте: бардак из цветастых подушек на широкой кровати, горы книг на полу и столе, где вперемешку с тетрадями валялись высыпавшие из косметички кисти. Затем втянул носом воздух, убеждаясь, что пахнет по-прежнему смесью духов от «Yves Saint Laurent» и воска. Проверил также томик Ларисы Рейснер, еще месяц назад упавший возле кровати, да там и оставшийся.

Но особенное место в сердце Хагена занимал он: Его Величество Стул. Обитый плотной, упругой черной кожей, в стальном каркасе, Стул обладал собственной суверенной границей: никаких забытых лифчиков, сброшенных второпях джинсов или откинутой за несоответствие образу сумочки. Идеальный, как начищенный сервиз в пыльном серванте. Хаген его обожал и во время своих визитов соглашался сидеть только на нем. Он особенно ценил жесткость хрома его трубок, парадоксально сочетающуюся с мягкостью подушек, и говорил, что это не просто стул, а находка – нельзя развалиться, как на кровати, но не нужно и съеживаться, как на пуфике. Любые предложения отдать ему Его Величество Стул, однако, Хаген категорически отвергал, ведь тогда, по его собственным словам, он потеряет основную мотивацию заходить к сестре.

– Хочешь продолжить лекцию папочки? – пошутила Женевьева, плюхаясь на тахту, нарочно поставленную боком, чтобы быть обращенной к Стулу у окна.

– Нет. – Хаген степенно опустился на свой законный трон. – Я хотел просить тебя не увлекаться диетами, если в твоей новой гимназии все же найдутся девушки, чьи взгляды на тебя повлияют сильнее, чем ты предполагаешь сейчас. У тебя полностью пропорциональная фигура. К тому же, героин уничтожает мозг, а ты слишком умна, чтобы так бездарно избавляться от собственного же разума.

Женевьева не выдержала и расхохоталась. Хаген же остался совершенно серьезен. Он сидел с ровной спиной, чопорно положив руки на бедрах, и смотрел на нее этими своими не по годам умными глазами. В отличие от столовой, здесь Хаген позволял себе немного тепла, и взгляд его больше не казался ледяным.

– Хаг, это была шутка. Я не из тех, кто ведется на всякую хрень в попытках угнаться за мужским вниманием. – Женевьева широко, искренне ему улыбнулась и, поднявшись, наклонилась для объятий. – Но спасибо. Фигура у меня и правда зачетная.

– Не уверен, что могу оценивать тело своей сестры с точки зрения «зачетности», но если хочешь обсудить это в объективизирующем ключе… То да, у тебя широкие бедра, значит, ты больше приспособлена к деторождению, что на подсознательном уровне привлекает мужчин больше.

Как и всегда, он не поднял рук, чтобы ответить на ее жест. Женевьева отстранилась, глядя на него с напускно суровым видом. Немая баталия длилась долго и грозила обернуться бойней, но Хаген наконец сообразил и исправил оплошность:

– У тебя зачетная фигура.

– Тебе нужно дать молоко за вредность после этой фразы.

– Я не люблю молоко. Взрослым оно не полезно.

Она снова похихикала и вернулась на место, хотя тяга опять притянуть этот кусочек льда в согревающие объятия была велика. Хаген был прямо как его любимый Стул – жесткий на вид, но мягкий при ближнем знакомстве.

– Спасибо. – Женевьева вытянула ногу и ласково коснулась его мыска своим. – За поддержку за столом. Если бы не ты, я бы давно свалила из этого серпентария.

– Я рад, что мои слова заставляют тебя чувствовать себя лучше. Обычно эффект противоположный.

Он сдержанно улыбнулся, но искренности в этом было куда больше, чем в любых наставлениях матери об этикете. Грудь сдавила приятная печаль. Через год ей придется уехать в университет или куда-нибудь еще, если повезет, а Хаген останется здесь. Женевьева боялась, что тогда он окончательно заиндевеет в окружении честолюбивого отца и его прихвостней.

– Посмотришь со мной фильм?

Ей не хотелось отпускать брата обратно в его царство книг, зашторенных окон и тщательной звукоизоляции. Он почти все свободное время проводил либо у себя в комнате, либо в самодельной лаборатории, либо в самом дальнем краю библиотеки, в тишине и покое, где даже слуги не могли его отыскать. А если ему и случалось выходить из своего логова, то делал он это исключительно в одиночестве и напрочь отказывался гулять по городу, предпочитая раскидистый лес по ту сторону Штарнбергер-Зе. Для того у него даже был свой небольшой катер, «Ахерон», который он не позволял трогать никому, кроме Женевьевы.

– Только не «Джо Блэк».

– Эй! Питт там и правда милашка. А еще главный герой похож на тебя.

– Это плохо?

– Нет, ты тоже милашка. Особенно когда децимируешь мандарин.

Они вновь обменялись улыбками. Хаген позволил себе расслабиться в кресле, что означало, что он уже принял решение. Женевьева радостно вскочила за DVD.

– Мое общество заставит тебя забыть о том, что родители к тебе несправедливы? – все же уточнил Хаген, как делал то всегда, будто опасался, что избыток его общества может утомить Женевьеву.

– Да! – Она походя чмокнула его в лоб. Он не пошевелился. – А еще можешь лечь рядом, чтобы я могла о тебя погреться. Не зря же ты отрастил себе такую грудную клетку – это куда лучше моих подушек.

– Приятно знать, что я выигрываю у… – он бросил быстрый взгляд на ее свернутую постель, – двенадцати других кандидатов.

– Причем делаешь это блестяще!

Она подмигнула. День начался паршиво, но они были друг у друга, чтобы это исправить.

Глава 4

Когда Рудольф велел ему принарядиться, а потом с выражением абсолютного ужаса отверг лучшую рубашку и единственные приличные брюки, Вульф всерьез начал задумываться, какого же уровня этот салон. Так что Рудольфу, спешно подбирающему что-то более-менее подходящее Вульфу по размеру из своего шкафа, пришлось выслушать все предположения о тамошнем дресс-коде: от обшлагов времен Фридриха до эполетов наполеоновской эпохи. Ответ, впрочем, крылся где-то между карикатурными мафиози сороковых и классическим гардеробом олигарха из Восточной Европы.

Не прошло и часа, как Вульфа принарядили в немного длинноватые брюки со стрелками и рубиново-красную рубашку. Рудольф отметил, что цвет прекрасно оттеняет смоляные волосы Вульфа. Эрих же сказал, что тот теперь похож на «прихвостня офисного, обыкновенного». Гаражный карлик до сих пор дулся, что его не позвали проигрывать почки на ставках.

Такси довезло их до Максфорштадта, прямо к историческому зданию с большими арочными окнами и массивными дверями. На латунной вывеске лаконично значилось «B. & J. Verein». Рудольф, показывая визитку-приглашение суровому на вид чернокожему парню в сумрачном коридоре, едва не дрожал – то ли от предвкушения, то ли от волнения, то ли от всего разом. Вульф до боли сжал кулаки в карманах, чтобы сдержать тремор. Они еще не вошли, а он уже чувствовал себя нищим, пробравшимся на бал аристократии.

Чем дальше они шли по петляющему коридору, украшенному очень даже неплохими репродукциями Гутта и Либермана, тем сильнее пахло лакированной древесиной, табаком и удушливым парфюмом. Издали доносилось мягкое урчание джаза и мужской смех. Вульф прислушался, силясь уловить хоть отголосок женщины, но тщетно. По-видимому, салон представлял собой исключительно традиционное мужское сборище, мания к которому, как думал Вульф, должна была отмереть еще в девяностых.

В конце коридора их встретила еще одна дверь, обитая темно-вишневой кожей с тиснением. Открылась она так же бесшумно, как и закрылась, напрочь вычеркивая из памяти темный коридор. Место, крывшееся по ту сторону, было его полной противоположностью.

Ореховые панели, глушащий шаги огромный ковер на навощенном паркете, шуршание купюр, щелканье фишек, журчание наливаемого в бокалы шампанского и звон стаканов с рислингом. Сигарный дым, струящийся над зеленым сукном столов. Все это обрушилось на Вульфа как лавина с альпийской горы, оглушив. И пока одна часть выла от паники, вторая с упорством утопающего, хватающегося за спасательный круг, цепляла все, даже самые мелкие детали, чтобы сберечь, запечатлеть, присвоить себе эту жизнь хотя бы *там*, на холсте.

Их встретил мужчина, одетый в безупречную форму, которая могла принадлежать как официанту, так и любому другому лакею. Говорил он ровно, но тихо, будто боялся потревожить воздух.

Он повел их через зал. Вульф, еще крепче стиснув ладони, старался не вертеть головой, как впечатлительный турист. Но даже так, периферийным зрением, он не мог перестать подмечать детали. Здесь не было людей младше сорока пяти, если не считать официантов и буквально парочки таких же потерянных щенков, как они с Рудольфом. Лица были разные – одни благородные, аристократические, другие грубые, с тяжелыми челюстями и цепкими взглядами самоуверенных нуворишей. Но всех их объединяла расслабленная, почти ленивая уверенность в праве находиться здесь. Они не повышали голоса, их смех был коротким и приглушенным. Вульф поймал на себе несколько беглых, оценивающих взглядов. Ни враждебных, ни дружелюбных, просто констатирующих факт: здесь новый щенок, и пока он без ошейника.

Начальник Рудольфа, полный и лысоватый Браун, сидел за покерным столом рядом с тремя другими мужчинами. Крупье не наблюдалось, как и фишек, хотя карты уже стопочкой лежали на месте.

– Нойманн!

Браун поднял руку, и Рудольф, будь у него хвост, наверняка бы завилял им с такой силой, что задергался бы зад.

– Привел все-таки этого твоего одаренного мальца? А я вот тоже не промах, своего пригласил. Правда, юным он был лет так двадцать назад, но в саунах он так не считает.

Он зычно рассмеялся, как и мужчины. Вульфу пришлось улыбнуться любезности ради, хотя с первой же фразы он решил, что голос Брауна может вызывать только мигрень. Становилось ясно, от чего он приобрел статус мастера по сделкам – люди были готовы согласиться на любые условия, лишь бы не слушать это вождение острыми ногтями по стеклу.

После снисходительно-вежливого приглашения сесть Вульф устроился между Брауном и каким-то долговязым мужчиной в очках в кричащей роговой оправе и элегантно намотанным на шею шарфом с узором пейсли. Наверняка ему самому тот казался писком моды, но Вульфу напоминал обивку дивана. Очень дорогого, но все же дивана.

Рудольф сел по другую сторону от Брауна, прижав локти к телу, как кадет на смотре.

– А где я могу обменять на фишки?.. – совладав с голосом, начал Вульф и слегка стыдливо достал из кармана сотню. Мужчины снова рассмеялись. Даже предатель Рудольф усмехнулся.

– Бенни! – Браун щелкнул пальцами, и рядом мгновенно материализовался крупье, чье лицо было эталоном подобострастия. – Принести юнцам по тысяче фишек. Талантам нужно помогать.

Эта фраза, обращенная уже в глаза Вульфу, могла показаться лестной, не будь сдобрена такой плотной долей иронии, что заметил бы и слепой. Вульф ответил убийственно-спокойной улыбкой:

– Откуда вам знать, что я талантлив? Может, Рудольф наврал, а я так, слесарь.

– У вас совершенно не слесарские пальцы, – хмыкнул мужчина-диван, придирчиво разглядывая вцепившиеся в стол руки Вульфа. – Я уж знаю. Я столько художников перевидал, что следы соуса под ногтями узнаю даже в полутьме.

– А вы, выходит, тот самый юный старик-художник?

Вульф не мог скрыть гримасы, хотя старался. Правда старался. Даже не ради атмосферы, а ради Рудольфа, на лбу которого уже выступила испарина. Но черт, эти снобы были способны даже заядлого капиталиста одним своим присутствием вытолкать под коммунистические флаги.

– Адам Вейгель, – горделиво, как красующийся перед курицами петух, представился Диван.

– Первый раз слышу, – пожал плечами Вульф. Врать показалось глупым, да и тешить чужое эго желания не обнаружилось.

– Он так шутит, – прохрипел Рудольф. По ноге под столом пришелся весьма не легкий пинок, но Вульф его проигнорировал. – У творческих людей, знаете ли, чувство юмора… своеобразное.

Вейгель, на удивление, не обиделся. Приосанился еще больше и, понизив голос до заговорщицкого полушепота, с видом человека, рассказывающего тайну мирового правительства, пояснил:

– Я предпочитаю творить под псевдонимом. Душа отправляется в полет лишь тогда, когда лишена земных пут. Но вы наверняка видели мои работы в доме герра Нойманна. Его отец два года назад купил у меня всю коллекцию «Эманации Астрального Блеска» прямо с вернисажа.

Хорошо, что Вульф не стал брать виски у официанта, с минуту назад крутившегося возле них, иначе сейчас все содержимое стакана оказалось бы на столе и лицах собеседников. Более пафосного и китчевого дерьма Вульф не слышал никогда. А то, каким искренним тоном оно было сказано, добавляло пару увесистых кучек в общую массу. Но абсолютным пиком стало то, с каким одухотворенным выражением лица покивал Рудольф, хотя по глазам и сжавшимся в полоску губам становилось ясно, что ему тоже приходится изо всех сил подавлять хохот.

– К сожалению, я не бывал у Нойманнов. Руди пока стесняется рассказать отцу о наших отношениях.

Сдерживая смех, Вульф метнул на Рудольфа такой слащавый взгляд, что у того вспыхнули уши. Многострадальную левую ногу атаковали еще трижды. По столу прокатился смех, заставивший Вульфа расправить плечи.

– Я тебя ненавижу, – процедил Рудольф, но Вульф только подмигнул.

– Не дуйся, любимый. Я тебе тоже коллекцию нарисую. Какой-нибудь… «Платиновый шепот божественной пошлости».

Эта реплика тоже ознаменовалась смехом, и Вульф и сам невольно улыбнулся. Пусть они считают его дикарем, но даже королям нужны шуты, чтобы говорить неприглядную правду.

– Требую выдать юнцу еще тысячу фишек за идеальное попадание в твой идиотский стиль названий, Адам, – воскликнул третий, до сих пор безымянный мужчина с покрасневшим лицом, делающим его похожим на смесь бульдога с Черчиллем.

Улыбка сошла с губ Вульфа. То, как легко они разбрасывались деньгами, кольнуло, и яд зависти потек наружу. Две тысячи, реши он предать себя и спасовать, обеспечили бы ему почти четыре месяца спокойствия без оглядки на квартплату. А для них, для этих боровов в костюмах, это был пшик, похлопывание мальчишки по голове за удачную остроту.

Вторым, о чем задумался Вульф, стали имена. Они не представились, словно должны были быть всем известны, и не спросили имен Вульфа и Рудольфа, будто те для них – не более чем лишний звук на периферии сознания. И именно так оно, пожалуй, и было. Никто ведь не запоминает имен собак, которых походя гладят на прогулке.

– Вы дикий, как плющ на стене моей виллы, мне это нравится, – хмыкнул Адам, протягивая Вульфу его фишки. – Знаете, я буду рад видеть вас на моем следующем вернисаже, в Марселе. Уже в конце этого месяца.

– Какой еще Марсель? – цокнул языком Браун. – Тебе разве не сказали, что у них и своих мастеров мазни предостаточно?

– Еще посмотрим, как они запоют, когда в моем портфолио будет портрет самой баварской принцессы. Эти мерзкие французы с тараканьими усами на коленях ко мне приползут!

Он так выпрямился, будто ему палку в задницу загнали. Вульф бы даже счел это забавным, вот только в обиде Вейгеля не было и капли самоиронии.

– Принцессы? – тихо переспросил Рудольф скорее из нужды хоть как-то поучаствовать в беседе, чем из интереса.

– Сами Виттельсбахи выбрали меня портретистом для их дочери!

Павлинам стоило бы поучиться мастерству распушать хвост у этого парня… Вульф едва подавил позыв закатить глаза и не без удовлетворения отметил, что с тем же порывом борются и Браун, и Бульдог.

– Насколько мне известно, – продолжал Вульф, решив, что, раз уж занял позицию шута, то надо идти до конца, – у нас давно не монархия, а значит эти Виттельсбахи – просто выскочки с деньгами, которые им не принадлежат.

– Дело не во власти, ребенок, – отмахнулся Браун. Видимо, имя Виттельсбахов вдохновляло его куда больше хвастовства Вейгеля. – Дело в крови. Кровь решает все.

– У крови два предназначения: заставлять сердце биться и проливаться ради идей. Идеи диктует сила, а она ничего общего с кровью не имеет.

Повисла тяжеловесная пауза, даже тусующий карты крупье замер на мгновение. Но Вульф упрямо не опускал глаз. Это было тем, во что он верил с тем же неистовством, что человек-диван – в исключительность своего продажного искусства. И он не отказывался пасовать лишь потому, что парочка толстосумов сочтет его безродным выскочкой. Ведь так оно и есть – он именно таков, и именно он заставил их заткнуться на минутку и пошевелить мозгами.

– И все же я настаиваю на дополнительной тысяче для мальчишки! – прервал театральное молчание Бульдог, шлепнув на стол пустой стакан. Виски убывал в его рту с геометрической прогрессией. – А тебе, Адам, не предлагали рисовать ее портрет.

Тот вскочил, достав из цветастого пиджака конверт. Этого оказалось достаточно, чтобы все внимание снова сосредоточилось на Вейгеле. Только Рудольф буравил Вульфа взглядом, не предвещавшим ничего хорошего. Сдавалось, в этих брюках и рубашке его и похоронят.

– А это что, уважаемые?!

Вейгель с чувством плюхнул конверт прямо между розданных карт. Вульф с интересом всмотрелся в дорогую кремовую бумагу, в сломанную печать с баварским львом – геральдика Виттельсбахов. Пока павлин изливался о своем таланте, Вульф ловкими пальцами вытащил из конверта листок. Однако прочесть он успел только заголовок, определявший бумагу не просто как письмо, а как пригласительный билет. А затем лист перекочевал в руки Брауна.

– Ты его еще в рамочку поставь, как Юрген свою первую марку! – хохотнул он и, не найдя в приглашении ничего интересного, сунул обратно Вейгелю. – Это выслали твоей студии, а не тебе лично. И это не гарантия, а так, шанс.

– Нет уж, я провел конкурс, и никто из этих щенков не достоин держать кисть в присутствии юной нимфы, не говоря уже о ее матери. И гарантия? Мой друг, я – талант, каких еще не видел Мюнхен. Конечно, они выберут меня! У других не будет и шанса перед мастерством моей золотой руки.

– Так вот что тебя интересует, *нимфа*? – масляно блеснул глазами Бульдог. Вульф решил, что это имя подходит ему больше, чем Юрген. – А ее портрет ты как собирался писать? С голыми титьками? Так, глядишь, голову отрубят, по королевским-то традициям.

В этот визит официанта Вульф от глотка виски не отказался. Удивительное дело – болтовня богачей мало чем отличалась от их, юношеской, только без дешевого пива, чипсов и бильярда на первом этаже. Мужчины оставались мужчинами даже в элитных салонах.

– Ладно, заканчивайте болтать, – вздохнул Бульдог, поднимая свои карты. – А то мы сейчас до утра просидим, а мне в восемь, между прочим, с тем кельнским кретином переговоры вести.

– Уверен, твой кельнский кретин сейчас либо с грудастой дурой, либо с такими же картами, – отмахнулся Браун. – А вы, юнцы, стариков послушайте. Здесь, как часто и в бизнесе, есть только одно мерило таланта – удача.

Рудольф торжественно кивнул на это пафосное наставление. Вульф фыркнул, наконец притягивая к себе карты. Туз червей и валет треф для техасского холдема не были большим уловом, но для разведки пойдет.

Первые круги ставок прошли вяло. Вульф пасовал, видя слабые карты на столе, или ставил минимум, чтобы проследить за реакцией. Для прочих фишки были как разноцветные фантики, но Вульф, чей карман до сих пор жгла так и не пригодившаяся сотня, не мог позволить себе так бессовестно их сливать.

Рудольф же, напротив, плыл по течению, слепо следуя за ставками Брауна с таким рвением, что становилось даже неловко.

– Нойманн, если вы будете так поддакивать, я решу, что это я должен подарить вам… как там было? «Платиновый шепот божественной пошлости»?

– Отдаю название абсолютно бесплатно, – осклабился Вульф, с интересом хищника наблюдая за новой раздачей.

Стоило картам лечь на стол, как атмосфера изменилась. Акулы почуяли кровь. Ставки пошли по нарастающей. Браун, собравший, по всей видимости, стрит, уверенно повышал. Бульдог не отставал, а Вейгель, ведомый одной верой в собственную исключительность, влез в игру с мастерством великана на детской площадке.

Это его в конечном счете и подвело. Пока Бульдог, Браун и Вульф шли на равных, Вейгель безжалостно проигрывал сотню за сотней, пока не оказался с последней, причем один на один с Вульфом. Браун к тому времени отошел, уведя за собой Рудольфа, а окончательно опьяневший Бульдог с упоением следил, как его друг краснеет все больше.

Цвет лица Вейгеля и правда с пугающей скоростью приближался к пунцовому. Маска аристократа-творца, пусть и пафосного, но хоть с какими-то манерами, давно сползла под воздействием шампанского, которое Вейгель вливал в себя бокал за бокалом после каждого неудачного хода. К моменту, когда Вульф выложил на стол флеш, за душой Вейгеля не было и фишки, зато норову появилось как у обиженного мальчишки.

– Это надувательство! – почти рычал он, стуча по сукну кулаком. – Малец блефует!

– Малец думает, – поправил Бульдог, даже не пытаясь скрыть удовлетворения. – А еще, если ты не заметил, впросак попал только ты один. Выходит, все мы здесь блефуем. Причем против тебя одного.

– У нас заговор, – подхватил Вульф, которому парочка стаканов крепкой выпивки тоже развязали язык.

– Я требую реванша!

– У тебя фишки кончились, Адам. А занимать тебе ни я, ни Браун не будем. От этого твое поражение еще слаще.

Бульдог отсалютовал ему стаканом, что окончательно вывело Вейгеля из себя. Он начал ругаться, причем то ли по-испански, то ли по-итальянски, и размахивал руками так, будто вот-вот собирается объявить войну Эфиопии.

Вульф опустил взгляд на горку фишек возле себя. Не роскошно, но прилично. Если он считал верно, то к концу этого вечера он разбогател примерно на шесть сотен. Для того, кто не ставил ничего, очень даже хороший результат. Хватит и на материалы, и на еду с бытовой мелочью. Целый месяц спокойной жизни.

Затем Вульф снова посмотрел на Вейгеля, на его ужасный пиджак, в кармане которого крылось то, что не давало покоя всю игру. Как он там сказал… Шанс? И одного этого слова было достаточно, чтобы во мгле неизвестности забрезжил свет. Вульф мог сколько угодно откладывать на холсты и краски, сколько угодно торчать на туристических площадях, предлагая услуги портретиста или продавая сувенирные открытки. Это был алгоритм, закручивающийся в колесо, в Уробороса, съедающий собственный хвост, где на каждой чешуйке – нищета, безнадега и отсутствие надежды.

И неожиданно пророческими казались слова Эриха. Вульф и правда ждал, что в один из дней случится *нечто*. И вот, это *нечто* подвернулось ему совершенно случайно. Змей вывернулся, и у него появился шанс оказаться вне досягаемости его пасти. И перед этим шансом меркли даже шесть сотен марок.

– А я бы сыграл, – протянул Вульф голосом, который ему самому показался незнакомым. Бульдог перевел на него удивленный взгляд. Вейгель застыл нелепой восковой фигурой. Вульф медленно указал на карман его пиджака. – На это.

– Ну уж нет, лис ты чернявый, это не обсуждается.

Вейгель схватился за ткань, будто боялся, что Вульф попробует отобрать конверт силой. Но тот только склонил голову, как волк, следящий за трепыханиями будущей добычи.

– Ва-банк. Выиграете, – он посмотрел прямо ему в глаза, – заберете все, что я успел нахапать у вас и у них.

Он сделал пространный жест рукой, описав указательным пальцем неровный круг. Вейгель побелел так же стремительно, как и краснел. Глаза его масляно блестели. Для него это тоже был шанс. На деньги плевать, а вот уйти не опозоренным, а фениксом, взлетевшим из пепла… Его эго просто не могло принять иного варианта.

Вульф показательно отодвинул все свои фишки. Мгновение – и рядом шлепнулся кремовый конверт с баварским львом.

– Ну что, Адам, покажешь юнцу «мастерство золотой руки»? – усмехнулся Бульдог, щелчком велев крупье раздать снова.

Вейгель метнул на них обоих полный ярости и тщеславия взгляд. Его вымученное «согласен» прозвучало почти по-змеиному. Шум вокруг, казалось, смолк, и остались лишь шуршание раздаваемых карт и тяжелое дыхание Бульдога.

Первые карты Вейгель смахнул к себе, глянув лишь мельком. Его «золотая рука» походила на клешню краба, готового вцепиться в добычу. Вульф же осторожно приподнял уголки. Неплохо… Две дамы.

Но радоваться было рано. Покер – игра не о старте, а о финише. Вейгель чуть заметно выпрямился, глаза его, только что беспокойные, наполнились уверенностью. У него были сильные карты, и он даже не старался этого скрыть. Очередной промах, продиктованный раздутым самомнением.

Пальцы крупье, ловкие и быстрые, срезали верхнюю карту и сбросили в центр стола три лицевой стороной вверх: трефовый валет, пиковая дама и червовая десятка. Вульф едва сдержался, чтобы не выдать себя. Мозг будто прошиб электрический разряд. У него на руках была пара дам. И теперь, вместе с картой на столе, они превратились в сет. Мощное начало, способное снести любого, кто решит поиграть в героя.

Вейгель издал странный звук, что-то между смехом и скулением. Его уверенность никуда не делась, напротив – стала агрессивнее.

– Терн, – объявил крупье, и на сукно опустился бубновый король.

В висках у Вульфа похолодело. Этот король был идеальным и страшным одновременно. Если у Вейгеля на руках туз и девятка – он только что закрыл стрит. Весь стол для него превратился в прямую дорогу к победе. Вульф сжал свои карты, глядя на стол, где только что его гарантия победы превратилась в предвестие катастрофы.

Сомнения хлынули единым ядовитым потоком. Шесть сотен… и ради чего? Ради какого-то приглашения, которое он толком и не прочел? А если павлин и вовсе блефовал? Черт, черт, черт… После такого он уж точно не имеет права судить Эриха с его игроманией. Сам не лучше, идиот австрийский…

– Чувствуешь, щенок? – почти пропел Вейгель. Он едва ли не трясся от сдерживаемого торжества. – Чувствуешь, как твоя треклятая удача отворачивается? Искусство требует жертв, мальчик. *Настоящее* искусство.

Вульф молчал, сжав зубы. Шестеренки в его мозгу крутились с чудовищной скоростью. Он не проиграет. Не этому пестрому говнюку. Тот слишком радовался. Был слишком уверен. Все в нем – слишком. Кроме мастерства. А в такой комбинации…

– Ривер, – объявил крупье, и в компанию четырех карт легла пятая, пиковый валет.

Вульф медленно, протяжно выдохнул через нос. Страшно хотелось курить. И от радости, и от страха. Собрался фулл-хаус – три дамы, два валета. Комбинация, которая бьет любой стрит, даже самый королевский.

– Вскрываемся.

Голос крупье прозвучал с громкостью удара в гонг. Вейгель с триумфальным ревом швырнул карты на стол. Вульф прикрыл глаза. Боже, когда-нибудь его самоуверенность его прикончит. Вот тебе и сила вместо крови.

– Видел, старый пес?! Стрит от десятки до туза! Вот она – золотая рука. – Он воздел ладонь к потолку и потряс ею, будто кубком. – Мастерство!

Вульф не двигался, глядя на это пьяное торжество. Туз червей и король пик. Вейгель был так ослеплен своим стритом, что даже не потрудился оценить опасность спаренной доски. Он видел свою победу, но не видел игры.

– Боюсь, Адам, золотая рука сегодня немного с напылением.

Бульдог без малейшего сожаления похлопал Вейгеля по плечу. Вульф медленно перевернул свои карты. Две дамы зеркально отразили ту, что лежала на сукне.

– Фулл-хаус, – бесцветно объявил он. – В следующий раз проверяйте руку. Возможно, это просто поталь.

Вейгель не издал ни звука. Он просто сидел, уставившись в пустоту. Вся его напыщенность, все его тщеславие развеялись в дыму сигар за считанные секунды.

Крупье плавным движением придвинул к Вульфу гору фишек, а поверх них положил тот самый кремовый конверт. Бумага была прохладной и плотной на ощупь.

Вульф взял его. Он не смотрел на Вейгеля. Он не смотрел на Бульдога. Он смотрел только на этот конверт. Не чувствовал триумфа. Лишь ледяное спокойствие и тяжесть шанса, который теперь лежал в его руке. Он не выиграл. Он не проиграл. Он просто перешел на следующий уровень.

Глава 5

– Шестьсот! – не унимался Эрих. От его метаний по комнате уже изрядно рябило в глазах. – Ты мог выиграть в два, нет, в *три* раза больше, если бы не жопился на ставки!

– Не собираюсь слушать советы человека без пфеннига за душой.

Вульф в очередной раз пересчитал куш, который ему любезно выдал лично Бульдог перед уходом, и наконец убрал купюры в толстый томик Шарля Барга. Шестьсот марок и правда казались незначительной суммой на фоне того, что унес тот же Браун. Но Вульф перестал об этом думать в тот же момент, когда побагровевший от ярости и унижения Вейгель буквально всунул ему последний приз. *Шанс* был куда дороже денег. А те можно было считать приятным бонусом.

Пока Эрих распалялся, внимание Вульфа привлек конверт, почти церемониально положенный в центр рабочего стола между книгой о Караваджо и порножурналом «Foxy». Вульф так и не прочел письмо, хотя минули почти сутки. Было откровенно боязно. Вдруг все те воздушные замки, что успел настроить Вульф за игру, рухнут так споро, что придавят его. Вдруг он неправильно понял. Вдруг обман или…

– Эй!

Он не успел вырвать конверт из загребущих лапищ Эриха, зато здорово припечатал его мыском по икре.

– Руки по швам, карлик! Это мое.

– Это общее. У нас коммунизм в отдельно взятой квартире.

– Тогда еще слово, и поедешь в ГУЛАГ.

Новая попытка отобрать конверт успехом тоже не увенчалась. Эрих так резво отвел руку, что испещренный изящным почерком листок выскользнул и грациозно спикировал под его кровать, прямо к грязным носкам и банке чипсов с затолканным внутрь поролоном.

Вульф с ворчанием опустился на четвереньки и не без брезгливости сунулся под драпировку из смятой простыни и скомканного пледа. Эрих держал марку: не постель, а свинарник.

Отогнав назойливого гнома новым пинком, Вульф просто из злости решил хотя бы пробежаться глазами по тексту. Этому кретину еще шутки ради конверт в окно выбросить взбредет, и тогда Вульф до конца жизни мучиться будет, какова же была судьба этого кота Шредингера.

Вдох. Медленный выдох. Плотная, почти шелковистая бумага цвета слоновой кости до невыносимого приятно ощущалась в руках. Золотое тиснение по краю поблескивало даже в скудном свете торшера. Вульф наконец позволил взгляду опуститься ниже изысканного герба с водруженной сверху помпезной буквой «В».

– Читай уже. А то как тогда, в пятом классе, со стихами для той узкоглазой.

Эрих картинно закатил глаза и пузом плюхнулся на кровать, так что лицо его оказалось на одном уровне с головой Вульфа, по-прежнему стоящего на коленях на полу. О том, чтобы встать, и мысли не было. Надо было действовать сейчас, пока запал не исчез.

– Я убью тебя, – абсолютно спокойно заявил Вульф.

Сил нервничать уже не осталось. Сердце и так неприятно ухало прямо в горле. И все же, сглотнув и облизав пересохшие губы, он начал:

– *Баварский комитет по вопросам культурного наследия имеет честь пригласить Вас к участию в отборочном туре, проводимом под патронатом дома Виттельсбахов*.

– Тю! Конкурс! Так это хрень. Я думал, это уже прям золотой билетик, а это так, огрызок.

– Завали, – огрызнулся Вульф. В горле окончательно образовалась пустыня. Говор его сделался быстрым, будто он старался проглотить, напиться каждым словом: – *Цель конкурса*

– создание портрета фройляйн Женевьевы Виттельсбах, который в дальнейшем будет представлен в летней галерее Хоэншвангау и войдет в постоянную коллекцию портретов семьи.

– Фройляйн? Да они там мамонты.

Вульф дрожащими руками опустил лист на пол, будто собирался ему молиться. Ребра, казалось, вот-вот сломаются от той силы, с которой трепыхалось сердце. Шанс оказался гораздо, в тысячу раз лучше, чем ему представлялось. Это не просто приглашение, это вызов. И Вульф, черт возьми, поклялся себе в том, что будет рвать и метать на пути к победе. Никакому толстосуму, никакому пафосному бездарю вроде Вейгеля не забрать у него то, во что он вгрызется зубами.

– Мой портрет будет висеть в чертовом замке! – почти рыкнул он, устремив мечущий молнии взгляд на друга. – В замке, Эрих!

– Ее портрет, – поправил тот со снисходительной ухмылкой. – Этой… как ее там. Принцессы, короче. И не факт, что ты выиграешь. Ты вообще подмазался. Там наверняка будет много индюков как этот… ну, о котором Руди рассказал.

О, да, в ту ночь они оба нашли много чего сказать о Вейгеле. И Вульф, пораженный словарным запасом тихони Рудольфа, быстро передал ему бразды правления в той тираде. Удивительно, но в отношении хотя бы одного человека за столом их мнения сошлись с поразительной точностью. Еще бы в рот Брауна Рудольф перестал заглядывать…

– Они – ничто, – твердо сказал Вульф тем тоном, которым вещал за столом о силе, превосходящей кровь. – Это будет *мой* портрет. В замке.

– В *твоем* замке? – подначил Эрих. – Еще скажи, что портрет *твоей* телки. Тебя же к бабам на метр подпускать нельзя, а то начнешь глазки ей строить, стихи читать, а потом и в августейшие трусики залезешь.

– Не знаю, что испытываю больше: отвращение или шок от того, что в бездонных пустырях твоего мозга откопалось слово «августейший».

– Я раньше, между прочим, книжки читал.

– Последнюю какую прочел? Словарь?

– А что такого? Глава с буквой «Д» – полный отпад. Как сейчас помню: «Д – дракон». Во, какой слог! Умели ж раньше.

Это было последней каплей. Как только адреналин схлынул, на Вульфа напала такая слабость, что даже этой дурости хватило, чтобы согнуть его от хохота. Эрих радостно поддержал и, шлепнув его по плечу, торжественно заявил:

– Ладно, Ваше Вашество, от лица нашей коммунистической партии разрешаю тебе спустить сотню или две на приличный костюм, чтобы твоя принцесса от тебя при первой же встрече не убежала. У Руди не одалживай, а то будешь выглядеть младенцем в папином пиджаке.

– Это твое прозвище.

– Самый сильный младенец в мире!

Он засмеялся снова, демонстрируя мягкие бицепсы, и Вульф подхватил. Каким бы идиотом Эрих ни был, он его все равно любил. И дело не только в истории, связывающей их с самого детства, но и в том, что именно Эрих с его непосредственностью, наивностью и импульсивностью извечно оттенял порою излишне мрачного, серьезного и зацикленного на мелочах Вульфа. Они были двумя сторонами одной медали, светом и тьмой, если выражаться совсем уж поэтично. А что есть свет без тьмы? То же, что и радость без горя. Ничто.

– Знаешь, ты прав, – вдруг сказал Вульф, наконец поднялся с пола и посмотрел в окно, на серые дома и чахлый сквер.

Пауза перед следующими словами была долгой, будто он и вовсе забыл, что хотел что-то сказать. Но наконец то, что набатом звучало в голове, вырывалось на волю:

– Это будет *мой* замок. И… *моя* принцесса.

– Брат… а может, все же снова в академию попробуешь, а? А то у меня такое ощущение, что с такой болтовней я тебе уже через годик передачки в Ландсберг буду носить.

Глава 6

Неприятно было признавать, но Эрих опять оказался прав. Вульфу действительно нужен был костюм. Однако просить помощи у того, кто мог неделями носить провонявшую соляркой джинсовку, он не стал. Под руку удачно попался Рудольф, которому Браун с барской руки выделил дополнительный выходной.

Вульф даже на такси расщедрился, затащив Рудольфа в единственное приличное место, которое знал – в секонд-хенд в Глокенбахе. Хотя довольно скоро выяснилось, что выросший в поместье Рудольф как-то не особо прельщен запахами старой шерсти и уксуса.

– Ты собрался купить костюм или коллекцию моли? – сухо поинтересовался он, с брезгливостью поддевая кончиками пальцев сваленные в кучу ледерхозе.

– Моль тоже знает толк в тканях, – весело парировал Вульф.

Настроение у него было отличное, как у солдата, собравшегося в заведомо выигрышный бой. Хотя на горизонте уже маячила буря. Когда-нибудь эйфория кончится, и Вульф снова встретит своих давних друзей – сомнения. И те с превеликой радостью вопьются в вены, поглощая весь запал.

Они шли по узким рядам, лавируя между панками, девушками с крашеными волосами и туристами, совершенно нелепо смотрящимися среди субкультурной тусовки. Впрочем, Рудольф в своей неуместности тоже не отставал. Да еще и фыркал каждый раз, стоило коснуться какой-нибудь ткани, будто все они были пропитаны ядом.

Вульф же с азартом рыскал по полкам, которые еще утром клятвенно обещал себе игнорировать. Вот попалась отличная футболка с «Megaherz» – даже принт еще не потрескался. Вульф бездумно сунул за ней руку, но Рудольф тихим кашлем намекнул шагать дальше. Эта же судьба ждала и умопомрачительную кожанку, на которой кто-то баллончиком нарисовал логотип «Oomph!». Последнее было обиднее всего, потому что Вульф уже полгода гонял на репите их новенький «Ego», за что Эрих дразнил его слащавой девчонкой-фанаткой и даже предлагал отрастить баки как у Деро Гои.

– Почему ты бурчишь? – не выдержал Вульф, когда Рудольф отверг пятую рубашку подряд. А всех их, между прочим, было не так уж и легко найти среди этого панковского барахла! – У тебя выходной, ты выспался, Эрих даже сгонял нам за донерами.

О том, что это было сделано на деньги Вульфа, оба они умолчали.

– Ты должен летать от полки к полке, а ты дуешься, будто я тебе в кашу насрал.

– Все в порядке, – отмахнулся Рудольф с видом, который явно сигнализировал: ни черта не в порядке.

Вульф бросил темно-синий пиджак с перекошенными плечами, окрещенный Рудольфом «экспериментом тайской швеи», и плюхнулся на продавленный пуфик между стойками с женскими платьями и шотландскими юбками. Рудольф с нескрываемой брезгливостью опустился рядом так, будто изо всех сил старался уместить только одну булку.

– Выкладывай, – велел Вульф, скрестив руки на груди.

– Выкладывать что?

– Идиота не строй. Ты слишком хмурый. Даже для фриза. Что случилось? Девчонка бросила или четверку получил?

– Я учусь в университете, а не в школе, – взъерепенился Рудольф, но затем, выдохнув, тихо произнес: – Это из-за… вечера того.

– Браун тебя против шерсти погладил?

Ухмылка сползла с губ Вульфа, когда Рудольф бросил на него взгляд, которому могла бы позавидовать побитая собака. Тактика, используемая с Эрихом, явно не подходила. Нежной душе сурового фриза полагалась иная стратегия.

– Ну? Смеяться не буду, карлику не расскажу. Честное австрийское.

Рудольф молчал долго, теребя волнистый подол какого-то платья, похожего на наряд эльфийки. Вульф не давил, слегка покачивая плечами под безликий бит ЕВМ, игравший где-то под потолком.

– Как ты так легко сумел им понравиться? – наконец спросил Рудольф так тихо, будто стеснялся собственного голоса. Обычно тот был по-мужски хрипловатым, а теперь – почти мальчишечьим.

– Кому?

Вульф в недоумении нахмурился, а затем его озарило. Он рассмеялся, без издевки, искренне.

– Руди, никому я не пытался понравиться! Я просто был собой. Ну, тем озлобленным мной, которому папаша Эриха каждую пятницу про Энгельса и злодейский мировой капитал рассказывал.

Он, имитируя ворчливый голос герра Шульца, пророкотал что-то о коммунистическом рае, и Рудольф выдавил слабую, но улыбку. Он снова молчал, но следующая его реплика поразила Вульфа еще больше:

– Было… круто.

– Да нет, было тупо, – фыркнул он, хлопая друга по плечу. – Я же как маленькая собачка, лаял, когда загнали в угол. Точнее, я сам себя загнал.

Он пожал плечами, рука на плече Рудольфа сделалась тяжелой, жест из шутливого стал подбадривающим.

– Слушай, если я обидел тебя тогда, прости меня. Я не со зла, честно. Может, от нервов, хотя это меня и не оправдывает.

– Все в порядке.

Рудольф покачал головой. И опять слова его звучали до крайности неубедительно.

– Просто… герр Браун о тебе такие слова потом сказал, ради которых в свой адрес я полгода на части разрывался. Что у тебя «стальные яйца», а мне… Мне он всю стажировку советует «быть помягче». Ну, не таким роботом.

Глаза его вновь сделались по-собачьи печальными, когда он опустил голову, делая вид, что заинтересован пятнышком на мыске своих старых, но явно дорогущих туфель. У Вульфа что-то странно защемило в груди. Уже было плевать, что ситуация и обстановка до нелепости неподходящие. Он решительно придвинулся к другу и слегка приобнял его за плечи.

– Можно непрошеный совет? Забей болт. Погоня за чужим одобрением тебя счастливее не сделает. Даже, как видишь, наоборот. Будешь видеть конкурентов там, где их нет. Ты же умный парень, считать эти твои цифры умеешь. А это талант уже раз в десять больше, чем у нас с Эрихом на двоих.

Он помолчал, поймал его взгляд.

– Правда, прости, если обидел.

– Да нет, это ты прости. Я вел себя, как ворчливая жена.

– Жена? Что, все же скажем папаше твоему о наших отношениях? Я уже начал писать коллекцию.

Он толкнул его бедром, и Рудольф наконец рассмеялся. Вульф удовлетворенно улыбнулся. Если они с Эрихом были сторонами одной монеты, то Рудольфа можно было назвать их гуртом. И Вульф был рад, что он у них есть.

– Я там, кажется, хорошие брюки видел, – негромко произнес Рудольф, вставая и неловко стряхивая невидимую пыль. – Пойдем, померишь. Мне показалось, что твой размер.

Вульф послушно двинулся за ним, по пути все же прихватив ту самую футболку. Две марки! Да за такие деньги ему в любом другом магазине одежды в лицо бы плюнули. Впрочем, о футболке тут же забылось, стоило Вульфу увидеть то, к чему вел его Рудольф.

Что ж, такие брюки вполне мог носить он сам – качественные даже на профанский взгляд Вульфа, без стрелок, но элегантные, добротного черного цвета, а не с серой или синей «продрисью», как называл то Эрих.

– Камвольная шерсть, – констатировал Рудольф, с видом знатока пощупав ткань и педантично проверив все швы. – Тебе явно придется порезать на сантиметр-полтора, но в бедрах должны сесть отлично.

– Хорошо, мам, – покивал Вульф и унесся к примерочной, щелкнув за собой шторкой с психоделическим принтом. – А что такое камвольная шерсть?

– Не делай вид, что тебе интересно. Просто знай, что это Италия.

– Ого. На мне из Италии только макароны бывали, которые Эрих как-то случайно из кастрюли опрокинул.

Не успел Вульф посмеяться над собственной шуткой, как в примерочную сунулась рука с двумя пиджаками на корявых вешалках. А еще через пару минут – классическая белая рубашка с небольшим пятнышком на плече, что делало ее на пятнадцать процентов дешевле, а значит и привлекательнее.

Когда Вульф вышел из-за шторы, он не ожидал восторгов, но вид Рудольфа все равно удивил: он смотрел на него так, будто Вульф только что вляпался ботинком в дерьмо. Он даже повертелся, демонстрируя, что брюки, вообще-то, сели просто идеально, если игнорировать те самые лишние полтора сантиметра. Рудольф и правда хорошо считал цифры.

– Снимай это убожество, – безапелляционным тоном заявил он, указывая на рубашку.

У Вульфа не было времени даже рта открыть, как он кинул ему другую рубашку, свободного, слегка мешковатого кроя, и не белую, а темно-зеленого, почти изумрудного оттенка.

Вульф снова покрутился, как кебаб на вертеле. Рубашка, заправленная спереди, причем не его руками, слегка прикрывала зад, создавая эффект нарочной небрежности. Цвет на удивление хорошо сочетался с отросшими по самые уши черными волосами и бледной кожей, розовеющей на мочках и скулах – малая стадия розацеа, от которой почему-то всегда тащились девчонки в старшей школе. Затем Рудольф притащил еще и строгий ремень с серебряной бляхой, объявив, что та отлично перекликается с серыми глазами Вульфа. После получаса модных страданий вердикт был вынесен: готов.

– Но я же выгляжу как обычно… – слабо запротестовал Вульф, разглядывая себя в зеркале.

Отражение ему правда нравилось, но в вещах было что-то неуловимо знакомое, хотя ничего подобного он не носил и даже не имел в гардеробе. И все же… он видел себя. Или того, кем мог бы быть.

– Раньше ты выглядел как подросток после рейва, а сейчас ты свободный художник. Ты же не собирался наряжаться, как наш бухгалтер, правда? Это был бы не ты. А это… ты. Просто улучшенный.

Вульф присмотрелся. Да… пожалуй, так оно и есть. Так он мог бы выглядеть, будь он из среды Рудольфа. Не слишком богатый, но и не играющий на последние деньги в сомнительном казино среди незнакомцев отчаянный нищий. Улучшенный… Или эволюционировавший? Подготовившийся. Именно так. Он подготовился к главной битве своей жизни – битве за место под солнцем.

– Я чувствую себя так, будто заодно завоюю и весь Мюнхен.

Вульф с жаром пожал смутившемуся Рудольфу ладонь.

– Не забудь пригласить меня в свой замок, принц, – ухмыльнулся тот. И черт, как ему шла эта ухмылка! Она мгновенно преображала его песью морду в лицо обаятельного молодого мужчины.

– Как я могу забыть пригласить собственную правую руку?

Вульф широко улыбнулся и подмигнул. Ну а что? Когда у него будет замок, ему наверняка понадобится хороший экономист. А Рудольф был не просто хорош. Он был лучшим.

Глава 7

Водитель наконец свернул к помпезным воротам, скрытым в тени раскидистых деревьев. И на их месте Женевьева бы оскорбилась, что ее вековой покой нарушили ради строительства сомнительной гимназии для еще более сомнительного контингента.

Когда деревья миновали, явив идеально закругленную подъездную дорожку, Женевьева от шока даже забыла съязвить. До сих пор она только слышала об «Аммерланде» от матери или бывших одноклассников и каждый раз представляла нечто вроде взгроможденных друг на друга коробок из бетона, нержавеющей стали и стеклянных панелей, пик модерна ради модерна. Но это… было за гранью разумного. И в очередной раз убеждало Женевьеву, что мать ее ненавидит.

«Аммерланд» представлял собой замок. Самый настоящий замок с зубчатыми башнями, витиеватыми арками, гербами и чугунными фонарями, будто сошедшими со старинных гравюр. Он чем-то напоминал Хоэншвангау, любимейший из замков Хагена.

Но Хоэншвангау дышал историей, скрипел подлинным деревом, пах многовековой пылью. А «Аммерланд» сиял навязчивой, почти агрессивной новизной. Камень был ровным, без трещин, без лозы, только крохотные зачатки мха виднелись у основания, да и то выглядели декорацией. Это была бутафория, театральщина, стремящаяся скрыть за лоском полное отсутствие родословной.

Все здесь стремилось быть криком: позолоченные изливы в виде грифонов на новеньких фонтанах, безвкусные витражи, витиеватая надпись на латыни над огромной дверью. И крик этот отражался от пустоты, усиливаясь троекратно, что делало еще более нелепой отчаянную попытку «новых денег» не просто сравняться со «старыми», а перещеголять их.

Может, у другого возникло бы иное ощущение, но Женевьеве было с чем сравнивать. Прежняя академия была столь же скупа, сколь и ее ученицы. Стены цвета выцветшего пергамента, потерявшие лоск старинные гобелены и украшенные внушительными багетами портреты основателей, чьи строгие глаза и по сей день следили за каждой провинностью. Это был шепот. Властный, не терпящий возражений, а потому в тысячу раз более уверенный, чем любой крик.

– Давай я выйду, а ты меня задавишь, а? – прохныкала Женевьева, прикрывая глаза ладонями, чтобы не видеть этот ужас. – Уроки я и с гипсом в кровати могу учить.

Но водитель уже открыл дверь и подал ей руку. Пришлось выползти в морозный утренний воздух. Женевьева тяжело вздохнула и покрепче вцепилась в ручку набитой тетрадями сумочки «Birkin». По крайней мере, не пришлось надевать шерстяную юбку и блузку. Ей стоило повторять себе это до тех пор, пока это не вытеснит все остальные мысли.

Вестибюль был огромен, под стать собору, а хрустальные люстры сияли так ярко, что впору было надевать солнцезащитные очки.

– Фрау Виттельсбах?

Женевьева с такой резвостью обернулась на голос, что каблук наверняка оставил царапину на полированном полу. Перед ней стоял слишком уж молодой мужчина, прижимающий к лацкану пиджака ворох папок. Хорошо, что они не закрывали и другую сторону, где на лаконичном бейдже значилось: «проф. Зиверт».

– И профессором чего вы стали в свои… тридцать? – недоуменно протянула Женевьева, от шока забыв даже поздороваться.

– Медиапродюсирование, – неестественно широко улыбнулся Зиверт, будто и не заметил неприязни. – Но здесь это звание условно. Я лишь скромный помощник директора.

– Прелестно.

Условно… Определение, подходящее ко всему здесь. Женевьева выдавила из себя подобие улыбки и, не переставая оглядываться, пошла следом за Зивертом по длинным коридорам. Те кишели разномастными подростками, бросающими на нее такие взгляды, будто она была одета в платье XVII века, а не в свой самый приличный костюм от «Chanel». Какой-то парень даже присвистнул, но Женевьева решила, что первый день обойдется без разбитых носов.

Удивительно, но кабинет директора был похож на тот, где не раз бывала Женевьева раньше. Возможно, дело обстояло в том, что и сам хозяин пространства мало отличался от того же Фогеля – крепкий, пусть и полный, пожилой мужчина, пахнущий мускусом и дымным парфюмом. Усевшийся в огромное кожаное кресло, держался он с такой статью, будто самолично построил этот замок. Может, так оно и было среди нуворишей: захватываешь территорию и руководишь ею, как маленький диктатор.

После произнесенных самым сладким голосом слов о том, что «Аммерланд» безумно рад принять в свои стены представительницу такой благородной семьи, Женевьева почти не слушала, что он говорил. Взгляд ее расфокусировался, а мысли блуждали далеко отсюда.

Каждая секунда была утомительна, и даже воздух казался отравленным. Мать, должно быть, придет в восторг, когда узнает об этом. Ее наказание сработало просто отлично, а ведь Женевьева еще не дожила до первого урока.

Листок с расписанием на полугодие она, свернув в трубочку, сунула в и без того раздувшуюся сумку. Конечно, дорогая матушка и академические часы за нее выбрала, ведь даже глоток свободы не позволил бы Женевьеве ощутить глубину ее провинности. Надо будет ей обязательно сообщить, что только одного французского было бы достаточно, чтобы ее морально гильотинировать.

Первым уроком оказалась литература. Хоть что-то знакомое в этом мире фальши. Женевьева с несвойственной для себя скромностью устроилась на диванчике возле окна и, умостив сумку на колени, стала перебирать тетради в поисках нужной. Вокруг сделалось тихо, и она кожей чувствовала прилипшие к себе взгляды. Женские – цепкие, оценивающие, критические. В мире, где им приходилось сражаться за внимание и уважение, это не вызывало в Женевьеве отвращение, только легкую грусть. Они все могли бы достичь куда большего, догадайся в один день, что их борьба за одобрение самца человека стоит не дороже грязи. Что до мужских взглядов… Все как всегда: особенно неприятные, сальные, обращенные в основном к ее ногам и бедрам, теперь оголившимся чуть сильнее из-за поднявшейся юбки.

Как-то раз, случайно заглянув в бильярдную, Женевьева подслушала разговор отца и дяди о том, что женские ножки особенно хороши, если их обладательница носит совсем тонкие колготки, оставляющие простор для воображения… и для желания их разорвать. С тех пор капрон вызывал у Женевьевы позыв очистить желудок в ближайшую урну.

Одновременно с тем, как Женевьева вытащила из сумочки нужную тетрадь, на нее упала перегородившая солнечный свет тень. Девушка, одетая как Ширли Мэнсон, с лицом готовящейся пройти по подиуму супермодели – надменным, но достаточно привлекательным, чтобы не счесть то неприятным.

– Это «Birkin»? – хмыкнула она. – Или подделка?

– Это сумка, – спокойно ответила Женевьева, укладывая вынутые при поисках тетради обратно. – В ней носят вещи. Незнакомая тебе концепция, очевидно.

Она скопировала тон и манеру брата, окинув незнакомку холодным взглядом. Вряд ли у ее зеленых глаз был тот же эффект, что у Хагена с его двумя ледниками, но отступать Женевьева не собиралась. Она знала: если не поставит себя правильно в первый день, стервятники сами определят ее в подкласс «тихонь обыкновенных», а к таким отношение всегда остается одинаковым, хоть в замке, хоть в церковной школе в прусской глуши.

– Но это же «Birkin», – не поняла девушка. – В ней нельзя носить вещи.

– Это сумка, – повторила Женевьева, теряя терпение. – Где еще мне носить вещи? В лифчике? Или в природном кармане, откуда ты сейчас решила вытащить свое мнение, о котором тебя никто не спрашивал?

Девушка уставилась на нее с таким выражением лица, что невозможно было понять: в шоке она или в восторге. Женевьева не выдержала и прыснула со смеху, издав звук, который ее мать, без сомнения, назвала бы пародией на свинью. Но не успел этот зарождающийся конфликт развиться во что-то большее, как театральную паузу нарушил подошедший ближе парень с нелепейшим помпадуром на голове. Женевьеве пришлось сдерживаться, чтобы не засмеяться снова.

– Оставь новенькую в покое, Фрида. В отличие от твоей семьи, Виттельсбахи себе задницу брендами подтирают уже веков пять.

– Девять, – поправила Женевьева на автомате. Уроки истории династии, которые она так не любила в детстве, против ее воли продолжали занимать ячейки памяти. – И меня не нужно спасать, герр рыцарь. Особенно унижая при этом другую женщину.

– Феминистка-аристократка? – протянул он с притворным восхищением. – Как удивительно. Я думал, в ваших древних замках вам позволяют только вышивать и выбирать вина к ужину. Хотя такая ярость, да еще и в таком горячем теле, очень даже секси.

Женевьева на мгновение прикрыла глаза. Все, от манеры речи и до снисходительной ухмылочки, вызывало в ней отторжение того рода, какое обычно доводится испытывать к попавшему под подошву дождевому червю. Кажется, без сломанных носов сегодня все же не обойтись.

– Пошел отсюда нахрен, Майк, – неожиданно огрызнулась Фрида, тряхнув копной черных кудрей, и бросила на Женевьеву одобрительный взгляд. – Твои дружки тебя заждались.

Женевьева уставилась на нее в недоумении. Во-первых, она ожидала, что сейчас ей придется вступить в словесную баталию с двумя соперниками, а не обрести союзника. Во-вторых, вдогонку к словам Фрида так бодро наступила Майку на ногу, что тому пришлось ретироваться, поджав хвост.

– Прости, что прилипла, – обратилась Фрида уже к Женевьеве, плюхаясь рядом с ней на диванчик. – Просто я очень удивилась. Мама на прошлый день рождения купила мне похожую сумку, но не разрешает выходить с ней дальше тупых вернисажей. Серьезно, она ее под замком держит, как какую-то реликвию, не дает ничего в нее класть и после каждый раз протирает салфеткой, будто у меня руки грязные или типа того.

Женевьеве пришлось напрячься, чтобы уследить за ее летящей манерой говорить. Это не вызывало раздражения, как говор Майка, только удивления: весь вид Фриды кричал о том, что она должна выражаться тягуче медленно и с тонной сарказма, свойственной панк-королеве школы. Видно, таковой она не была, а значит, наряд ее здесь считался совершенно обыденным, и это давало Женевьеве надежду на то, что вскоре, когда мать успокоится, и она сможет сменить свой костюм на привычные джинсы и лонгсливы с кружевом.

– Это ты извини, что нагрубила, – сдержанно улыбнулась она. – Я просто… не ожидала такого внимания.

– Серьезно? Ты же принцесса. Конечно, все на тебя смотрят.

Фрида всплеснула руками, мол, очевидно же. Женевьева закатила глаза. Если бы она получала пфенниг каждый раз, когда люди всерьез применяли несуществующий титул их семьи, то смогла бы уже купить себе неплохое поместье с видом на Вацманн.

– Ерунда, – отмахнулась она и поспешила перевести тему: – Ты здорово его отвадила.

– А, с Майком по-другому никак. Его папаша недавно выкупил землю у Айбзее под открытие какого-то суперкрутого курорта, так он теперь думает, что владеет всей Баварией.

– Какая пошлость… Боюсь представить, какой контингент привлечет этот отель. Хотя, если он хочет видеть шумных туристов… Его выбор. Я бы предпочла Альпзее.

Она решила не уточнять, что именно там собирается однажды поселиться. Прямо возле изумрудной воды, на крутом берегу без дорожек, вдали от цивилизации, в ее личной крепости, где никто и никогда не достанет ее своими грязными руками. И только, быть может, Хагену будет позволено там бывать. Ему бы очень понравились и уединенность, и тишина, и близость Хоэншвангау с Нойшванштайном. Может, он даже захотел бы поселиться с ней там, чтобы они по-прежнему были одни против всего мира.

– О, мой папа строит там дома! – обрадовалась Фрида. – Ну, то есть, его компания. Он говорит, это выгодное вложение, ведь люди сколько угодно могут брюзжать на старый порядок, но все равно будут строить из себя аристократию.

– Он кажется разумным человеком.

Удивительно, но Женевьева произнесла это без сарказма. Более того – ей бы хотелось продолжить этот неожиданный разговор. Но прозвучала короткая трель, призывающая на урок. Школьники потоком потянулись в широкие двери. Фрида вскочила и, махнув Женевьеве идти следом, продолжила щебетать уже о другом:

– Мы сегодня начинаем обсуждать первые главы «Летнего домика». Ты наверняка читала, а даже если нет, Маркус всегда объясняет, что к чему. Он такой клевый! И умный, и красавчик. Один минус, что мужчина.

Женевьева приподняла бровь. Они называли преподавателя по имени? Но помимо этого был еще один, куда более важный вопрос:

– Вы обсуждаете Юдит Герман на литературе? Оставим за рамками, что ее книги довольно своеобразны. Это банально не школьная программа.

Она заняла место рядом с Фридой и оглядела класс. Парты тут были расставлены группами, рассчитанными и на два, и на четыре, и даже на одного человека. Вместо стульев – кресла, которые наверняка бы понравились Хагену за жесткость. Стены были привычно украшены портретами, но не Гете или Шиллера, а Берроуза, По и Хантера Томпсона. На самом же видном месте висела огромная пробковая доска, над которой красивым почерком было выведено: «Что нас вдохновляет», а ниже – месиво из цитат песен «2Raumwohnung», вырезок из журналов и постеров к фильмам вроде «Эме и Ягур». И это только из того, что Женевьеве удалось распознать.

– Нет же, школьная, – продолжала Фрида, листая одну из разбросанных на столике книг. У Женевьевы снова взлетели брови. Бернхард Шлинк? – Просто здесь разделены современная литература и классическая. Но на нее мало кто ходит, так что фрау Кох подумывает перейти в другую гимназию. Немногим интересны эти скучные заумные штуки, которые надоели еще нашим прабабушкам.

Женевьева бы возразила просто из вредности, но внимание уже было приковано к молодому мужчине за одним из столов ближе к доске. Одетый как ученик, отличался от остальных он только высоким ростом и порослью рыжеватой бороды. Он возился с настройкой «iMac G3», пока рядом щебетали восторженные ученицы, наперебой рассказывающие свои впечатления о книге. Все это выглядело до того сюрреалистично, что слова просто-напросто повылетали из головы.

– Займите места, – вместо ответа на восхищения подмигнул Маркус. – Не хочу, чтобы ваши драгоценные мысли пропали в моей бедовой памяти. Позвольте и остальным насладиться вашим анализом.

Девушки прямо-таки зарделись. Рой загудел в последний раз и наконец умолк, давая вступительное слово преподавателю. Фрида, помахав присоединившимся к их столику двум другим ученицам, пододвинула книгу Женевьеве и принялась шепотом пересказывать сюжет, хотя та и не говорила, что не знает его.

– Сегодня мы поговорим о Юдит Герман, – торжественно объявил Маркус, раскинув руки так, будто хотел объять весь класс. – Но не как о литературном феномене, а как о зер-

кале. О зеркале, в котором наше поколение видит свое отражение – разбитое, тревожное, но настоящее.

А потом начался урок, и впервые за многие годы Женевьева слушала, а не мысленно упражнялась в язвительности. И чем больше проходило времени, тем глупее казалось ей изначальное твердое намерение после урока пойти к директору и потребовать сменить в расписании курс современной литературы на классическую.

Разум упрямо цеплялся за нелюбимую, но привычную среду, но тяга к свободе оказалась сильнее. И этот Маркус с его летящим говором, полнящимся легким американским акцентом, оказался глотком свежего воздуха в затхлой библиотеке. Он не хотел говорить о литературе, он желал о ней слышать. От них, от каждого, каким бы ни было его мнение. И это завораживало, заставляло Женевьеву листать книгу в поисках сцен, о которых говорил тот или иной ученик.

Из кабинета она вышла во фрустрации. Этот опыт определенно нужно было переварить с той же тщательностью, что и саму атмосферу гимназии. Но одно Женевьева знала точно: ее изначальное мнение не имело ничего общего с реальностью.

Столовая, куда она отправилась после в традиционном смысле неплохого урока экономики, была такой же огромной, как и все здесь. Женевьева, уложив на поднос тарелку с салатом и сок, села к окну, подальше ото всех, даже от расстроившейся ее отказу сидеть рядом Фриды.

Непонимание, противоречие действительности парализовало ее. И это было именно тем, чего во вторую очередь добивалась мать – подавить, сравнять с массой, показать, сколь ничтожен ее бунт. И осознание того, что у нее отлично получалось, отзывалось внутри раздражением, пусть слегка и приструненным теперь сладким отголоском маленькой победы.

Женевьева была кем угодно, но только не тихоней. Она умела ориентироваться в мире, который ее семья считала плебейским, но всегда делала это лишь на своих условиях, а теперь ее будто бросили посреди океана, отобрав единственную лодку.

Она ела молча, не вслушиваясь в жужжащие вокруг голоса и не смотря по сторонам. И все равно краем глаза уцепилась за подозрительное движение на противоположном конце столовой. Майк, оглядываясь на сдерживающую смех компашку парней, медленно шел к сидящей в одиночестве слегка полненькой девушке, которая была слишком увлечена книгой, чтобы что-то заметить. А вот Женевьева заметила все: и тошнотворный блеск в глазах Майка, и комочек жвачки между его пальцев.

Злость, разрозненными кусочками дрейфующая внутри, по щелчку слилась в единое полотно. Такие парни, как Майк, водились везде: в каждой из прошлых школ, академий и гимназий. Они, эти возомнившие себя королями униженные мальчишки, желающие отыграться за собственную ничтожность в семье или в обществе, были тараканами или, лучше сказать, клопами. И пока остальные предпочитали терпеть укусы, обязан был найтись кто-то, кто не побоится прихлопнуть ползучего урода.

Женевьева двигалась быстро, но недостаточно, чтобы за пару секунд преодолеть половину столовой. Девушка успела только вскрикнуть, когда жвачка запуталась в передних прядях ее вьющихся каштановых волос. Компашка наконец разразилась смехом, а Майк, явно довольный своей выходкой, пропел:

– Какие непотребные звуки для коровки! Тебе нужно мычать, а не кричать.

Вместе со своей кликой он протянул омерзительное «му-у», и ко всеобщему улюлюканью присоединились сальные просьбы показать вымя. И судя по тому, как их подхватила вся компашка, скандируя на манер футбольной кричалки, сцене этой случаться было не впервой.

Девушка страшно покраснела, вся сгорбилась, стараясь казаться меньше, и только тихо всхлипывала. Пальцы ее неловко, судорожно путались в волосах, и жвачка застревала все плотнее. И это подстегивало парней продолжать. А самым ужасным было то, что никто из присутствующих не пытался помочь.

– Эй, – одернула Женевьева, пинком по щиколотке привлекая внимание Майка к себе. – Как насчет вместо вымени посмотреть на копыто?

Не успел он развернуться, как в лицо ему с оглушительным треском прилетел кулак. Что ж, обещание никому не ломать нос в первый же день Женевьева не сдержала.

Глава 8

Вульф до последнего отказывался признавать, что нервничает. Дрожь в руках он оправдывал тяжелой сменой накануне. Слабость в ногах – усталостью от долгой дороги. Да и в животе крутило определенно из-за донера в том ларьке. А что до колотящегося сердца… Ну, у его прадеда вроде была гипертония, а наследственность – штука жестокая.

Но чем дальше электричка несла его от Фельдмохинга, тем более нелепыми казались эти оправдания. Тревога липким слоем оборачивала все внутри, и даже завораживающий вид на леса и предгорья Альп, сменившие индустриальные пейзажи, не могли отвлечь от навязчивых мыслей.

Его принцесса, его замок… Какой же стыд. И как только Эрих не поднял его на смех? У самого Вульфа и сейчас алели уши от одного только отголоска воспоминания. А Рудольф… Разодел его, как клоуна, да еще и какую-то свою сумку в довесок дал, мол, солиднее будет смотреться. Хотя Вульфу туда и положить ничего было, кроме стандартного набора: бутылки минералки, бумажника с сотней на обратную дорогу и удостоверением личности.

Он был слишком самоуверен. И теперь, шагая от станции в сторону роскошных вилл, ощущал это острее всего. Шанс казался таким призрачным… Что он, щенок, станет делать в мире разнеженных аристократических львов? Тявкать? Это он умеет. Но если Брауну и Бульдогу его скулеж казался забавным, а потому безобидным, то эти запросто могут перекусить его надвое, чтобы не мешался вошью под лапами.

Но, как и прежде, за всей этой тряской был тихий, но настырный голосок, увещевающий *попытаться*. Пусть он проиграет, пусть это раздавит его, но это все равно лучше, чем после долгие годы грызться мыслями о том, что произошло бы, прояви он хоть толику храбрости. Как там было? Трус умирает дважды?

Поместье Виттельсбахов было трудно не узнать. Даже среди плеяды старинных особняков оно выделялось, как кабошон сапфира в императорской короне. Оно не просто стояло, оно возвышалось, затмевая многолетние дубы вокруг.

На первый взгляд ничего особенного в самом здании не было: камень, мрамор, стекло, пара башенок – типичный артефакт старой Европы, где каждое поколение добавляло свой этаж, свой балкон, свой смысл. Но чем дольше Вульф смотрел, тем яснее понимал, что перед ним не просто архитектура. Это организм. Древний, как сама Бавария.

Крыши, покрытые темно-зеленой черепицей, казались спинами драконов, устало прижавшихся друг к другу. За окнами – мрак, плотный и матовый, будто поместье впитывало свет, не желая делиться. Фронтон украшен гербом, выточенным с таким тщанием, словно сам камень боялся ошибиться. А вокруг – сад, с собранностью лучших войск наступающий на подъездную дорожку из камня, отполированного поколениями карет, лошадей и машин.

Вульф ожидал пробки из «Bentley», «Rolls-Royce» и прочих дорогих игрушек на колесах, от которых Эрих сошел бы с ума. Но на деле машин было немного, и все они оказались скромно припаркованы возле гаражных ворот. Основное действо велось с торца поместья, где официанты сновали меж разномастно одетой молодежи и всего парочки более возрастных участников. А о том, что это были именно они, догадываться не приходилось: каждого, кто подходил к массивным входным дверям, встречал сурового вида старик, который, сверившись со списком, вежливо, но молча указывал в сторону импровизированной садовой вечеринки.

Несколько раз прерывисто выдохнув, Вульф шагнул навстречу и приложил все силы, чтобы назвать свое имя без предательской дрожи в голосе.

– Эммерих… – Палец, затянутый в белоснежную перчатку, скользнул по бумаге в самый конец. – Вы же присылали письмо?

– Да. – Вульф сцепил вспотевшие ладони за спиной. Вдруг он сделал что-то не так? Вдруг окажется, что понял все иначе? – От… от Вейгеля. От мастерской…

Он сглотнул, стараясь не рычать от разочарования. Тело было худшим предателем. То, что должно было работать на него, теперь подводило в самый неподходящий момент.

– Можно ваше письмо?

Спокойно. Возможно, это лишь формальность. Хотя этот старик никого не задерживал так долго! Вульф подрагивающими руками вытащил сложенное письмо, которое сунул в бумажник для сохранности. И был готов поклясться, что мужчина вздернул бровь при виде его потрепанной сотни.

Вульф перечитывал письмо множество раз и все равно не понял, что такого нашел старик внизу на обороте. Но затем он натянул неестественное подобие улыбки и, сложив бумагу с той же тщательностью, вернул письмо обратно.

Вульф так и держал его в руках, пока на ватных ногах шел в сторону играющей музыки и всеобщего смеха. Эта расслабленная атмосфера казалась такой нелепой на фоне того, что он переживал. Будто кто-то наложил на репортаж об убийстве саундтрек из «Тома и Джерри».

Хотя местная музыка была куда менее выразительна. Что-то вроде «Moby», нечто настолько нейтральное, чтобы не мешать пить просекко и вести светские беседы. Вульф, так и держа в приподнятой руке квадратик, стоял столбом возле столика с закусками, глядя на этих щеглов, в чьих движениях, голосах и улыбках не читалось и капли страха или неуверенности. Будто они знали, что победителей может быть девяносто девять, а Вульф – сотый.

Когда к столику подошла группа молодых людей, одетых в помятый лен, чья средняя стоимость наверняка исчислялась тремя зарплатами Вульфа за месяц, он предпочел отчалить в тень, к большой каменной вазе, с которой свисали побеги какой-то плющевидной зелени. Его одежда, которая дома казалась верхом элегантности, здесь выглядела карнавальным костюмом – слишком новым, слишком старательным, слишком дешевым.

– Возьми хотя бы воду, а то все подумают, что ты часть садового орнамента, – раздался чей-то веселый голос, и в поле зрения Вульфа появился сверкающий белоснежной улыбкой блондин с растрепанными волосами.

Вульф еще ответить не успел, как тот выдернул письмо у него из пальцев и, проделав тот же ритуал, что и старик, удивленно хмыкнул. Рядом с ним тут же появился другой, тоже блондин, но уже причесанный и смуглый, как итальянец.

– От мастерской Астрариуса. – Они переглянулись. – Я-то слышал, что Адам предпочел забрать приглашение себе.

– Уши надо лучше чистить, – огрызнулся Вульф, вырывая письмо и засовывая то в карман. Пламя раздражение слегка поутихло под абсурдностью псевдонима Вейгеля. – И спасибо, но я лучше побуду садовым орнаментом, чем стану пить с такими, как вы.

– С такими, как *мы*? – ахнул первый блондин и расхохотался. – Черт, а ты не его сын, случайно? Эта манера ставить себя лучше всех в комнате – один в один.

– Сын? Да узнай я, кто будет моим отцом, то самоликвидировался бы еще на пути к яйцеклетке.

Блондины снова переглянулись, и взгляды их, следом обращенные к Вульфу, больше не казались тому полными издевки. Кажется, своим отчаянным тявканьем он вызвал в них нечто вроде… уважения. Второй блондин даже подал ему бокал с шампанским. И на вкус то оказалось куда лучше, чем мог вообразить себе Вульф.

– Я Юрген, – представился первый блондин. – Из мастерской Рихтера.

Вульф поперхнулся. Рихтер? Вроде… Герхард Рихтер? Это звучало как полная чушь, но абсолютная уверенность Юргена не оставляла и шанса на ложь. В какое дерьмо он ввязался, если соревноваться придется с теми, кто ежедневно мог видеть буквально небожителей художественного мира?

– Мы не нападаем, ты не подумай, – подхватил второй блондин, представившийся просто Бертом. Он даже пожал Вульфу руку, когда тот представился в ответ. – Просто увидели, что ты мнешься тут, как слепой котенок, решили подойти. А то фрау Волчек отлучилась, а без нее некому объяснять новеньким, что к чему. Бедная женщина, весь день вынуждена нянчиться с нами, а еще решать уйму проблем. Клянусь, телефон у нее просто разрывался.

– Хотя приятно смотреть, как она тут бегает, – ухмыльнулся Юрген. – Задница у нее в той юбке что надо. Ну, сам потом увидишь.

Берт пихнул друга локтем и закатил глаза. Приятно было знать, что хоть кто-то разделяет скепсис Вульфа к подобным комментариям.

– Ты явно не в первых рядах – продолжил Берт, – так что пока можешь расслабиться. Запускают по пять за раз, а последняя группа зашла вот буквально минут десять назад. Обычно за следующими приходят через двадцать или вроде того. Те, кто выбыл, выходят через парадную дверь, а кто проходит дальше, остается внутри, так что более сочных деталей мы не знаем. Но Волчек сказала, что все материалы дадут на месте, так что зря ты сумку притащил.

– Это мой талисман, – сыронизировал Вульф, хмуро оглядываясь на стеклянную дверь, за которой мельтешили тени. – Они сразу рисуют принцессу?

– Нет, конечно, – фыркнул Юрген, лениво баюкая шампанское в бокале. Судя по блеску в его глазах, тот был далеко не первым. – Это быстрая проверка навыков, скорее всего что-то вроде натюрморта или наброска с натуры, чтобы сразу отсеять неподходящих кандидатов.

– Я подсмотрел список у герра Кольбе… это тот, что на входе. Так вот, там шестьдесят строк. Логично, что они бы не стали проверять шестьдесят портретов.

– А зачем тогда было высылать столько приглашений?

Брови Вульфа все ближе кренились к переносице, хотя информация о том, что ему дадут все необходимое, приятно грела душу. Быть может, он наконец поработает хорошими материалами на хорошем холсте, а не на том провонявшем скипидаром убожестве, что вынужден был покупать по дешевке на рынке.

– Пути аристократии неисповедимы? – с невинной улыбкой предположил Берт.

– Или все дело в очень комплиментарной статье в «Die Zeit», – прыснул Юрген. – Уверен, их королевская задница просто сияет после всех хвалебных од, что там напели.

– И чем вы здесь занимаетесь, кроме как болтаете о погоде и пьете? – перевел тему Вульф. Он ненавидел ждать, особенно когда нервничал. Лучше уж сразу получить пулю в лоб, чем тысячу раз представлять, как та вышибает мозги.

– Ты можешь заняться чем угодно, – пожал плечами Берт. – Только внутрь не заходи. А так все в твоем распоряжении.

Он немного помолчал, а потом с легкой, теплой улыбкой прибавил:

– Если не любишь болтать… можешь прогуляться по саду. Он тут по правую сторону, там очень красиво, но можно наткнуться на курящих официантов.

– Или симпатичных служанок.

Подмигивание Юргена они оба предпочли игнорировать. Берт, оказавшийся куда более проницательным, чем его друг-подмастерье Рихтера, увел того в сторону, чтобы Вульф мог перевести дух в тишине. Уже издали он увидел, как их дуэт разделился, и Берт остался в компании девушек, а Юрген свернул в тот самый сад.

Чтобы занять время и перебить урчание в животе, теперь вызванное уже голодом, ведь перекусывал последний раз Вульф почти полтора часа назад, он сунул в рот пару канапе и артишоков с тарелки с антипасто. По-прежнему чувствуя себя белой вороной, он прихватил с собой бокал и тоже отправился в указанную Бертом сторону.

Сад полностью оправдал его надежды, оказавшись настолько большим, чтобы не топтаться вблизи остальных. Отсюда, с верха каменной лестницы, ведущей к пышным розовым кустам, кипарисам, самшитным стенам и переливам фонтанов, тут и там встречающихся между

рядами невысоких деревцев, Вульф мог видеть несколько макушек, выделяющихся на фоне насыпных дорожек. Первая, светлая, что была ближе всех, принадлежала официанту, судя по черно-белой форме. Другие две, тоже светлая и ярко-рыжая, затерялись между разъединенными дугами увитых клематисами шпалер.

Вульф шагнул в тень под одну из них без намерения выйти именно к парочке, но так и случилось, когда пару минут спустя он банально потерялся в этом лабиринте лавочек и клумб с нарциссами, где свет проникал только зеленоватыми лучами, а вид загораживали листья и фиолетовые гроздья соцветий. Вульф хотел развернуться и уйти сразу, как услышал голоса, но что-то в них, особенно в женском, заставило его наоборот сделать шаг шире.

Ожидаемо, светлая макушка принадлежала Юргену. Он, облокотившись на постамент статуи Аполлона, охраняющего вход в противоположную арку, самодовольно глядел на девушку, сидящую возле ног Артемиды. Ее же собственные ноги, теперь находящиеся на уровне лица Вульфа, нервно покачивались, пятками тяжелых ботинок отбивая неровный ритм о мрамор.

– Брось, красотка, слезай, – почти нараспев говорил Юрген с той самой ухмылкой, с которой упомянул о заднице Волчек. – Мне, конечно, нравится вид женщины сверху, но немного в другом ключе.

– Я бы предпочла не знать, что вам нравится, а что нет, – парировала девушка, лица которой Вульф, решивший притормозить в арке, еще не видел. – И уберите руки от Аполлона, это каррарский мрамор.

В голосе ее слышалась надменность, и Вульф вполне мог вообразить, как она ядовито улыбается этому кретину, выбравшему самое неудачное время и место для флирта. Но он был так им увлечен, что не замечал даже нарисовавшегося из тени Вульфа.

– Могу сказать тебе то же самое, красотка. Хозяйка не разозлится, что ты оседлала ее скульптуру?

– Потому что лучше бы я оседлала вас? – устало вздохнула девушка. – Мне это неинтересно. Уходите. У вас сегодня важный день – шанс вылизать ботинки самому королю.

– Поверь, мой язык способен на куда большее…

– Ваш язык не способен даже составлять нормальные предложения. Проваливайте. Сейчас же. Или я возьму секатор, и следующей экспозицией в саду станет скульптура «яйца неудачливого кобеля».

Юрген поджал губы и, оттолкнувшись от постамента, угрожающе подался вперед. Ухмылка его превратилась в оскал, но прежде, чем он сумел что-либо ответить, Вульф вышел вперед, придав себе удивленный вид.

– О, вот ты где! Берт тебя искал. Говорит, там ваша очередь.

Он нелепо улыбнулся, принимая тяжесть полного ненависти взгляда. Но затем тот смягчился, и Юрген даже удосужился кивнуть. Вот только наладившуюся атмосферу сбила девушка. Изящно спрыгнув на землю, она тряхнула копной рыжих волос и не без раздражения заявила:

– Отлично, теперь на арене два петуха. Когда будете драться, не сомните цветы, фрау Виттельсбах их очень любит.

Она так театрально подобострастно произнесла это имя, что Вульф невольно прыснул. Эта разодетая в потертые джинсы и облегающую майку девушка… что ж, самая необычная служанка, которую он видел. А видел он их немало, ведь его бывшая просто обожала фильмы с сюжетами вроде Джейн Эйр. И как только эту рыжую бестию не уволили?

Быть может, он ошибался. Вдруг это дочка той Волчек? Или еще кто, та же конкурсантка. Хотя он бы с легкостью вообразил сюжет, где девушка, несмотря на острый язык и скверный нрав, покоряет хозяина поместья красотой. И думая об этом, Вульф не имел в виду большие

зеленые глаза или чувственный изгиб полных алых губ, а взгляд, бьющий током и заставляющий замереть не только оппонента, но и все вокруг.

Она была похожа на эринию и Персефону одновременно. В каком-то смысле Вульф понимал, почему Юрген так к ней пристал. Он бы тоже нес любую чушь, лишь бы подольше стоять с этим порождением хаоса и морской пены.

Но она ушла, так и не взглянув на них больше, и оставила после себя лишь шлейф духов, которые Вульф невольно втянул носом, как влюбленный мальчишка. Хотя о любви тут говорить было нечего. Нет уж, он уже парень взрослый, наученный опытом. Он знал, что такие девушки – это черные кошки, к беде да и только.

– Вот тебе и моралист, – вздохнул Юрген. – Тоже на задницу ее пялишься, да? А я за ней, между прочим, от самой лестницы шел, чтобы поговорить. А тут ты со своим геройством.

– Я не…

– Не пытайся. Я не идиот, знаю, что моя очередь еще не скоро. Захотелось поиграть в рыцаря, понимаю. Но таких сучек надо в бараний рог крутить, поверь моему опыту. Это она сейчас такая строптивая, а как под себя подомнешь – будет охать, ахать и просить глубже.

Он цокнул языком и смерил Вульфа насмешливо-снисходительным взглядом. У Вульфа так сжались челюсти, что семерки заскрипели друг о друга.

– Заткнись.

– Что?

Юрген прямо-таки глаза выпучил. Стоило полагать, никто прежде не решался ему перечить.

– Я сказал: закрой нахрен рот, – почти прорычал Вульф. – Она тебе не мясная кукла, чтобы так о ней говорить.

– Боже мой, она же просто девка. Уверен, старый Виттельсбах таких пачками трахает.

Он махнул рукой и тут же совсем по-девичьи ахнул, стоило Вульфу схватить его за ворот и хорошенько встряхнуть. Вид его явственно свидетельствовал о том, что он не шутит – правда ударит этого кретина, если тот вякнет что-то еще.

– Прошу прощения, – прервал их голос, – фрау Волчек просила всех участников вернуться к точке сбора. Какая-то важная информация.

В двух шагах от них стоял будто возникший из ниоткуда парень, тот самый официант, которого Вульф видел сверху. Он говорил ровным, лишенным всяких эмоций голосом и выглядел как еще одна мраморная статуя из ансамбля: бледный, со светлыми, почти жемчужного цвета волосами, идеальными рубленными чертами лица. И только невероятного льдистого оттенка глаза его следили за всем с животной цепкостью.

Вульф неловко отпустил Юргена и попятился. В этом официанте было нечто такое, что вызывало дрожь наравне с жаром. И Вульф оказался совершенно не готов к тому, что он вместо того, чтобы извергнуть лед и пламя одновременно, почтительно поклонится и протянет Юргену бокал.

Ошарашенный не меньше Вульфа, а также определенно выбитый из седла его агрессией, Юрген проглотил шампанское без задней мысли и, шикнув что-то насчет неудачника, широким шагом направился к лестнице. Официант же, изящно сунув опустевший поднос под мышку, плечом к плечу встал рядом с Вульфом, и вместе они смотрели вслед удаляющейся спине.

– Надеюсь, там был яд, – хмыкнул Вульф, чтобы хоть как-то разрядить обстановку.

– Технически, сульфат магния не является ядом, – все тем же ровным голосом, от которого мурашки бежали по коже, ответил официант. – Но я добавил каплю красавки, чтобы эффект был интереснее.

Вульф прямо-таки сглотнул, глядя на абсолютно серьезное лицо официанта. Тот склонил голову, как сова, выслеживающая добычу. Еще большей жути добавляло то, каким маленькими, меньше точки от шариковой ручки, были его зрачки.

По обыкновению Вульф бы огрызнулся, съязвил, сказал хоть что-нибудь, чтобы вернуть себе ощущение земли под ногами, но общество этого парня не шло ни в какое сравнение ни с покером у Брауна, ни с декадентской атмосферой вечеринки. Было в нем что-то… древнее. И Вульф мог поклясться, что это же самое чувство он испытывал, впервые взглянув на поместье. Или, что еще более точно, когда смотрел на работы Ханса Беллмера.

Слава всем богам, официант, вдоволь изучив его испуганное лицо, выдавил холодную, не коснувшуюся его глаз улыбку и с легким поклоном направился обратно к лестнице. И Вульф только тогда понял, что так долго задерживал дыхание, что зажгло в легких.

– О, – монотонно произнес официант, замирая на первой ступени, – позвольте совет: если вам снова выдастся шанс поговорить с ней… не пытайтесь бравировать своей защитой. Она как Рапунцель наоборот – отрезает волосы, стоит рыцарю только приблизиться к башне.

Он снова склонил голову и ушел, оставив после себя морозный воздух. Вульф, чей мозг просто отказался как-либо абсорбировать последние десять минут, молча поплелся в ту же сторону, откуда пришел. Но не успел он перевести дыхание, как на последней лестничной ступени его окликнули:

– Герр Эммерих?

К нему, утопая каблуками в свежескошенной траве, подошла женщина с таким же суровым лицом, как и у старика на входе. Фрау Волчек, стоило полагать. Вульф призадумался, не проходят ли они все тут кастинг-отбор, как на фильм. Причем жанр у того значился бы «ужасы».

– Простите за задержку. Вот ваш номер.

Фрау Волчек протянула ему карточку, которую пришлось прилепить на единственный нагрудный карман. Тридцать третий… Берт и Юрген, кажется, значились в хвосте двадцатки. Вульф прерывисто вздохнул. Ладно уж, чертов королевский паноптикум, вызов принят.

Глава 9

Он позволил себе еще бокал, прежде чем подошла его очередь. В голове к тому моменту была сплошная каша, так что первые несколько мгновений, миновав небольшой холл, Вульф мало смотрел по сторонам, но затем… Затем не было уже никакого «смотреть», осталось лишь наглое, деревенское «глазеть».

Первым, что поразило его, стала тишина. Даже цоканье каблуков Волчек звучало приглушенно, будто пол не принимал новых звуков без разрешения. Свет, падавший из окон под потолком, не освещал, а разрезал пространство на пласты: золото рам, черный лак дверей, дерево паркета.

Вестибюль был не просто большим, а неестественно высоким. Взгляд, скользнув по темным дубовым панелям стен, упирался в сводчатый потолок, где в приглушенном золоте лепнины застыли сцены из античных мифов. Холодный воздух дышал особенным горьковатым ароматом, присущим скорее музеям, нежели жилым помещениям. В нишах стояли крупные кратерные вазы с узорами «Мейсенский букет», и Вульф хотел было задержаться, чтобы рассмотреть ювелирную работу старых мастеров, но процессия нещадно подталкивала его вперед.

Они миновали коридор, больше похожий на галерею предков. Десятки пар глаз смотрели с потемневших от времени холстов. Мужчины в латах и бархатных камзолах, женщины в жестких корсетах и жемчужных нитях. Их лица, выписанные с беспристрастной точностью, не выражали ни гостеприимства, ни вражды – лишь холодное, накопленное за века безразличие к щепке, которую на мгновение занесло в их вечность.

Затем последовал малый зал. Зеркала в золоченых рамах, тусклые от возраста, удваивали пространство, создавая ощущение ловушки. Хрустальные люстры, погасшие сейчас, висели, как стая замерзших светлячков. По стенам стояли витрины с фарфором, а у дальней стены возвышалась печь, облицованная изразцами с геральдическими львами. Огромное помещение для ничего. Квадратные метры, способные вместить в себя целую квартиру, отведенные лишь демонстрации нажитой роскоши. И в Вульфе одновременно боролись восхищение художника и негодование нищего.

– Мастерская, – наконец объявила Волчек, и пятеро молодых людей, следовавших за ней, как утята за матерью, неловко замерли перед огромной дубовой дверью.

Первым, что ударило по ощущениям, стал запах. Он был полной противоположностью всему, что Вульф оставил за спиной. Пахло льняным маслом, свежей древесиной и краской. Запах творчества. Запах жизни. Запах его мира. И это принесло Вульфу почти физическое облегчение.

Помещение было огромным и, по-видимому, занимало всю торцевую часть одного из флигелей. Свет лился через ряд огромных окон, и на полу вилось теневое кружево крон разросшихся по ту сторону лип и платанов. Стены оказались выкрашены в матовый серо-зеленый цвет. Одну сторону украшали несколько старых гобеленов, на другой высились полки с гипсовыми слепками: Венера Милосская, Дискобол, разрозненные части лица – нос, глаз, ухо.

Несмотря на общий лоск, нигде не было видно ни потертостей, ни лихих капель краски, ни папок с набросками. Выверенная, прекрасно исполненная, но чуждая мечта. Может, кто-то из дальних предков Виттельсбахов и не чурался брать в руки кисть, но здесь этим явно давно никто не занимался.

В центре стояли мольберты, расставленные с такой точностью, чтобы никто не загораживал свет соседу. А рядом с ними притулились тумбочки с набором кистей, тюбиков краски, палитр и банок для разбавителя. Материалы безупречного качества. Вульф провел пальцем по тюбику с краской «Mussini» с таким трепетом, будто ему дозволили коснуться древней статуи в музее.

Волчек командным голосом объясняла правила, но Вульф не слушал. Не мог. Все его сознание захватило это место. Оно сводило его с ума, дикой волной уносило все дальше от берега реальности. Пальцы жгло от желания взять кисть. И уже не было дела до того, что придется рисовать. Петля бытовухи впервые за долгие годы исчезла с его шеи, и осталось только оно – то чистое, непорочное чувство, что заставляло маленького Вульфа из всеми забытого Матрая таскать угли из старой кухонной плиты и в свете тусклой лампы рисовать, рисовать и рисовать. До тех пор, пока не заслезятся глаза и не почернеют ладони. И пусть он знал, что наутро его ждет ремень, чувство это никуда не девалось, оно лишь пряталось, таилось все глубже, чтобы взрослый жестокий мир не разбил его. И вот, явилось вновь.

Вульф подошел к мольберту. Он был старым, дубовым, на поверхности виднелись царапины, брызги краски и следы от ножа. Первое живое пятно в совершенстве. Следы сотен рук, сотен надежд и разочарований. Вульф положил ладонь на шершавую древесину. И впервые с момента, как он встал с утра с постели, дрожь утихла. Это был инструмент. А с инструментами он умел разговаривать. Не тявкать, не огрызаться, а именно *разговаривать*.

Волчек закончила говорить, когда каждый наконец занял свое место. Затем она небрежным, усталым жестом указала на то, вокруг чего и были выставлены полукругом мольберты. Небольшое возвышение, задрапированное бордовым и черным бархатом. Юрген был прав. Им предстояло решить самую легкую и одновременно с тем сложную задачку для любого художника. Натюрморт. Классический vanitas1[5].

На бархате лежали предметы, каждый из которых был символом. Кошачий череп, рядом с которым кривой пикой возвышалась оплавленная свеча. Старинный фолиант в потертой коже с массивными металлическими застежками. Кто-то заложил его страницы засушенным цветком, и тот, словно забытый век назад, готов был рассыпаться от дуновения. Чуть поодаль, на грани падения, замер хрустальный бокал в стиле «ремер» с остатками рубинового вина на дне. И венчали композицию изящные, но неумолимые в своей четкости бронзовые песочные часы, в которых верхняя колба была почти пуста. Песок медленно, неумолимо утекал вниз.

– Тридцать минут на набросок формы, – объявила Волчек и театральности ради перевернула часы. – Только тон и композиция. Не старайтесь прыгнуть выше головы, это не ваши мастерские.

Вульф оглянулся на занявшего соседнее место Берта и сидящего по ту сторону от него Юргена. Оба выглядели расслабленными, будто видели такое ежедневно, и эта их уверенность терзала Вульфа больше, чем любое высокомерие. Они были здесь своими и знали это. Остальные, чернокожая девушка и парень-азиат, выражали подобные эмоции. И только Вульф нервно перебирал целую россыпь карандашей всевозможной твердости.

Пока все с критическим интересом изучали композицию, Вульф то и дело поглядывал на то, что за ней. Низкие вазы с удивительными цветами. Ветвистые стебли, лишенные листвы, удерживали на себе колосья белоснежных лепестков с мелкими вкраплениями карамельного цвета. Асфоделусы. Прекрасные растения из мифов, описанные еще Гомером в «Одиссее». И вид их так живо напомнил Вульфу о рыжей эринии, что сидела на постаменте Артемиды, что непривычно закололо сердце, а в воздух будто примешался отголосок ее духов. Что-то дымное, горькое, как полынь, но свежее, как ветер в поле.

Тридцать минут. Песок утекал вниз с неумолимым шепотом. Вокруг уже слышалось царапанье карандашей, сангины и сепии. Берт работал быстрыми, уверенными движениями, Юрген – с размахом, будто делал эскиз для будущего фрескового цикла, а не учебный набросок.

А Вульф смотрел. Смотрел на эту вылизанную, идеальную композицию, в которой каждая деталь кричала о своем символическом значении. Это была не жизнь, а бутафория, теат-

[5] Жанр живописи эпохи барокко (XVI–XVII вв.), поджанр натюрморта, аллегорически напоминающий о бренности жизни, бессмысленности земных благ и неизбежности смерти.

ральная постановка. Рисовать это было все равно что переписывать чужие цитаты – скучно и мертво.

Мертвое…

Взгляд снова, будто против воли, уперся в цветы. Призрачные, почти нереальные в своем аскетичном изяществе.

Вскоре рой их достиг асфодельного луга, который

Душам – призракам смертных уставших – обителью служит[2].

Щелчок в сознании прозвучал почти физически. Ладно. Хорошо. Он нарисует их чертов натюрморт. Он выстроит перспективу с математической точностью, он передаст ребристость зеленого стекла и холодный блеск бронзы. Он докажет, что его рука стоит их дорогих кистей.

Но он добавит кое-что от себя.

Пальцы обрели знакомую сталь. Вульф взял уголь. Не карандаш, а именно уголь, грубый, пачкающий руки, живой. Родной. Первые линии легли на бумагу резко, почти агрессивно, очерчивая основу композиции. Он не думал больше о Юргене, о Берте, о Волчек, стоявшей у двери с лицом каменного сфинкса. Он вел диалог. Диалог с мольбертом, с шершавой поверхностью бумаги, с тенями, ложившимися в складки бархата.

Вульф работал с яростью и смирением одновременно. Яростью – к этому миру притворства. Смирением – перед самим актом творения. Он выстраивал форму, лепил объем, заставлял светиться изнутри темное вино. Это была не просто техника, это была алхимия. Грязь и нищета Матрая, пыль мастерских, унижения на вступительных экзаменах – все это теперь кристаллизовалось в каждом штрихе, становясь силой, а не слабостью.

И когда основа была готова, когда натюрморт жил на бумаге, как замершее сердце, Вульф совершил свое маленькое предательство. Он, тщательно вытерев руки от угольной пыли, взял тончайший карандаш. Он не стал втискивать цветок в композицию насильно. Нет. Он позволил ему *прорасти*.

Стебель извивался по холодному бархату, упрямый, цепляющийся за мнимые неровности. Вверх, мимо смерти, мимо быстротечности времени и тщетности земных знаний. Карандаш танцевал в пальцах. Короткие, колючие тычки для чашелистиков, легкие, размашистые взмахи для лепестков, которые казались не выписанными, а сотканными из света, лившегося из окна.

Юрген, бросивший на Вульфа снисходительный взгляд, уже заканчивал свой безупречный и до тошноты скучный эскиз. Берт аккуратно растушевывал тени. А Вульф творил акт вандализма на идеальной поверхности их правильного мира.

Он откинулся назад, сжимая затупившийся карандаш в пальцах, как оружие. На композиции, дышащей смертью и богатством, теперь вились десятки бледных побегов. Мертвое – к мертвому. Он не нарушал гармонии. Он лишь показал, что даже в том, что предвещает смерть, больше жизни, чем в ее идеальной имитации.

– Время!

Голос Волчек прозвучал с резкостью щелчка затвора, разрезав творческое забытье, в котором пребывали участники, и вернул их в холодную реальность зала. Последняя крупинка в часах соскользнула вниз.

Царапанье карандашей и шуршание растушевок сменилось нервным гулом. Кто-то с облегчением выдохнул, кто-то с досадой бросил материалы на тумбочку. Берт аккуратно отложил сангину и с любопытством начал оглядываться по сторонам. Юрген, переступающий с ноги на ногу, уже не выглядел таким самодовольным. И дело явно было не в наброске, а в

[2] «Одиссея», Гомер. Перевод В. В. Вересаева.

бледности. Губы у него сделались какими-то бесцветными, а глаза – тусклыми, будто процесс выжал из него все силы. Кажется, на его висках даже выступил пот.

Вульф не двигался. Адреналин, питавший его последние полчаса, начинал отступать, оставляя после себя пустоту и легкую дрожь в коленях. Он смотрел на свою работу, и теперь, без ослепляющего жара творчества, она показалась ему посредственной и безрассудной. Что он наделал?

Волчек медленно обходила полукруг мольбертов. Лицо оставалось непроницаемой маской. Она бросала беглый, оценивающий взгляд на каждый лист, не произнося ни слова. Молчание это было красноречивее любой критики. Она остановилась у работы Берта, кивнула с едва заметным одобрением, затем перешла к Юргену, подарив ему еще один сдержанный кивок.

И вот она оказалась перед мольбертом Вульфа.

Тишина стала густой, звенящей. Вульф чувствовал, как на него смотрят другие участники. Он видел, как Юрген приподнял бровь, готовый насладиться провалом выскочки, но былой снобизм сменился откровенной болезненностью.

Взгляд Волчек же, холодный и аналитический, скользнул по безупречно выстроенной композиции, по тонко проработанному стеклу, теням в глазных впадинах черепа. И замер на призрачных побегах асфоделуса, оплетающих бархат. И снова не дрогнул ни единый мускул. Ни удивления, ни гнева. Лишь глубокая, испытующая сосредоточенность. Волчек смотрела так долго, что Вульфу стало не по себе.

А затем она сделала то, чего не делала ни перед одной другой работой. Она медленно обошла мольберт, чтобы взглянуть на набросок под другим углом, словно пыталась разгадать скрытый в нем шифр.

– Цветов нет на композиции, – сухо сказала она.

– Их нет на переднем фоне, – парировал Вульф, проглатывая ком в горле. – Но это не значит, что их нет на картине в общем.

Он указал на вазы, которые удачно обрамляли постамент, пусть и делали это на почти пять метров дальше. Волчек посмотрела на него сперва холодно, затем удивленно, будто то, что казалось ей неживым, вдруг открыло рот и заговорило. В ответ она не произнесла ничего, только тихо хмыкнула и вышла из зала, предоставив конкурсантов самим себе.

Безымянные девушка и парень тут же стали переговариваться, а Берт с улыбкой подошел к другу, но тот никак не отреагировал на его похвалу. Вульф прошелся, чтобы оглядеть работы конкурентов вблизи. У первых двух ничего особенного, даже зацепиться не за что. А вот Берт удивил. У него были не линии, а летящие, воздушные штрихи, почти как те, что создавали солнце и тени на полу. И все же наибольшее внимание привлек Юрген, который бледнел с каждой минутой еще сильнее.

– Может, не стоило столько пить? – съязвил Вульф и тут же замер, когда тихий шепот двух других участников разбавило громкое урчание в животе Юргена. А потом он заметил и то, как неестественно расширены его зрачки.

Шестеренки в мозгу, только расслабленном после дионисийства творчества, заскрипели в другом направлении. Вульф припомнил уроки химии, больше всего на которых ему нравилось рисовать соединение молекул. Но именно так он и нашел в своей памяти то, что напугало его еще больше. Сульфат магния, о котором пошутил официант. Английская соль. Слабительное. И красавка… Белладонна. Яд. Не смертельный, а для… *лучшего эффекта*.

Это не было шуткой. Этот псих *на самом деле* отравил его! И Вульф мог сколько угодно считать Юргена выскочкой и извращенцем, но такой радикализм казался абсолютно чрезмерным, как выстрел в ответ на удар.

Не обращая внимания на удивленный возглас Берта, Вульф ринулся к двери и буквально влетел в малый зал. Он намеревался найти Волчек, Кольбе или даже ту самую девушку. Кого

угодно, кто мог бы обеспечить бедному придурку помощь. Но… Он застыл, так и сжимая массивные ручки дверей. Не дойдя до них пары метров, в зале стояли Волчек и мужчина, на котором сосредоточилось все ее подобострастное внимание.

Он был высок и грузен, но не рыхл, а монолитен, как скала, обтесанная ветрами столетий. Пиджак из тончайшей шерсти сидел на нем безупречно, но не скрывал, а подчеркивал тяжесть широких плеч и могучее телосложение. Лицо его, бледное и тяжелое, с крупными, статичными чертами, было высечено из того же мрамора, что и лица предков в галерее. Тот же прямой нос, тот же упрямый изгиб тонких губ. Вильгельм-Карл Виттельсбах. Сама квинтэссенция власти крови, о которой распинался Браун. Король без короны, но с землями, призрачным титулом и совсем не призрачными банковскими счетами.

Он не двигался и не говорил. Он просто позволял своему присутствию заполнить пространство, вытесняя из него воздух. И Вульф с ужасом осознал, что этот человек и поместье будто были сделаны из одной субстанции. Но еще более пугающей мыслью стало то, что взгляд мутно-голубых глаз напомнил ему иной, льдистый и ясный.

– Герр Эммерих! – зашипела Волчек, и от высокомерного спокойствия ее не осталось и следа. – Немедленно вернитесь на место!

– Нет, – ответил Вульф, и сам подивился твердости, с которой это прозвучало. – Один из конкурсантов отравлен. Ему срочно требуется помощь.

– Отравлен?

Виттельсбах посмотрел на него. Именно на него, а не сквозь. Голос его звучал гулко, будто отражался от стен и лишь затем слетал с языка. Или Вульфу, оглушенному пульсацией собственной крови в висках, так казалось.

– Сульфат магния и красавка. Где-то… час или около того назад. Доза небольшая, была смешана с шампанским. Я думал, он шутит… А этот теперь весь бледный и…

Он всплеснул руками и резко выдохнул. Нужно было сосредоточиться. Да, ситуация полное дерьмо, но истерикой делу не поможешь. Более того – был шанс опозориться перед чертовым королем. То есть, не совсем королем, а… Мать его. Это Юргена отравили, а не Вульфа, так почему мысли так предательски путались?

Хорошо, что Волчек больше не стала напирать с расспросами. Она ринулась в мастерскую – уже без былой грации, а с такой же нервозностью, с какой Вульф ее покидал. Сам же он остался в малом зале, лицом к лицу с тем, чье существование презирал… и одновременно чтил, как чтят достойных соперников, без которых борьба и победа не были бы так сладки.

– Отравление, значит.

Виттельсбах на мгновение замер, и в его глазах мелькнуло нечто острое, сменившееся ледяным интересом.

– И откуда вам так много известно об этом, герр… Эммерих?

Вульф вздрогнул от звуков собственной фамилии на устах этого льва. Вот тут его и перекусят надвое. Вот прямо сейчас.

– Официант сам мне сказал, – с трудом, но ровно ответил он. Ладони снова вспотели. Все спокойствие, что подарило ему творчество, сгинуло моментально. – Мы столкнулись в саду, поспорили… из-за девушки. Официант подошел с бокалом, вручил его лично Юргену, а когда тот ушел, сказал мне, что там слабительное и яд. Я подумал, это шутка такая, а…

Виттельсбах поднял ладонь, принуждая его замолкнуть. Вульф шумно сглотнул. Это был не уровень Брауна и его казино – теперь те казались мальчишками в песочнице. Виттельсбаху же перечить и язвить стал бы разве что самоубийца. А Вульф, несмотря на весь свой фатализм, еще планировал немножко пожить.

– Как выглядел официант? – сухо спросил Виттельсбах. Бесцветные губы его сжались, окончательно теряясь на лице, а взгляд переменился, заставляя Вульфа чувствовать себя еще более мелким и ничтожным.

– Эм… м-молодой, высокий такой, блондин. Похож на вас… – Вульф снова сглотнул, – немного. И глаза у него жуткие, как у… тигра. Да, точно, как у тигра. Животные такие немного, холодные, как лед.

Виттельсбах шумно втянул носом воздух. Это была злость. Но парадоксально именно это и сместило его с Олимпа божественного на человеческий уровень. Потому что Вульф узнал эту злость – родительскую, смешанную с раздражением и усталостью.

На громогласный щелчок пальцами явился тот самый старик, Кольбе, и торжественно кивнул, не удостоив Вульфа и взглядом.

– Найди Хагена и вели ему прийти в мой кабинет, – почти прорычал Виттельсбах. – Немедленно.

И наконец пазл собрался. Официант, показавшийся Вульфу таким странным, официантом вовсе не был. Это был, стоило полагать, сын. Львенок, решивший позабавиться. Или отомстить? Припомнились и слова Юргена о служанках. Быть может, он был не прав лишь в одной детали – с ними время любил проводить не старший, а младший Виттельсбах. А та, рыжая, была его любимицей, которой позволено все, что дарует статус королевской любовницы? От мысли этой внутри у Вульфа что-то неприятно засосало.

Но не успел он опомниться, как Виттельсбах, миновав его, размашистым шагом направился в мастерскую. Вероятно, он с самого начала считал себя главным критиком, отбирающим конкурсантов, а Вульф просто поторопил события и испортил ему настроение. И ради кого? Ради придурка Юргена, не способного удержать член в штанах? И теперь его идиотский порыв испортит шанс сразу пятерым людям.

Не зная, что еще делать, Вульф поплелся обратно. Может, хоть тюбик краски спереть? На память, да и все равно им без надобности – положили их здесь красоты ради, только душу травят.

Однако плану не суждено было сбыться. Виттельсбах, не обращая внимания на хлопочущую у Юргена Волчек, с непроницаемым лицом ходил от холста к холсту. Он смотрел на них долго и пристально, почти как те надменные преподаватели, с которыми имел несчастье столкнуться Вульф на экзаменах в академию. Внутри снова все сжалось, в голове прозвучал нестираемый из памяти неумолимый голос: «Задатки таланта есть, но слабые». А следом другой, самый хлесткий, из последних: «Вам бы не мучить бумагу, а заняться чем-нибудь другим». Черная лапа ярости, ничуть не поутихшей с тех пор, поднялась к горлу, но самым последним пришел еще один голос, полный смеха: «Заняться другим? Иди в политику, брат! Судьба зовет!».

– Что это?

Вульф дрогнул, но выпрямил спину, когда Виттельсбах остановился у его натюрморта. Плющом цепляющиеся за бархат стебли снова приковали внимание. Наверняка это было величайшей ошибкой, какую только совершал Вульф, но именно сейчас, под гнетом королевского присутствия, он понял, что никогда не писал ничего лучше. И даже находил иронию в том, что высочайший его взлет неминуемо окажется его же жесточайшим падением. Раз уж он вступил на эту зыбкую землю мифов, то был готов сгореть, подобно Икару.

– Цветы, – ответил Вульф просто, и теперь ему не приходилось прилагать к тому усилий. – Оригинальная композиция показалась мне слишком скучной.

Взгляд Виттельсбаха лег ему на плечи весом могильной плиты, но Вульф упрямо заставил себя держать голову ровно. Он и так проиграл. Так пусть Его Светлость хоть услышит правду напоследок.

– Композицию составляла лично фрау Виттельсбах, – зло прошептала Волчек, когда заботу о Юргене на себя наконец взял подоспевший штатный доктор.

– Не стоит, – остановил ее взмахом руки Виттельсбах. – Юноша высказал свое мнение. Новое поколение, как я знаю по опыту собственной семьи, в этом отношении чрезмерно.

Губы его дрогнули в скупом подобии улыбки, а сам он снова повернулся к натюрморту. Мгновение тянулась тягостная тишина, нарушаемая только приглушенным голосом доктора, а затем Виттельсбах неожиданно кивнул, причем дважды: холсту и Волчек. Та бросила на Вульфа убийственный взгляд, но вернула себе натужно-вежливый вид, прежде чем обратиться к нему:

– Можете пройти в малый зал, герр Эммерих. Герр Кольбе проводит вас дальше.

Вульф замер. Весь мир замер. А потом обрушился на него с грохотом скоростного автобана. Это был… не отказ. Уж точно нет. Потому что ни к парню-азиату, ни к чернокожей девушке, работы которых Виттельсбах уже миновал, Волчек не подошла, и теперь те, счищая с ладоней следы работы, с грустным видом переговаривались между собой.

Виттельсбах и сам двинулся к выходу, но Волчек боязливо нырнула ему под локоть, перегораживая путь, и что-то поспешно зашептала, стреляя глазами в сторону выбывших конкурсантов. Вульф, полшколы обменивавшийся с Эрихом ответами на тесты, неплохо умел читать по губам, так что слова «расовое разнообразие» смог разобрать прекрасно. И это окончательно вернуло его с небес на землю. Вполне вероятно, что для всех этих снобов он и сам был своего рода «разнообразием».

Настроение грозило снова упасть в бездну, но Вульф краем глаза уловил движение. Берт, поймав его взгляд, показал два больших пальца и подбадривающе улыбнулся. Солнечное дитя, не иначе. И все же Вульф был рад, что оба они прошли дальше.

– Герр Виттельсбах! – насколько мог громко окликнул Юрген, неуверенным жестом отталкивая доктора. – Я настаиваю, чтобы вы взглянули и на мою работу.

– Вам нездоровится, герр… – Виттельсбах скосился на Волчек, и та охотно подсказала фамилию шепотом, но Его Светлость так и не потрудились ее произнести.

Вульф фыркнул. Нездоровится? Да в его собственном поместье его же сынок-псих отравил участника конкурса на портрет его же дочери! Семейка Борджиа какая-то.

– Я настаиваю, – упрямо повторил Юрген, пошатываясь. – Я чувствую себя… вполне хорошо, чтобы продолжить.

Не дав Волчек ринуться в атаку, Виттельсбах степенно вернулся к мольбертам, но едва успел остановиться, как Юрген издал странный клокочущий звук и согнулся пополам.

Завороженные, несколько долгих мгновений все смотрели, как до блеска начищенные броги заплескивает рвотой. И ужас для Вульфа сменился весельем – неуместным, нелепым, а потому безудержным. Он закрыл себе рот ладонью, чтобы приглушить рвущиеся наружу смешки, и выглядел так, будто и сам собирается очистить желудок.

– Фрау Волчек… – металлическим голосом позвал Виттельсбах, глядя на стекающие на пол кусочки закусок с фуршета. – Отведите герра Эммериха и… двух других к остальным. А *это*, – он шумно вдохнул, – немедленно уберите.

Глава 10

Кольбе проводил их по длинным коридорам к очередным огромным дверям, за которыми скрывалась комната с громким названием «Зеленая гостиная». Вульф хотел было пошутить, не водятся ли в поместье гостиные с прочими цветами радуги, но все, словно сговорившись, шли в гнетущей тишине, нарушать которую казалось ребячеством.

Берт то и дело оглядывался, будто ждал, что Юрген окажется настолько настырным, что последует за ними и сюда. Девушка же нервно теребила шелковый шарф и старалась смотреть строго перед собой. Вульф, к тому моменту вдоволь покатавшийся на эмоциональных горках, уже без зазрений совести или стеснения глазел по сторонам, впитывая обстановку, как музейные экспонаты.

Наконец Кольбе торжественно отворил двери. Если предыдущие залы давили величием, то эта комната дышала уставшей, потертой роскошью. Своим названием она была обязана стенам и изумрудному бархату, которым были обиты диваны и глубокие кресла. Бархат этот давно выцвел на спинках и подлокотниках, обнажив плотную, песочного цвета основу ткани.

Комната была просторной, но не гигантской, и ее пропорции казались почти человечными после сводчатых потолков. Высокие окна в резных деревянных рамах выходили на тот самый сад, где Вульф столкнулся с психом, носившим, как выяснилось, вполне подходящее ему имя – Хаген. Свет, проходя сквозь листву, становился мягким и зеленоватым, отсвечивая в потемневших медных бра на стенах.

Здесь, в отличие от парадных залов, было чем заняться, кроме как пялиться в потолок. На низком столе из орехового дерева были разбросаны журналы: не только искусствоведческие «Art» и «Kunstforum», но и старые номера «Der Spiegel» и даже «Bravo».

И именно здесь собрались те, кого не отсеяли в первом раунде. Человек пятнадцать разбились на маленькие группы. Одни с жаром обсуждали прошедший тур, другие молча пили кофе или минералку, третьи, сжавшись в креслах, пытались абстрагироваться от общего напряжения.

Берт кивнул Вульфу и направился к столу с закусками, где вместо канапе можно было сыскать что-то посолиднее, рассчитанное на долгое ожидание. Вульф же, все еще находясь под впечатлением от произошедшего, пристроился у окна, в стороне от всех. Он смотрел в сад, на солнечные блики, танцующие на гравийной дорожке, и мысленно возвращался к своему рисунку. К асфоделусам. К ледяному взгляду Виттельсбаха. И к тому, как его, вопреки всему, не вышвырнули вон.

Кольбе коротко, явно не в первый раз, указал направление уборных и объяснил главное: им дозволено выходить, но не дальше этого крыла, с любыми просьбами обращаться к персоналу, а также добавил, что им следует поесть и набраться сил, ведь уже скоро придется столкнуться со вторым туром, после которого их наконец отпустят, а об итогах сообщат письмом.

Берт, уминающий салат с рукколой, переглянулся с Вульфом, и тому почудилось это жестом… поддержки. Словно теперь, лишившись друга, Берт решил, что им станет Вульф. И вопреки ожиданиям, эта мысль оказалась… приятной. Вульф мог сколько угодно строить из себя одинокого волка, но даже его скудных знаний по биологии хватало, чтобы помнить: в одиночку волки долго не живут.

Он потер лицо и снова посмотрел в сад, на возвышающийся среди кустарников лук Артемиды. Он вновь и вновь возвращался к этим магнетическим глазам, к этому нахальству, читавшемуся в каждой черте. Эриния медленно, но неукротимо порабощала его сознание. Ну и дерьмо…

С другой стороны, это отвлекало от мыслей о собственном ничтожестве. Он заикался! Перед этим нахохленным исполином… Какой же позор. И пусть свидетелями тому были только

он, Виттельсбах и Волчек, это точило корень его эго со скоростью термита, нашедшего самое вкусное дерево.

Но он написал хороший натюрморт, напоминал себе Вульф. Этим стоило гордиться, какими бы в итоге ни были причины прохождения его во второй тур. Он сделал именно то, чего просила не делать Волчек – прыгнул выше головы. Главное теперь не свернуть шею.

– Ты бы поел, – отвлек тихий голос. Берт протянул ему «Шварцвальд» в изящном стакане и устроился рядом на подоконнике. – Ждать долго, учитывая, что после нас есть еще группы. А потом еще и второй тур… Я подслушал у парней, что там будет эскиз с натуры.

– Спасибо. – Вульф без интереса повозил серебряной вилкой по крему сверху. – Как ты… себя чувствуешь? Ну, после хрени с Юргеном?

– Это его вырвало на туфли королю, а не меня, так что… – Берт улыбнулся, но улыбка эта не дошла до его глаз. – Это ужасно, конечно. Но доктор вроде сказал, что с ним все будет в порядке.

– А проигрыш его не подкосит?

– Получать удары по самолюбию больно, но иногда полезно. Особенно для Юргена.

Он задумчиво пожевал губу, будто решал, продолжать ему или нет, и все же сдался:

– Ему не особо нужна была победа, знаешь ли. Он мастер другого стиля. Не зря же Рихтер считает его своим лучшим учеником.

Еще бы… Вот откуда в нем столько спеси. Но сказал Вульф другое:

– Мне никогда Рихтер не нравился.

– Мне тоже.

В этот раз обмен улыбками вышел искренним. Вульф порадовался, что его заявление не было воспринято в штыки. Да, Рихтер был гением, да, он искренне причислял его к небожителям художественного Олимпа, но одно дело – признавать талант, и совсем другое – восхищаться им.

– Мне больше близок импрессионизм, – продолжал Берт. – Причем раннему, до того, как это все ушло в деконструкцию ради провокации.

Удивительно было это слышать от кого-то столь юного. Вульф привык, что его сверстники упиваются свободой бунта, ломая сломанное и сращивая несовместимое, чтобы под эгидой выражения себя спрятать внутреннюю пустоту.

– Мне понравился твой натюрморт, – наконец сказал Вульф. – Ты очень хорошо работаешь с тенями.

– А ты – с формой, – благодарно кивнул Берт. – Эти цветы… очень красивая метафора. Когда я жил в Испании, знаешь, у нас росли такие на вилле. Мама иногда рассказывала истории… Она гречанка, так что мифы знает лучше азбуки.

Взгляд его потеплел, стал почти мальчишеским. Вульф же напрягся.

– Вилла… Очередной богач, значит?

– Нет. – Берт тихо рассмеялся. – Я не так выразился. Вилла-то была не наша. Мама была домработницей и няней с проживанием. К ней там хорошо относились, так что позволили взять меня с собой.

Вульф нахмурился, глядя на его слегка загорелую кожу, карие глаза и пшеничного цвета волосы. Чертами – вылитый европеец, разве что акцент, да и то мимолетный, мог выдать в нем жителя юга.

– Ты на грека не похож.

– Шведские гены отца оказались сильнее, – пожал плечами Берт. – А ты?.. У тебя акцент очень интересный. Австрия, да? Там очень красиво. Я хотел поступить там, в Вене, но приехал слишком поздно. Но меня заметил герр Вайшер, так что с тех пор я обучаюсь у него. Хотя, конечно, я считаю, что нельзя зацикливаться на чем-то одном, так что я гость во многих мастерских. Но повезло с приглашением мне именно у герра Вайшера.

– Не поверишь… – хмыкнул Вульф. – Я облажался на этих экзаменах столько раз, что могу уже книгу писать. Главное, не о борьбе.

– Прости?

– Мой друг, Эрих… В общем, он о моих провалах уже может составить сборник анекдотов. И большая часть из них заканчивается предложениями начать выступать в пивных.

– А он тоже художник?

– Ну… он вполне неплохо управляется с уриноартом. Знаешь, на первом снегу, особенно если пьяный…

Его улыбка быстро пропала с лица, когда он понял, что Берту это смешным не кажется. Что ж, вот еще один урок сегодняшнего дня: вода с маслом не перемешивается. То, что было актуально в Матрае и даже – если везло – для Рудольфа, здесь считалось странностью. Так что Вульф, слизав с вилки остатки торта, поспешил покинуть поле проигранного боя:

– Пойду разомну ноги. Не скучай.

Он скользнул в щель приоткрывшейся двери, когда комнату покидал официант с подносом грязной посуды, и снова оказался в просторном коридоре. Тишина. Только где-то далеко противно тикали напольные часы, которые они миновали по пути сюда. Вульф, оглядывая то бюсты на постаментах, то лепнину на потолке, пошел в противоположную от них сторону, надеясь, что не заблудится и сумеет после найти дорогу назад.

Ноги привели его к массивной арке, драпированной темно-зелеными бархатными шторами, которые были собраны серебряными подхватами в виде дев с авлосами в руках. Первым же, что встречало входящего, было вытянутое полотно, знакомое Вульфу из учебников: «Мнемозина» Россетти.

Он замер прямо в проходе и поднял голову, чтобы рассмотреть тусклый блеск на ее медных волосах. А затем повернулся и увидел длинные ряды все новых и новых полотен… Он пришел не просто куда-то, а в святая святых – в галерею.

Но это не было галереей в музейном понимании – вылизанной, стерильной, с бездушным хронологическим порядком. Это была сокровищница, и плотность шедевров на квадратный метр казалась ошеломляющей, почти неприличной.

Помещение представляло собой анфиладу из трех залов, перетекающих один в другой через низкие арочные проходы. Стены, обитые темно-бордовым штофом, служили идеальным фоном. Паркет, сложный узор из мореного дуба и палисандра, был так отполирован, что картины отражались в нем, как в темной воде.

А еще были они. Оригиналы.

Прямо напротив входа, слева от «Мнемозины» Россетти, висел небольшой, но гипнотизирующий «Портрет молодого человека» Бронзино. Холодный, почти металлический аристократизм модели, его рука с изящно лежащей на книге перчаткой, все это было выписано с такой ледяной, бесстрастной точностью, что становилось страшно. Взгляд, казалось, видел насквозь не только Вульфа, но и все последующие века. Рядом висела босховская «Сцена из жизни отшельника» – крошечная, не больше листа А4, но вмещавшая в себя целую вселенную искушений и демонических видений.

Вульф медленно прошел дальше, в следующий зал. И сердце его билось все чаще, а потом… замерло. Ведь там, на тахте, обитой знакомым изумрудным бархатом, сидела *она*. Рыжая, живая, манящая, как прохлада в знойный день. Вытянув ноги, она устроилась напротив большого полотна с книгой, название которой Вульф не мог разглядеть. А потому сделал то, что казалось ему самым логичным – спросил.

– Что читаешь?

Она вздрогнула, но не испуганно, как лань, а резко, как готовый к схватке боец. Он видел, как напряглись ее мышцы, как выделились жилы на шее. Она метнула в его сторону убийственный взгляд, и Вульф даже приподнял руки в сдающемся жесте.

– Прости. Не хотел напугать. Я и сам не ожидал кого-то здесь встретить.

Он на пробу сделал шаг, внимательно следя за ее реакцией. Напряженности в ее плечах появилось еще больше, так что Вульф решил пока притормозить. Зато теперь он видел обложку книги, которой она отгородилась от него. «Рассказ служанки». Интересный выбор для такого погожего дня.

– Ты же один из конкурсантов. Ты должен быть с остальными овцами в загоне.

Она оглядела его с ног до головы, без пафоса или надменности, скорее просто как… предмет, часть фурнитуры. Стало даже как-то обидно.

– Но ты ведь тоже… конкурсантка, разве нет? И раз тебе позволено здесь быть, то и мне.

Вульф очень постарался, чтобы это не звучало агрессивно, потому что меньше всего ему хотелось разгневать эту эринию. Во-первых (и, как он убеждал себя, в главных), он не хотел связываться с ее странноватым заступником-принцем. Во-вторых… стоило уже признать: она ему понравилась. А Вульф был не из тех, кто дергает понравившуюся девчонку за косички.

Девушка удивленно приподняла бровь и наконец посмотрела на него по-настоящему. Сперва она казалась растерянной, а затем вдруг улыбнулась. Совсем чуть-чуть, но этого оказалось достаточно, чтобы просветлевшее лицо ее стало еще прекраснее, даже если улыбка эта и была насмешливой.

– Можно? – Вульф подождал, пока она кивнет, и только затем сел на самый край тахты. Она отодвинулась на противоположный. – Мне просто… очень понравилась картина. Это Альфред Веруш-Ковальски.

Он кивнул на полотно по левую руку, но девушка даже не повернула головы. Конечно, это был лишь предлог, но картина и впрямь казалась Вульфу выдающейся. Темный аквамарин неба, припыленный перламутр снега, россыпь желтого света вдали. Это порождало в нем что-то старое, забытое, прямиком из детства.

– «Одинокий волк», знаю, – хмыкнула девушка. – Не удивлена. Классический выбор для мужчин. Хищник, страдающий на перепутье миров, до которых ему не добраться.

Она откинула волосы на спину и посмотрела на него так устало, будто вела этот разговор уже трижды только за сегодняшний день. Вульф стушевался, хотя обычно в беседах с девушками быстро находил слова. Эту свою заминку, однако, он попытался оправдать тем, что засмотрелся на переливы света на огненно-рыжих прядях. Как художник, естественно.

– Я интерпретирую эту картину иначе, – наконец нашелся он и снова повернулся к полотну. – Он не страдает, он готовится. Огни деревни и звезды одинаково удалены от него, а значит он может добраться и до того, и до другого, если пожелает.

Он пожевал губу, слегка прикрыл глаза, и в образовавшейся темноте вспыхнула картинка: он, укутанный в старую, большую ему на два размера куртку, стоит на берегу ручья Бреттервандбах и, ежась, глазеет на далекие огни собственного дома, оставшиеся на том берегу. Влажный ветер пробирает до костей, ночь давит на плечи, замыливает силуэты, и остается лишь отчаяние. Ему семь, дома пьяное чудовище, в очередной горячке громящее все вокруг. Идти некуда, ведь Шульцы уехали в Чехию к родственникам, но и возвращаться не хочется. И он стоит, немеет от холода, и все смотрит и смотрит, и уже даже не на дом, а на весь город. И все, что остается в детской голове – это надежда. И холодное, жесткое обещание, что это последний раз, когда он позволяет себе оказаться в таком дерьме.

Вульф тряхнул головой. Наверняка он выглядел сейчас жалко, с этими глазами побитого щенка, как подшучивал Эрих. Поэтому, силясь отвлечь внимание и свое, и девушки, он протянул ей ладонь:

– Я Вульф, кстати.

– Тогда не удивлена еще больше. Вульф, восхищающийся картиной с волком. Невозможно придумать еще большее клише.

Она насмешливо цыкнула и нарочито проигнорировала приглашение к рукопожатию. Вульф притворно ахнул. Отлично, теперь у него был крючок, чтобы окончательно отделаться от нахлынувшего мрака прошлого.

– Эй! Я же не обвиняю тебя, что ты выбрала место напротив «Прозерпины».

Он указал на правую стену, где и впрямь громоздилась знаменитая картина с рыжей богиней. Девушка, сложив руки на груди, уставилась на него со смесью презрения и веселья.

– Сравниваешь меня с этой слабачкой, позволившей похитить себя?

– Опять же, мне нравится версия о чистой любви бога мертвых и богини весны.

– Опять же, классика для мужчин. – Она закатила глаза. – Вы всегда видите в насилии любовь. Так вам удобнее оправдываться.

Доля правды в ее словах присутствовала, но Вульф уже разгорячился. Если она хочет тратить время на глупый спор, он с радостью тоже в нем поучаствует. Это куда лучше, чем сидеть у окна и пялиться на сад, как страдающая девица из романа Бронте.

– По крайней мере, Аид ей не изменял.

– У него была Левка… и Минта. И обеих он похитил, *представляешь*?

Тон, которым это было сказано, не оставлял других интерпретаций: она назвала его тупым. И Вульф бы обиделся, не вернись на ее лицо та самая едва заметная лисья ухмылочка. Внизу живота приятно и знакомо затянуло.

– Технически, он похитил только Левку, – выждав для пущего эффекта, парировал Вульф, – а Минта добровольно стала его наложницей. А Персефона ее затоптала и превратила в мяту.

– Сразу видно, что мифы придумывались не женщинами. Ведь тогда сюжет был бы иной: Аида ждала бы та же участь, что и его деда.

Он и сам не заметил, как придвинулся. А она не стала отдаляться. Воздух снова наполнился ароматом ее духов, и Вульф уже был уверен, что никогда не сможет смотреть на «Одинокого волка», не вспоминая о них.

– По другой же версии, в мяту ее превратила Деметра, когда Минта не пожелала смириться с тем, что Аид избрал Персефону. – Он важно оттопырил указательный палец. – Видишь, не только ты можешь быть невыносимой снобкой.

– То, что ты читал пару книжек, не делает тебя умным.

– То, что ты сводишь все к феминизму, не делает тебя Кларой Цеткин.

Вот оно… настоящая, широкая улыбка. И легкий румянец на бледных щеках. Девушка отвернулась, будто хотела скрыться, и пряди огненной завесой скрыли ее лицо. Вульф и сам почувствовал, что краснеет. Черт, не хватало только вот так влипнуть… Эрих же его засмеет – запал на девчонку, которая без труда бы могла его оскопить.

– Ева, – негромким, так не похожим на прежний голосом представилась она и протянула руку.

Вульф с готовностью аккуратно сжал ее изящную ладонь в своей, стараясь не задерживаться слишком долго, чтобы не спугнуть. Ева была бойкой, он не смог бы этого отрицать, но физический контакт явно выбивал ее из колеи. Вот и теперь сразу после она сжала ладонь в кулак и отдернула ее прочь. Уже то, что она вообще позволила к себе прикоснуться, можно было счесть победой.

– Жаль, что представился раньше, а то назвался бы сейчас другим именем.

– Адамом?

– Нет, но тоже на «А».

Он прыснул со смеху, а она продержалась на пару секунд дольше. И снова отвернулась, словно тот факт, что мужчина способен вызывать у нее хоть какую-то положительную реакцию, приводил ее в ступор.

– Значит, прошел во второй тур, Вульф?

И пусть она спросила это лишь за тем, чтобы перевести тему, Вульф разомлел. О, боги, его имя в ее устах… Этот день определенно испытывал его на прочность.

– Как и ты, очевидно. Хотя мой этап, готов спорить, был куда интереснее. – Он с напускной надменностью выгнул бровь. – Одного из соперников вырвало прямо на обувь королю.

– Я бы все отдала, чтобы посмотреть на его рожу.

– А я могу изобразить!

Он охотно выпрямился и, как ему казалось, с абсолютной точностью воспроизвел лицо Виттельсбаха в момент соприкосновения рвоты с его дорогущими туфлями. Ева захихикала, прикрыв рот ладонью, и это не был клишированный «перелив колокольчиков», а самый настоящий смех, полный жизни, а не поэтической музыки.

Успокоившись, она снова посмотрела на него, уже не пытаясь глядеть сквозь. Вульф слегка улыбнулся. Молчание, затянувшееся между ними, казалось более чем комфортным, и что-то внутри него надеялось, что они еще очень долго просидят так, ужасно далеко, но в то же время странно близко, среди запахов старых полотен, навощенных полов и аромата ее духов.

– Тебе пора, – мягко сказала она, глядя на часы на своем запястье. – Второй тур начинается через пятнадцать минут.

– А ты разве не идешь? Твоя группа же была раньше моей.

– Первыми будут запускать тех, кто показал наиболее хорошие результаты.

– Откуда ты знаешь, что мой результат был хорош? Может, меня взяли из жалости. Или за красивые глаза… Потому что глаза у меня правда шикарные.

– Не льсти себе, одинокий волк. – Она фыркнула. – Но… я просто знаю. Или надеюсь.

– Ух ты, неужели все дело в моем милом личике? – он ахнул. – Я больше, чем симпатичная мордашка, фрау!

Он вскочил, уперев руки в бока. Ева с чувством показала ему средний палец, и теперь уже рассмеялся он. Нос она морщила до нелепого мило.

– Иди уже! – прикрикнула Ева, но, стоило ему дойти до первой анфилады, слегка неуверенно окликнула: – Вульф? Удачи.

Внизу живота снова стало жарко, но Вульф заставил себя не думать об этом. Он остановился, впитывая вид ее рыжего нимба, сияющих глаз, насмешливого выражения лица… Он уже не думал о конкурсе. К черту принцессу. Он бы все отдал, чтобы написать *ее*.

– Мы же еще увидимся? – с надеждой спросил он.

– Если очень постараешься.

Она подмигнула. А он решил, что перевернет это поместье вверх дном, но постарается так, как не старался никто и никогда в этой чертовой стране.

На вопрос Берта, который встретил его у входа в гостиную, Вульф только отмахнулся. Он собирался сохранить Еву, свою эринию, только для себя, как бы мелочно то ни звучало. Она стала его личной музой, равно как и провидицей – Берт, Вульф и еще с пять человек вошли в первую группу, которую повели обратно в мастерскую. А спешащая рядом Волчек все распиналась о том, как же им повезло, что Его Светлость заметил их талант.

Мольберты теперь стояли иначе. Вместо разномастных материалов – только карандаши. Первый набросок полагалось делать без лишних деталей. И проговаривая это, Волчек особенно внимательно посмотрела на Вульфа.

Он нашел тот самый мольберт, оказавшийся прямо напротив выставленного в центр зала кресла. Вензельная спинка, подлокотники со львами… настоящий трон для принцессы. И особенно это впечатление усилилось, когда в мастерскую вошел Кольбе и торжественно объявил о появлении Женевьевы Виттельсбах.

Остальные участники почтительно встали. Вульф тоже поднялся, но без особого энтузиазма. Мысленно он еще был там, в галерее, на одной тахте с девушкой столь удивительной,

природной притягательности, что замирало сердце. *Ева*. Как забавно. Если он был одиноким волком, то она – воплощением пробуждения от летаргии райского сада.

Берт ахнул. Вульф вскинул голову, глядя сперва на его завороженное лицо, а потом замер и сам. Перед ними стояла Женевьева. Девушка с уложенными в высокий хвост волосами, одетая в строгие брюки и блузку с кроваво-красным корсетом, поставленная на каблуки. Идеальная аристократка. Но даже этот маскарад не смог отобрать у нее душу, таившуюся во взгляде.

Ева… Его эриния. Не просто пробуждение, но и запретное, невыносимое искушение. И теперь Вульф сполна осознавал все свое отчаянное положение.

Она смотрела на него, пока Волчек раздавала последние указания. А затем, прежде чем сесть, как бы в воздух произнесла:

– Постарайтесь дотянуться до звезд и огней, господа.

Глава 11

Плеяда выстроенных в три шеренги портретов походила на роту солдат, собранных на плацу для смотра правителем. И правитель этот, вороньим крылом заведя руки за спину, вышагивал от одного холста к другому с таким высокомерным видом, будто и вправду хоть что-то понимал в искусстве. А следующая за ним Волчек по приказу отставляла отвергнутые наброски в общую стопку.

Мать вилась рядом, но в ее оценке было больше живости: она хмурилась, хмыкала и охала, завидев особенно удачный набросок лица или с изыском выбранную позу. Хотя они были одинаковыми. Все здесь было одинаковым. Будто часы, что Женевьеве пришлось просидеть со смирением восковой куклы, здесь работал не взвод художников, а огромный копировальный аппарат.

Женевьева к холстам не подходила. Ее уже подташнивало от голода, хотя они дважды прерывались на перекусы; разболелась голова от духоты и просто кончилось всякое терпение. То, что изначально представлялось неприятным действом, обернулось настоящим испытанием. А это был только второй тур… И они едва сделали эскизы, которые позволят Его Светлости решить, кого из художников пропустить дальше, на следующий круг ада.

– Посмотри, какая тонкая работа с линиями! – в очередной раз всплеснула руками мать. – Просто чудо… Ты обязательно должна посмотреть, Женевьева.

Приглашение быстро обрело подтекст приказа. Женевьева со вздохом поднялась из кресла, в котором провела, казалось, целую вечность, и медленно, чтобы ее неудовольствие стало ясно каждому, подошла к матери.

Та все что-то ворковала насчет ничем не примечательной работы, расписывая чуткость автора, когда Женевьева приметила второй, поставленный сбоку от этого холст. Первым, что ее поразило, стал контраст: в отличие от прочих, линии здесь были резкими, грубыми, почти яростными. Будто рисуя, художник был столь разочарован или зол, что чувства эти неминуемо выплеснулись на бумагу.

А второе… У Женевьевы перехватило дыхание. Сам портрет. Не грациозная лань, не холодная аристократка, не скучающая дева – те чуждые, смехотворные незнакомки, которых увидели другие. С этого холста на зрителей смотрела жесткая, почти надменная Артемида. Вместо рубашки с корсетом на груди ее был перекрещен хитон, а за плечом виднелись оперения убранных в колчан стрел.

В авторстве не оставалось сомнений. Ответ Женевьеве будто подсказало само нутро. И все же, на тот случай, если ей случилось бы сомневаться, *он* оставил подсказку: у ключицы, в драпировке хитона, была приколота брошь, восьмиконечная звезда, внутри которой угадывался силуэт волка.

Сперва Женевьева просто молча смотрела на это странное, отзывающееся до болезненного приятной резью в груди изображение. Это была она. Не принцесса, не бунтарка, не красивое личико, а *она*. Та она, которой себя видела и которой так отчаянно стремилась стать.

И это увидел он, Вульф, тот странный парень со взлохмаченными волосами цвета воронова крыла и подвижными, до хищности стальными глазами. Он напоминал ей Хагена. Но если тот был арктическим льдом, то Вульф – пламенем. И даже Женевьева, считающая почти всех представителей рода мужского самцами человека, не смогла отвести взгляда от всполохов.

– Парень с цветочками, стоит полагать, – прогрохотал голос отца где-то над ухом. Женевьева инстинктивно поджала губы. – Как его там? Эммерих? Не сумел удержаться от провокации даже здесь. Я же говорил тебе, нечего давать шанс косноязычному отребью.

Он сказал это Волчек, а Женевьеву будто ударили под дых. Выходит, Вульф уже успел наследить и здесь, да и крупно, раз отец запомнил его фамилию. И если часть Женевьевы

немного восхищалась этим, то вторая неожиданным образом закипела от гнева: как смел отец так отзываться о единственном, кто не пошел на поводу у его никчемных ожиданий.

– Это лучший набросок из всех, – почти прошипела Женевьева. – В нем хотя бы есть идея, а не…

Она неопределенно махнула рукой, как бы указывая на все остальные холсты разом. Те слова, что шли ей на ум, еще больше бы разозлили отца, так что оставить многозначительную паузу было хорошим решением.

– Их работа – запечатлеть то, что есть. А не выдумывать чушь.

Отец смерил ее таким взглядом, будто она была глупой маленькой девочкой. Которой, впрочем, она наверняка ему и представлялась.

– Чушь – это тряпье, в которое меня нарядили, и поза жертвы паралича, в которую меня посадили. И родина этой чуши – твоя голова, полная устаревших патриархальных устоев.

– Следи за языком, дочь.

Голос его, хриплый, усталый, полный странной, потаенной злобы, заставил Женевьеву обернуться. Значит, ей не показалось. В нем что-то не так: плечи напряжены, спина прямее обыкновенного, челюсти сжаты. И вряд ли дело в портретах или банальном утомлении. Очередные проблемы в фондах? Не то чтобы Женевьеве не было плевать, какие у него там трудности.

– Помни о своих обещаниях, отец, – парировала она. – Я буду выбирать художника, а не ты. И мой вердикт: Эммерих проходит дальше.

– Нет.

Она уставилась на него, словно не до конца поняла. Ответ был так прост и холоден, что это ненадолго выбило ее из колеи. Мать тоже прекратила делать вид, что портреты еще хоть кому-то интересны, и теперь косилась на них.

– Нет? У нас был уговор…

– У тебя был уговор с твоей матерью, а не мной. Мое решение – выскочкам вроде этого здесь не место. Это конкурс ремесла, а не цирковое шоу.

Он вздохнул, причем так показательно и тяжело, что это будто выплеснуло ведро керосина в разгорающееся пламя гнева. И ослепленная им, Женевьева не нашла решения лучше, чем топнуть ногой, как малое дитя.

– Это нечестно!

– А я не ищу честности. Я высказываю мнение, и в этом доме оно – единственный закон. И я не собираюсь выслушивать крики зарвавшейся девчонки. Так что замолчи и помоги матери определиться с оставшейся частью мазни.

У нее челюсть отвисла. Отец никогда с ней так не разговаривал, никогда не смотрел, как на дерьмо на подошве ботинка, никогда не унижал ее так сильно. Да, быть может, Женевьева и сама не была образцом правильности, но обращаться к ней *так*… С тем же успехом он мог плюнуть ей в лицо.

Она могла бы отбить мяч на его поле, найтись с разумным ответом, съязвить, уколоть, но сил на это уже не осталось. Были только усталость, злость и бессилие, и все это смешалось в такой ядовитый коктейль, что даже капли хватило, чтобы глаза застелила пелена.

– Пошел нахрен! – вскричала она, толкая его в широкую грудь. – Ты, твои слова, законы и этот ублюдский конкурс. Можете его себе в задницу засунуть!

– Женевьева! – ахнула мать.

Стоявшая рядом с ней Волчек, с лицом, побелевшим от ужаса, поспешила ретироваться, поняв, что становится свидетелем семейной сцены, которую ей видеть не положено. Дверь скрипнула дважды.

– Что?! Ты обещала! А теперь стоишь и позволяешь ему вытирать об меня ноги. Я знала, что он кретин, но ты… Ты лгунья. А это еще хуже.

Она уже тяжело дышала. В груди давило, знакомо и тошнотворно. В глазах стало горячо. Она не хотела плакать, велела себе прекратить. И это почти получилось, но отец двинулся к ней с таким угрожающим видом, что гул сердца заглушил все прочие мысли. Остался только страх, животный и старый: она одна, сильный мужчина собирается причинить ей боль, и никто не подумает вступиться.

– Не смей, – сквозь толщу ужаса прорезался голос. Единственный, который был способен вызвать у Женевьевы искреннюю улыбку в моменты горя.

Хаген встал перед ней, защищая спиной. В любой другой день Женевьева не преминула бы огрызнуться, что она не дама в беде, но это были именно та ситуация и тот человек, который отбивал у нее всякое желание отстаивать мнимую независимость.

Вид у отца переменился. Если до этого он выглядел раздраженным, то теперь пылал от ярости в буквальном смысле: щеки его порозовели, а шея побагровела, выделив жилы. На виске дрожала вздувшаяся вена.

– Где ты был? – прогремел отец и с такой силой стиснул зубы, что его стоматологу стоило бы начать освобождать следующую неделю от приемов.

– Отойди от нее, – повторил Хаген, и в голосе его уже не сыскались бы былые холодность и спокойствие.

– Я пять часов назад велел тебе прийти в мой кабинет. *Пять часов*! Тебя искала половина прислуги. Где ты, черт возьми, был, Хаген?

Рев его закладывал уши. Жаль, что конкурсанты уже ушли, а то им бы выдалась отличная возможность узнать, почему Виттельсбахов зовут баварскими львами. Но Хаген не съежился, хотя лицо его задрожало. Ему всегда было тяжело выносить громкие звуки.

– Рядом.

Женевьева стиснула кончики его пальцев. Он никогда не инициировал физический контакт сам, но она знала, что когда мир начинает терять для него четкость, только ее касания способны немного его заземлить.

– В твой кабинет я не пришел осознанно, – помедлив, продолжил Хаген. – Я не хочу тратить время на бесполезную истерику, когда Женни нужна защита.

Отец взмахнул рукой, до дрожи сжатой в кулак. Хаген инстинктивно сместился в сторону, полностью загораживая Женевьеву. И это, казалось, окончательно взорвало остатки отцовского терпения.

– Так ты называешь отравление того парня?! Ты его чуть не убил, чертов ты идиот!

– Вилли, милый… – попыталась мать, прильнув к его плечу, но отец грубо ее оттолкнул.

– Он ее домогался. В саду твоего дома, где ты якобы закон. И если бы не я и тот парень, дело могло принять куда более скверный оборот, чем пара часов промывания желудка.

Хаген стал говорить быстрее, теперь тоже хрипло, почти с дрожью. Женевьева снова сжала его ладонь. Она хотела вмешаться, хотела, чтобы не только брат принимал на себя вес этой монолитной плиты отцовского гнева. Но все внутри еще клокотало от той паники, что почти вцепилась ей в горло минутою ранее.

– Ты его чуть не убил!

– Не убил. Не делай из меня дилетанта. Я весьма педантичен в вопросах дозировок. А вот ты абсолютно бездарен в вопросах построения конструктивного диалога, что за последние пять минут было продемонстрировано дважды. Подряд.

– Как ты мне надоел! – Отец с силой толкнул попавшийся под руку холст и описал неровный круг по мастерской, как загнанный в клетку хищник. – Ты можешь хоть раз побыть нормальным?! Что вообще происходит в твоей больной голове?.. Чем мы такое заслужили? Я и твоя мать – хорошие люди, а нам все равно достался… выродок.

– Вильгельм!

Этот возглас матери звучал уже не тихо, не с ласковой попыткой угомонить разбушевавшегося медведя, а именно так, как и должен был звучать: с холодной, стальной уверенностью. Как приказ. Это было не просто имя, а четкое, понятное «Замолчи». И, вторя ему, наконец очнувшаяся от пут ужаса Женевьева церемониться не стала:

– Заткнись. Единственный выродок здесь – это ты. И поверь, все мы будем счастливы, если однажды чуть не умрешь ты. А еще лучше – если умрешь.

– Дети…

Мать протянула к ним руки, но они упали плетьми к ее бедрам. Ситуация уже была на грани, и теперь Женевьева утянула всех по ту сторону. Потому что, пусть сказано все было в пылу ссоры, истина в этих словах тоже была. Она не стала бы грустить, если бы отец умер. Не из-за себя. Из-за Хагена. Не будь отца, тому бы не пришлось ломать себя ради его идеального образа наследника Виттельсбахов.

Отец остановился. А затем ему хватило пары размашистых шагов, чтобы оказаться перед ней, оттолкнув Хагена. Дыхание снова стало учащенным. Она едва справилась с предыдущей паникой, а новая ударила по ней с удвоенной силой. Она так сильно сжала кулаки, что ногти до крови впились в ладони. Но она не опускала глаз. Лучше уж умереть от разрыва сердца, чем от унижения.

– Тебе повезет, – прошипел отец, склонившись к ее лицу, – если какой-нибудь слепой болван женится на тебе раньше, чем заметит, какая ты невыносимая дрянь. А ты… – Он перевел мечущий молнии взгляд на сына. – Ты должен был быть моим наследником! А стал моим главным разочарованием. Убирайся! И не смей подходить к своему кабинету. Я велю Кольбе запаять замок.

Хаген тоже дышал неровно. Грудь его вздрагивала, губы кривились. Взгляд стал безумным, бегающим. Его тоже охватывала паника. Но природа у нее была иной. И у Женевьевы разрывалось сердце, что отец столь глуп и слеп, что не замечал кровоточащие ментальные раны собственных детей.

– Я не уйду, пока ты не извинишься перед Женни, – совладав с голосом, настоял Хаген, и это стало последней каплей.

Женевьева слышала, как вскрикнула. Почувствовала, как запершило в горле, как легкие вытолкнули воздух. Отец двигался с чудовищной скоростью, и вот шея Хагена оказалась в тисках его огромной лапы. Он не душил его, только держал, вынуждая задрать голову, как схваченного за шкирку щенка.

– Вильгельм, хватит, пожалуйста!

Женевьева и мать ринулись к нему одновременно. Пока одна беспомощно повисла у него на локте, вторая, не помня себя, заколотила по монолитному телу кулаками и ногами, даже головой. В момент, когда в дело пошли ногти, отец наконец выпустил Хагена, и тот почти осел на пол.

Остатки собранности улетучились. Айсберг раскололся на части, и остался только мальчик, дрожащий и задыхающийся. И даже так, будучи сломленным, первое, что он сделал, это выскочил перед отцом, чья злость теперь снова грозилась переметнуться к Женевьеве.

– Хаген, лучше уйди, – прохныкала она, теперь не касаясь его, чтобы не напоминать о болезненной хватке. – Я потом приду к тебе. Обязательно выпей воды. И помни про технику. И… и можешь взять у меня из комнаты тот набор с LEGO!

Она кричала ему в спину, молясь, чтобы он сделал, что должно. Если пострадает и Хаген, она спалит это чертово поместье дотла. Ей было плевать, о чем таком болтал отец, в чем виноват брат. Он мог хоть убить каждого десятого, но все равно бы остался человеком, чья безопасность всегда стояла выше ее собственной. И она знала, что ее безопасность для него находится на том же месте.

Глава 12

– Тебе не стоило так говорить, – сухо сказала мать, стоило двери за Хагеном закрыться.

– Я не собираюсь слушать твоих советов, что мне стоит делать, а что – нет. Им пора уже понять, где их место. Они… этот сброд… опозорят меня. Они уже это делают! И я представить боюсь, о чем доложит в Швейцарии Бартоломью.

Женевьеву будто ударили в живот. Нет. *Это* имя… Это проклятое, замаранное имя, и намек, что крылся под ним, заново погрузили ее в ту пучину, из которой ее вывела защита Хагена. Он приедет. Он будет здесь, под одной с ней крышей. Снова. И она опять промолчит. И никто опять не заметит. А даже если что-то и бросится в глаза матери или прислуги, никто не станет думать, будто добрый дядюшка Барт способен на больший грех, чем лишний бокал рислинга перед сном.

– Твой брат может докладывать о чем угодно. И первым делом о том, как ты хватаешь собственного сына за горло.

– Не смей меня судить! Я должен был преподать мальчишке урок.

Мать выглядела воинственной. Она уперла руки в бедра и смотрела на отца так, будто вот-вот собиралась насадить ему на голову один из холстов, как мельничий желоб. Отец тоже не уступал. Но вся их перепалка смазывалась, звучала приглушенно, будто была фильмом на старой испорченной пленке. Женевьева даже не могла удивиться, что мать впервые на ее памяти не проглотила унижение молча.

– Когда? – прошептала Женевьева, чувствуя, как невыносимо сухо стало во рту. – Когда он…

– Через пару дней, – оборвал отец, бросив на нее раздраженный взгляд. – И только посмей включать перед ним этот твой режим дурочки с промытыми мозгами. Последнее, что нам надо, – это выставлять себя идиотами в глазах семьи.

– Почему ему обязательно жить здесь? У него есть квартира в Мюнхене.

– Потому что он мой брат! И потому что в этом доме мне чертовски не хватает компании достойного человека. Две женщины и болезный… С кем мне общаться, милая? С дворецким? Так что когда мой брат говорит, что хочет приехать на пару месяцев, чтобы решить какие-то вопросы по сделке, я с радостью предоставлю ему лучшую комнату. И никто не посмеет мне возразить.

Он все говорил и говорил, а слова будто били Женевьеву по голове. Достойный… Вот кем отец считал дядю Барта. Самого гнусного, самого мерзкого человека в мире. Перед глазами окончательно помутилось. Дышать удавалось с трудом.

– Пару… месяцев.

Женевьева сама не слышала, как произнесла это – до того тихо получилось. Разговор продолжился, а она, шатаясь, побрела к дверям. Инстинкт убежать, спрятаться, сделать вид, что она не знает парализующей правды. Он. Здесь. В комнате, что через дверь от ее собственной. Как тогда.

Снова.

Она не помнила, как добралась до спальни. Но мутное изображение накренилось, и под ватным телом появилось что-то твердое. Кровать. Тело била дрожь. По щекам текли обжигающие слезы. Пересохшее горло рвали всхлипы. Истерика. Постыдная, противная и знакомая. Лишающая воли. Не позволяющая сделать то, что должно.

Женевьева могла сколько угодно рассуждать о том, как поступила бы, но правда была в том, что один лишь толчок отделял ее от омута, превращавшего ее в то безвольное восьмилетнее создание, которое она поклялась похоронить в молчании.

Она умерла, одинокая, сломленная, выброшенная, чтобы на ее прахе родилось нечто куда более сильное. Но даже на самый крепкий стебель розы найдется достаточно порывистый ураган. И в ее случае этим ураганом всегда был и оставался дядя Барт.

Дверь тяжело закрылась, когда Женевьева почти сумела выровнять дыхание. Она успела понадеяться, что это Хаген, но вместо него на край кровати опустилась мать. Она ласковым, неуместным жестом отвела от лица Женевьевы спутанную рыжую прядь и костяшками стерла слезы.

– Ты же его знаешь… – прошептала она горько. – У него вздорный характер. Горячая баварская кровь. Ты это унаследовала…

Женевьева зажмурилась, будто это могло приглушить материнский голос. Сердце еще больно билось в горле, почти заставляя стошнить. Побелевшие пальцы комкали простыни.

– Когда он успокоится, я поговорю с ним. Он поймет, что ты не виновата. Его разозлил Хаген… из-за того мальчишки. И неповиновения.

Мать погладила ее по плечу, заставляя съежиться.

– Он извинится, вот увидишь. Не плачь.

Женевьева уткнулась лицом в подушку, потому что эта дурацкая просьба сработала ровно наоборот – слезы потекли с удвоенной силой. Хотелось кричать. Плевать ей было на отца и его злость. Он всегда был уродом, и они все это знали, включая мать, которую замуж выдали ее ушлые родственники из Гогенбергов, когда их род начал беднеть. И вместо того, чтобы бороться, она смирилась, чем обрекла двух своих детей.

– Я уговорю его пропустить этого твоего художника дальше, – вздохнула она, припадая к плечу дочери в нелепой попытке обняться. – Тебе не о чем расстраиваться.

Вместо всхлипа у Женевьевы вырвался болезненный смешок. Так вот в чем дело… Эта слепая дура думала, что она плачет из-за портрета и ссоры. Как же глубоко вросли в нее розовые очки… Или как крепко укоренилось желание оставаться слепой. Ведь так она могла делать вид, будто ее жизнь соответствует всем этим помпезным статьям из хроник: счастливая семья, прямые наследники баварской короны, настоящая королевская кровь. О том, что наряженный в шелка кадавр этот давно сгнил, никто думать не хотел.

Мать просидела с ней минут пять, а после в траурном молчании отбыла в свое слепое королевство. Женевьева лежала еще долго, глядя на переливы крошечных пылинок в солнечном свете, прежде чем нашла в себе силы умыться и сменить одежду, чтобы хоть немного почувствовать себя прежней. Она знала, что больно будет в будущем, но раньше назначенного в гроб ложиться не собиралась. Это было дело принципа – не доставить *ему* удовольствие, сломавшись быстрее, чем он ожидает.

Боль не угасла, но отступила на второй план. В отличие от родителей, Женевьеве было, о ком переживать больше, чем за себя. И сейчас этот кто-то нуждался в поддержке даже больше, чем она сама.

Глава 13

Ноги, путаясь, сами привели ее к комнате Хагена. Но ответом на стук стала тишина. Женевьева предприняла еще три попытки, прежде чем распахнуть дверь. Сейчас было не до церемоний. Она взяла себя в руки, и ей было *необходимо* убедиться, что брат тоже нашел в себе на то силы. Он должен быть в порядке… Хотя бы он.

Внутри, как и всегда, было прохладно. Хаген не закрывал окна, не задергивал шторы, и комната всегда полнилась светом: солнечным или лунным. Но ни один из них не был способен оттенить общую аскетичность интерьера. Келья ученого и склеп аристократа одновременно.

Воздух был стерильным, пахло старым деревом и воском для паркета. Ни парфюма, ни юношеского пота. Порядок доведен до абсолюта: книги на полках стояли по росту и цвету корешков, письменные принадлежности на столе выстроены по линейке. Ни пылинки, ни намека на личный беспорядок. Лишь на прикроватном столике лежал единственный хаотичный акцент – любимая книга Орфилы, но в этот раз с компанией, с атласом Зоммеринга.

Самого Хагена видно не было. Только складки на черном шелке простыни давали понять, что он все же был здесь. Но ни коробка «Космической Одиссеи», которую он все-таки прихватил из комнаты Женевьевы, ни шкатулка швейцарского хронометра, в механизме которого он обожал ковыряться в нервные моменты, не были вскрыты. Казалось, он передумал. Решил, что этого недостаточно.

– Где? – почти рыкнула Женевьева, когда на выходе столкнулась с Кольбе. – Где мой брат? И не смей юлить.

Ей стоило бы быть повежливее, но на сегодня лимит хорошего отношения к самцам человека она исчерпала. И пусть это явно не порадовало старого дворецкого, он безропотно доложил:

– Герр Хаген выразил желание прогуляться с двадцать минут назад. К сожалению, любые предложения сопроводить его в лес он отверг.

– И вы отпустили мальчика в истерике в одиночестве! Потрясающая работа.

Она снова начала волноваться. Она-то могла себя контролировать, даже если дело касалось панических атак, но Хаген… Ее драгоценные хрусталь и алмаз в одном флаконе. И сейчас, когда второе было бездушно стерто в пыль отцовским гневом, осталось только первое.

Женевьева ускорила шаг. Было только одно место, куда Хаген решил бы прогуляться. И надежд оно не внушало.

К моменту, когда она окольными садовыми тропами добралась до пристани, «Ахерона» и след простыл. А разум окончательно вернулся к Женевьеве. И это оказалось еще хуже, ведь теперь она ясно видела всю картину: ее брат, чей полет мысли в лучшие дни оставался для всех загадкой, теперь где-то один на другом берегу озера, в чертовом лесу.

В голове тут же зароились все сказки о безумном короле Людвиге, что рассказывала няня в детстве. Он утонул здесь же, на этом самом озере, и теперь это было все, о чем могла думать Женевьева. Да, быть может, «Ахерон» успешно пришвартовался к противоположному причалу сейчас, но на обратном пути может случиться что угодно!

Нужно было позвать взрослых, но именно с них все и началось, так что Женевьева приняла волевое решение одолжить любимую посудину отца, «Орфея», на котором он катал мать, когда в их отношениях случались редкие моменты просветления.

Управляться с веслами Женевьева не умела, но нервы не терпели ошибок. Да, бицепсы горели, но зато она вполне неплохо, пусть и под углом, встала у пирса и даже сумела завязать узел. А вот следующие несколько мгновений прошли в смятении. Она никогда не была на этом берегу, устланному галькой и глиной. И только одна кривая дорожка вела к густой лесной кромке, за завесью первых деревьев которой клубился сумрак.

Кроны сходились над головой, образуя тенистую аллею. Месиво бурой прошлогодней листвы едва слышно шуршало под ногами. Атмосфера напоминала фильмы ужасов в тех их стадиях, когда главная героиня еще не знает, что уже через полчаса хронометража будет убегать этим же путем под аккомпанемент собственных воплей.

Через десять минут пути Женевьева пожалела, что вообще вошла в лес. Стоило позвать хотя бы Кольбе, семья которого служила Виттельсбахам поколениями, а значит, он должен был ориентироваться в местной географии. Тем не менее, она не сворачивала. Хаген по-прежнему где-то здесь, причем совсем один. И пусть он наверняка знал лес лучше нее, ей не хотелось оставлять его после таких жестоких слов отца. Тот никогда не скрывал своего отношения к недугам сына, но выражать его столь открыто…

Несмотря на то, что вход в лес остался далеко за спиной, а поросль деревьев стала гуще, тропа не пропадала. Она сужалась, петляла среди диких кустарников, но оставалась четко различимой, будто по ней ходили регулярно.

Женевьева задумалась, как часто в последнее время отсутствовал Хаген. Он подолгу бывал в своем кабинете, где ему оборудовали что-то вроде лаборатории юного гения, чтобы он мог еще усерднее готовиться к поступлению на медицинский факультет. Но кабинет этот располагался в том крыле, откуда ближе всего дойти до озера. А если еще суметь незаметно улизнуть через балкон… И пусть Хаген не вязался с образом оторвы, в его голове вполне могла образоваться какая-нибудь загадочная связь, толкавшая его на прогулки в тишине и одиночестве куда чаще, чем думала Женевьева.

За очередным массивом деревьев забрезжило нечто вроде поляны. На ней, окруженный кольцом подступающего леса, стоял небольшой, но опрятный дом со стеклянной пристройкой, пожелтевшие стены которой были увиты плющом. На деревянных рамах окон красовались облезшие резные наличники, а на восточной стене – выцветшая воздушная роспись, будто архитектор решил смешать русский и баварский стили в один, но не рассчитал пропорции.

Тропа вилась до входной двери, минуя усевшуюся в грунт полукруглую площадку. Трава, однако же, была сострижена, а в двух кадках под фонарями обильно цвели кливии. Кому бы этот дом ни принадлежал, отшельник этот весьма щепетильно относился к месту своего забвения. Особенно этот вывод подчеркивали банки, накрытые брезентом под одним из окон, от обновленного наличника которого пахло свежей краской.

Женевьева остановилась в паре шагов от входа. Теперь вспомнилась сказка про Гензеля и Гретель, а ухнувшая где-то вдали сова воплем своим только подстегнула разбушевавшуюся фантазию. И все же Женевьева постучала.

Жест казался таким абсурдным. Вся ситуация, на самом деле, казалась такой. Она стояла посреди леса, у дома, будто ураганом перенесенного откуда-то с востока, и стучала в искреннем ожидании того, что ей откроют. И кто? Ведьма, пожирающая непослушных детей?

В глубине дома послышался шорох и тихие, почти кошачьи шаги, различимые лишь из-за предательски скрипящих половиц. Женевьева почувствовала, что кто-то замер по ту сторону двери, но медлил. Страха больше не было. Она почему-то была уверена, что ей не причинят вреда.

Наконец дверь отворилась. На пороге стоял Хаген, безуспешно пытающийся придать себе непосредственный вид. Женевьева вздернула бровь. Так они и стояли, глядя друг на друга, в полном молчании под музыку птиц из леса.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Хаген. Женевьева аж прыснула.

– Это я должна тебя спросить! Ты что, решил поиграть в принца-отшельника?

Хаген заметно стушевался, и выглядело это так, будто обругали кота: вид вроде виноватый, но в глазах ни капли раскаяния.

– Я волновалась за тебя, – уже мягче добавила Женевьева. – Кольбе сказал, ты пошел прогуляться, и я сразу поняла, что отпускать тебя одного не стоит. Особенно после…

– Я в порядке. Это… я не должен оставлять тебя одну.

Хаген расправил плечи. Так он выглядел совсем взрослым, а не тем долговязым юношей, каким был еще пару лет назад. Женевьева не сдержала теплой улыбки. Да, у них бывали моменты ссор, но видеть, как из капризного мальчугана растет настоящий мужчина, было и странно, и трепетно одновременно.

– Эй, старшая сестра здесь я, так что не забирай мое право заботиться о тебе. Я тебе когда-то подгузники меняла, вообще-то.

– У нас разница два года, ты физически не могла этого делать. Более того, я совершенно уверен, что этим даже наша мать не занималась. Я ставлю на фрау Бикович.

Теперь Женевьева рассмеялась. Хаген позволил себе маленькую, но потому еще более ценную улыбку.

– Будем дальше обсуждать, как ты гадил в детстве, или ты наконец впустишь меня в свое лесное царство и расскажешь, какого черта ты здесь делаешь? И вообще что это такое – здесь?

Хаген кивнул, замер ненадолго и только после догадался отступить на пару шагов, чтобы Женевьева вошла в дом. Внутри, вопреки ожиданиям, было светло, пахло деревом и цветами, а на винтажном проигрывателе крутилась пластинка Клауса Шульце, «Mediterranean Pads», которую Женевьева подарила брату на прошлый день рождения вместе с целым сборником краут-рока.

Гостиная была небольшой, по-настоящему уютной: стены из темного дуба, массивный камин из грубого песчаника, возле которого стоял ящик со смолистыми полешками. На полке покоились старые медные подсвечники, уже начавшие зеленеть, и старинная курительная трубка, застывшая в ожидании хозяина, который уже никогда не вернется.

Напротив камина стояли два потертых кожаных кресла, а между ними устроился низкий столик из цельного куска древесины, сейчас погребенный под раскрытой прописью и раскиданными ручками. На стене висело ружье, явно турецкое, судя по пятигранной форме приклада, а под ним – пожелтевшая карта охотничьих угодий с пометками.

Было ясно, что Хаген сделал это место своим. На одном из подоконников, заменяя охотничьи трофеи, стояли аккуратные ряды стеклянных банок с герметично закрытыми крышками. Внутри темнели земля, корешки, высушенные листья и цветы, подписанные педантичным почерком. Рядом лежал очередной атлас, на страницах которого были разложены засушенные стебли неизвестного Женевьеве растения.

– Это лесной домик нашего деда, – закрыв дверь с такой тщательностью, будто защищался от воров, сказал Хаген. – Я нашел его три года назад, а недавно начал делать ремонт. По мере возможностей, конечно.

Он обвел гостиную сдержанным жестом. Женевьева скептически хмыкнула. Ремонт тут требовался разве что косметический.

– Дедушки Александра? – уточнила она, хотя на самом деле ей хотелось схватить этого придурка за плечи и вопить только одно: «Три года?! Три года – и ни словечка?!».

– Нет, Вильгельма-старшего. Официально – охотничий домик. Или, вернее, рыболовный.

Женевьева повела бровью. Отсюда до поместья было чуть больше километра, но деду приспичило строить отдельное место для отдыха. Хотя, быть может, он даже и не знал о месте, которое теперь Женевьева вынуждена была звать домом. Для деда тот мог быть одним из многих, ведь жить он, как и многие родственники раньше, предпочитал в Нимфенбурге, где правительство любезно выделило им крыло. Небольшой кусочек от дворца, некогда принадлежавшего им целиком. Отец особенно часто распинался по этому поводу.

– На деле, – продолжал Хаген, – тут он встречался с любовницей, той русской эмигранткой из Романовых. Ты должна ее помнить, она иногда бывала на семейных ужинах.

– А, та… – Женевьева поморщилась. – Никогда не понимала, как бабушка смогла смириться с тем, что этот пес привел в дом чужую женщину.

– Развод был бы для нее более унизительным.

– Еще одна причина ненавидеть патриархат.

Женевьева закончила свой променад из угла в угол и юркнула на крохотную кухню, отделанную цветастой мавританской плиткой. Арабески, покрытые вековой патиной и мелкой паутинкой трещин, складывались в замысловатый, почти гипнотический узор. Но в остальном все здесь было миниатюрным и утилитарным: раковина из потемневшей меди, газовая плитка с двумя конфорками и вычурными ручками-кранами. Вопреки ожиданиям, на узкой полке из темного дерева, вклиненной между шкафчиком и стеной, стояли не склянки с травами Хагена, а коробки хлопьев, приправ и даже пара пачек пасты. В медной раковине стопкой были сложены тарелки с приборами, а в воздухе еще витал аромат еды.

– Итак… ты часто здесь бываешь?

Женевьева сощурилась, глядя то на брата, то на стол, из стульев у которого осталось только два. Посреди же стола, в изящной хрустальной вазе с узким горлышком был воткнут один-единственный цветок белого мака.

– Да. У меня тут сад и лаборатория. А еще тут можно хранить книги, которые не нравятся отцу.

– И ты ничего не сказал мне? – наконец решилась на мучавший ее вопрос Женевьева, стараясь, чтобы в голосе не сквозило обиды. – За столько времени… Я думала, мы доверяем друг другу.

Что ж, не вышло. Женевьева слишком много о себе думала, считая, что вполне способна скрывать свои чувства. В груди и правда ворочался колючий ком обиды. Они всегда были друг у друга, одни против всего мира. А теперь это ощущалось так, будто Хаген периодически исчезал, оставляя ее спину незащищенной, а она даже и не знала.

– Я… хотел сказать, – стушевался Хаген. – Мне все-таки нужна была помощь в логистике. Но потом... *кое-что* случилось…

– Я пропущу мимо ушей, что я нужна была тебе только как бесплатная рабочая сила, но… *Кое-что*?

Она вернулась в гостиную, чтобы он не видел ее перекосившегося лица. Горло снова сдавило, а едва высохшие глаза снова грозили наполниться влагой. И пусть Женевьева уверяла себя, что Хаген говорил так не со зла, лучше ей не становилось.

– Я бы не хотел об этом говорить.

Она резко развернулась, остановившись у одной из дверей, но не успела она начать отчитывать брата за такую неуважительную скрытность, как недалеко послышался шорох. Затем скрип. И еще один. Матрац. Так определенно скрипел матрац.

– Женни, нет!

Хаген ринулся вперед, стараясь закрыть дверь грудью, но Женевьева уже дернула ручку. Это была спальня, небольшая, но с широкой, застеленной тяжелым одеялом кроватью. А под ним… под ним спал парень. Самый настоящий парень, едва ли старше самого Хагена.

– Какого хрена?! – вскричала Женевьева, но незнакомец даже не дернулся. А вот Хаген вздрогнул. Пришлось продолжать ругаться полушепотом: – Ты… То есть… Ладно. Я не злюсь. Тебе уже шестнадцать, но… Ты правда решил использовать этот домик для того же, для чего и дедушка Вильгельм?!

– Нет! Это не… Мы не…

Хаген отчаянно всплеснул руками. Затем взгляд его упал на соломенного цвета макушку на тканой наволочке и задержался там достаточно долго, чтобы Женевьева успела вопросительно прокашляться.

– Это Хайнрих. Я нашел его в лесу полгода назад. Точнее, у ручья. Исследовал лес, чтобы найти хорошую почву для рассады болиголова, ушел очень далеко, почти до Шелленбергского болота. И там был он. Раненый. Так что я помог ему добраться сюда, обработал раны и…

– И следующим пунктом должна была стать скорая помощь! Или полиция! А не его нахождение в твоей постели… полгода!

Она потерла лицо, еще не отойдя от шока. Хаген выглядел испуганным и смущенным одновременно, но все равно стоял так, чтобы перекрыть обзор комнаты. Также он стоял и перед отцом, когда защищал сестру.

– Ему нельзя в полицию. И в больницу тоже. Просто… – Он вздохнул. – Я все расскажу. Просто пообещай, что это будет нашей тайной, ладно?

– Это и должно было быть нашей тайной, тупица! Я же твоя сестра.

– Да. Мне жаль, я… Я не хотел тебя в это втягивать. Я собирался, но потом решил, что так добавлю тебе еще больше проблем. Из-за меня всегда неприятности. Отец бы не накричал на тебя, если бы не я. И не только сегодня. А еще, не будь меня, они бы относились к тебе лучше, ведь у них не было бы прямого наследника. А еще…

– Хаг, – прервала Женевьева, беря его лицо в ладони. Устроит ему нагоняй позже, а сейчас пора было сделать то, зачем явилась. – Ты не проблема. Это в них дело. Всегда было в них. Я не считаю, что ты добавляешь мне неприятностей. Не будь тебя, я бы сошла от одиночества.

– Я не должен был уходить из мастерской. Я должен был тебя защищать и…

– Нет. Я не злюсь. Я старше, это мне нельзя было подпускать тебя к отцу, когда он в таком состоянии.

– Но это из-за меня он злился.

– Он злился, потому что он всегда злится. Он мудак.

Она ласково погладила его по жемчужного цвета волосам и слабо улыбнулась. Ее милый брат был столь одинок и отвергнут, что стал искать утешения не просто в лесу, а в компании потенциально опасного незнакомца. И Женевьева видела здесь и свою вину. Может, если бы она помогла адаптироваться ему в школе…

– Я отравил того парня. Потому что он приставал к тебе. Когда ты пошла в сад…

Хаген покачал головой, прежде чем посмотреть ей в глаза. Впервые за очень долгое время Женевьева видела его зрачки расширенными, а не крошечными, как чернильные точки.

– Я обменял форму одного официанта на десять марок и пошел следом, чтобы приглядывать. Там было слишком много мужчин, тем более, не из нашего круга. Могла случиться беда.

– Иногда мужчины из нашего круга могут быть куда опаснее, поверь.

Она горько усмехнулась, но Хаген снова качнул головой. Он стал слегка раскачиваться с пятки на носок, чтобы привести себя в чувство, как часто делал это в глубоком детстве.

– Я тебя защищал, – настаивал он. – И оба раза это плохо кончилось. Мне было очень грустно, так что я ушел сюда. Мы с Хайни приготовили еду, затем я продолжил наши занятия. Он устал, уснул, а я уже хотел возвращаться…

– Как часто ты сюда ходишь? – перебила Женевьева, чтобы он еще больше не утоп в болоте самокопания.

– Теперь почти каждый день. Я здесь иногда даже ночую. Кольбе соглашается не говорить отцу, что я переплываю озеро поздно вечером и рано утром.

Каждый день?! Это было еще хуже, чем воображала себе Женевьева. Нет, она бы тоже с радостью убежала из поместья, но в лес, в компанию незнакомца? Это ж насколько нужно отчаяться…

Хотя теперь, зная о скором приезде дяди Барта, Женевьева уже и не считала эту идею прямо-таки безумной. Рисковой, да, но имеющей место быть. Особенно на пике раздрая.

– С чего такое самопожертвование?

– Я знаю, что это его сын украл вилку из подарочного столового серебра от Гогенцоллернов. Он наркоман, ему нужны были деньги на дозу, а Кольбе их дать отказался. Я слышал их спор, когда спускался на этаж для прислуги, а потом видел, как Кольбе-младший украл ключ и

вскрыл тот ящик. Это я убедил отца, что там с самого начала не было вилки, ведь набор очень старый, еще времен Бисмарка, не все сохранилось.

– Он поверил?

– Я спросил у него, неужели он, такой тонкий ценитель искусства, не рассмотрел этот набор с самого начала, ведь он так восхищался им перед самим Гогенцоллерном. Очевидно, отец серебро и в руки не брал, так что не пожелал позориться и пошел на попятную.

Да уж, это вполне походило на отца. Женевьева покачала головой и снова посмотрела через плечо брата в комнату. Хайнрих уже перевернулся на бок, так что теперь было видно его профиль: четко очерченная линия челюсти, слегка загибающийся к кончику тонкий нос, чуть пухлые губы, пересеченные ярко-алым шрамом. На виске, скуле и даже лбу тоже виднелись отметины. Одни больше, другие меньше, но они буквально испещряли бледное лицо юноши, превращая его утонченную красоту во что-то дикое. И особенно выделялся темно-розовый ожог на шее, начинающийся от самого уха.

– Что у него с лицом? – ахнула Женевьева.

– Ожоги. И шрамы, – констатировал очевидное Хаген. – Он был довольно сильно поврежден, а еще истощен, когда мы встретились.

Он явно хотел ограничиться этим, но поймал суровый взгляд сестры, так что продолжил:

– Он… не отсюда. И очень долго скитался. И ему нельзя в больницу, – снова напомнил Хаген, а затем, как бы оправдываясь, прибавил: – Ему тут хорошо. Я приношу книги, еду, он помогает мне в саду, мы ходим гулять. Он даже начал разговаривать. Немного, но осмысленно.

– Хаген, он же не собака, чтобы ты его здесь держал. И… что ты имеешь в виду – начал разговаривать?

– Он сперва не говорил вообще. Только кивал, рычал и скулил. Мы даже имя ему выбрали из текста. Я дал ему телефонную книгу, которую купил в киоске в городе, и он сам нашел имя. Когда я спросил про фамилию, он очень сильно помотал головой. Наверное, она ему неприятна. Но сейчас он разговаривает. Просит меня читать и ставить музыку. Ему очень нравится «Neu!». А еще он немного готовит. Пожалуй, это самый осмысленный его навык. Вот сегодня он приготовил шпеккнедель, а вчера на ужин тот сладкий омлет…

– Почему ты его здесь держишь, Хаген? – прервала этот поток мыслей Женевьева. Хаген часто излишне отвлекался, когда тема была ему особенно интересна.

– Я не держу. Он и сам не хочет уходить. Его ищут. И сделают больно снова, если найдут.

– Это он так тебе сказал?

– Ты не видела его ожогов. У него вся левая часть тела до сих пор розовая. Я купил мазь, а часть лекарств сделал сам. Повреждения обширные, но не глубокие, так что пересадка не требовалась. Я сам все сделал, – повторил он уже с гордостью, – сейчас заживает. И раны на лице затянулись, но шрамы все равно останутся. Особенно на губе. Он поранился, когда падал с горы.

– С горы?

– Да, эм… С горы. Я же уже говорил, что он сбежал?

– От чего?

– Это секрет. То есть, я знаю, но не хочу… То есть, *не могу* сказать тебе. Хайнрих поделился этим только со мной, и мне кажется предательством разбалтывать это вот так. Прости еще раз, Женни. Я правда в безопасности. Это мое любимое место, и я хотел поделиться им с тобой и обязательно бы так и поступил, но позже, когда Хайнрих бы окончательно привык к обществу.

Хаген посмотрел на нее умоляющими глазами, и сердце Женевьевы дрогнуло. Вся эта затея по-прежнему казалась ужасной, опасной и просто глупой. Но она впервые видела брата таким… живым? Будто та глыба льда, окружавшая его многие годы, наконец начала медленно,

но неумолимо таять. И если ради этого стоило терпеть подозрительного незнакомца в лесу… Женевьева была готова пойти на компромисс.

– Ладно. Но я буду приходить. Часто. И ты обязательно будешь мне докладывать, если этот твой Хайнрих выкинет что-то этакое. И если я решу, что он все-таки опасен…

– Он не опасен *для меня*.

– Хаген, – одернула она со всей строгостью, на которую была способна. Этот юный коллекционер живности неясного происхождения и правда не понимал, куда вляпался?

– Хорошо. – Хаген вздохнул. – Я понял. Клянусь, что скажу, если что-то пойдет не так. И ты всегда можешь прийти сюда. Но не трогай растения, ладно?

– Я знаю тебя достаточно долго, чтобы не подходить к твоей лаборатории. А теперь и к твоему ручному псу.

Она последний раз посмотрела на сопящего Хайнриха и ласково потрепала брата по плечу. Что ж, если пребывание дяди Барта покажется ей совсем уж невыносимым, теперь у нее есть место, куда можно сбежать.

Глава 14

– На тебе сегодня весь день лица нет.

Фрида плюхнулась на мрамор длинного ряда раковин, пока Женевьева обновляла помаду перед зеркалом. Она уже и не помнила, когда они, не сговариваясь, решили примкнуть к классической девичьей традиции: зависать на переменах в туалете, болтая о всякой ерунде вроде нового клипа по MTV или грядущего экзамена по биологии. Но Женевьева не жаловалась. Ей на удивление нравилась эта традиция. И Фрида ей тоже нравилась, потому что на поверку та оказалась вовсе не надменной стервой, какой показалась при первой встрече. Более того, в своем бунтарстве Фрида вполне могла перещеголять Женевьеву.

– Вчера был дерьмовый день, – закатила она глаза.

– Все из-за этого конкурса? Про него даже в новостях говорили, в курсе?

Если так подумать, именно в конкурсе было то единственное, что Женевьева могла назвать приятным. Тот парень, Вульф. Точнее, не сам он, ведь он все-таки был мужчиной, значит, потенциальной угрозой, а его набросок. И пусть после него все полетело к чертям, при мысли об образе Артемиды у Женевьевы до сих пор теплело в груди.

– Нет, но мне хватило того, что о нем говорила вся прислуга, мать и даже мой водитель. И знаешь, если им это так интересно, то я бы с радостью уступила место в том дурацком неудобном кресле.

– Полный отстой. Принцессу заставили сидеть.

Женевьева притворно ахнула и толкнула Фриду в бедро. Та только показала язык.

– Заткнись. Это правда трудно! А еще… Ну, потом я поссорилась с родителями и узнала не самую приятную новость. Так что дело не только в том, что я не могу ровно посидеть пять часов.

Это было огромным преуменьшением, но Женевьева словно пыталась убедить себя, что дядя Барт не станет бóльшим, чем «неприятная новость». Она это переживет, как уже пережила однажды.

– Это хорошо, потому что иначе я бы дразнила тебя этим до конца учебного года. Пять часов? Да я у парикмахера последний раз сидела семь.

– До сих пор не понимаю, зачем ты красишь свой блонд в черный.

– Потому что иначе я похожа на чертову Бритни Спирс. А тебе-то легко говорить, Джулия Робертс.

– Я буквально ненавижу «Красотку». А еще я не кудрявая.

– И зря. Ты отрицаешь свою кудрявость, хотя я по этим волнам вижу, что при должном уходе у нас здесь была бы рыжая львица.

Фрида подхватила одну из прядей Женевьевы и медленно пропустила ту меж пальцев. Волосы и правда вились, но совсем немного и в основном на кончиках, что выглядело небрежно и мило одновременно. Хотя мать они бесили, и она постоянно велела парикмахерам дочери выпрямлять непослушные волны.

– У тебя сегодня дела есть? А то я хотела развеяться, да вот и повод появился вытащить тебя из аристократического болота.

– И куда? – фыркнула Женевьева. – На Максимилианштрассе?

– Слушай, если ты и дальше будешь припоминать мне восторги по поводу «Birkin», я за себя не ручаюсь.

Фрида, обиженно сложив руки на груди, ткнула ее острым мыском туфельки в бедро.

– То, что я экспериментирую со стилями, не делает меня тупоголовой красоткой. Так что нет, никаких дорогих бутиков. У меня идея круче: Глокенбахфиртель. Тебе решительно нужно

обновить стиль, а я наконец пороюсь в том их новом секонде. На форуме читала, там какая-то огромная поставка бижутерии в стиле Vivienne Westwood.

– А как же *оригиналы*?

– Первым шагом моей мести станет выкуп всех твоих здоровых салатов из кафетерия. Будешь есть булочки и толстеть!

Они как раз обменивались демонстрацией средних пальцев, когда из самой дальней кабинки раздалось сдавленное всхлипывание. Фрида так резво спрыгнула на пол, что едва не сломала каблук. Женевьева дернулась, выставляя помаду, как ножик. Но звуков больше не было, будто тот, кто издал их прежде, сдерживался изо всех сил, чтобы не выдать себя снова.

– Эй? – мягко позвала Фрида, присев на корточки, чтобы разглядеть ноги в прорези между дверцей и полом. – Подслушивать чужие разговоры нехорошо.

– Но все в порядке, мы не злимся, – прибавила Женевьева. – Можешь выйти.

Оглушающая тишина длилась несколько долгих мгновений, а затем от кафельных стен отразился тихий скрип. Вытирая мокрые щеки, к раковинам подошла та самая девушка, из-за издевательств над которой Женевьева не так давно врезала Майку.

Тогда она несколько часов проторчала в кабинете у директора, полностью отказываясь признать вину. Пришлось вмешаться отцу, чтобы хоть как-то урегулировать конфликт, ведь придурок Майк не просто требовал извинений, а грозился пойти в полицию. При этом в том, как он доставал девушку, никто из мужчин проблемы не видел, ведь Майк с манерностью театрала поделился душещипательной историей о том, как он пытался флиртовать с девчонкой, а та неправильно все поняла.

– Господи, милая, что случилось? – нахмурилась Фрида, когда девушка дрожащими руками стала умываться.

– Если опять Майк, то только скажи. Мне понравилось ломать ему нос.

Женевьева подмигнула. Помощь другой женщине ощущалась еще лучше, если при этом нужно было унизить мужчину.

– Нет, – судорожно захватив воздух, покачала головой девушка. Волосы прилипли к ее лицу, будто она только вышла из душа. – Дело… в этом.

Она снова захныкала, указывая на челку. Та и правда претерпела существенные изменения с последнего их столкновения. Майк ведь сунул свою мерзкую жвачку в передние пряди, так что теперь те спадали на лоб, слегка минуя брови, делая девушку похожей на скайтерьера.

– Уродство, – сурово констатировала Фрида. Девушка расплакалась пуще прежнего, но все же кивнула. – А чего ревешь-то? Боже мой, деревня… Я этих челок в детстве стригла, ты б знала. Садись давай, исправлять будем.

Она похлопала по мрамору и сунулась в свою сумочку, откуда извлекла расческу с тонкими зубьями и самые обыкновенные ножницы. Женевьева же подала девушке салфетки и ласково убрала ей за уши боковые пряди, чтобы осталась только челка.

– Она правда умеет? – всхлипнула девушка, глядя на Женевьеву доверчивыми карими глазами, придающими ее лицу такое невинное, почти детское выражение, что срочно захотелось припечатать Майка по лицу еще раз.

– Понятия не имею. Но хуже уже не будет.

– Я умею! Свою первую челку я отстригла в шесть лет, сразу после того, как мама запретила мне это делать. Так что давай, красотка, раздвигай ноги.

Девушка так опешила, что послушалась, и Фрида заняла удобную позицию между ее разведенных коленей. Затем она мастерски забрала свою пышную копну в хвост и начала орудовать ножницами так, будто делала это всю жизнь.

– Это на самом деле легко. Куда сложнее ее укладывать, но я тебя научу. И вообще, твоему лицу челка так и просится. У тебя круглые щечки и узкий подбородок, так что с челкой-шторкой будешь смотреться куколкой.

– Толстых кукол не бывает.

– Ты не толстая, – в унисон возразили Фрида и Женевьева.

– Но…

– Никаких «но». То, что ты не выглядишь, как жертва анорексии, не делает тебя толстой. У тебя абсолютно здоровое женское тело.

– Все иначе думают.

– Все – это парни. А мужское мнение не учитывается автоматически.

– Она у нас феминистка, – многозначительно цокнула Фрида, забавно поведя бровью.

– Она у нас мыслит здраво. Этот… «героиновый шик» и прочая дрянь навязана женщинам патриархатом за тем, чтобы мы грызлись между собой и вечно рвались до несуществующего идеала. Вот увидишь, как только все похудеют, в моду резко войдет легкая припухлость. Женщина никогда не должна чувствовать себя достойной, ведь тогда она встанет наравне с мужчиной, а они этого боятся, потому что знают, что проиграют конкуренцию.

– Аминь. Она будет лучшим оратором на следующем женском марше.

Женевьева бы обязательно толкнула Фриду, не будь она так занята исправлением ошибок бездарного парикмахера. И все же она не жалела, что высказалась. Не жалела и о репликах Фриды. В этих обоюдных подколах было что-то странное, незнакомое, но бесконечно притягательное. Для Женевьевы, прежде не знавшей обыкновенной дружбы, это был целый мир со своими правилами, которые удивительным образом приходились ей по душе.

– Тебе легко говорить, ведь ты худая, – печально улыбнулась девушка.

– У меня по бедрам сотня. И грудь с пятого класса из лифчиков вываливается.

– Бедная! – ахнула Фрида. Женевьева поджала губы, чтобы не рассмеяться.

– Большая грудь – это неудобно! Молчи и наслаждайся своей двойкой.

– Эй, это почти тройка! – Фрида ласково сжала собственную грудь, воркуя: – Она не хотела вас обидеть, девочки.

Теперь Женевьева не выдержала, а за ней расхохотались и остальные. И туалет, на время превратившийся в салон красоты, наполнился беззаботным девичьим смехом.

– Это правда неудобно, – согласилась девушка. – Я раньше любила спать на животе, а теперь не могу.

– Вот! А еще нормально бегом не позанимаешься, все вечно трясется.

– И спина болит!

– Точно!

– Все-все, уговорили, большие сиськи – полный отстой. И раз уж мы дошли до такой темы… представишься уже?

– Элизабет. Ну, или просто Лиззи. – Она смущенно улыбнулась. – А ты Женевьева, да? О тебе полшколы говорит. Ты ведь…

– Если скажешь «принцесса», она устроит массовую резню.

– А ее зовут Фрида, но ты можешь звать ее надоедливой задницей.

– Очень красивой надоедливой задницей!

Не прекращая клацать ножницами, Фрида с важным видом оттопырила указательный палец, чем вызвала новую волну смеха.

– Знаешь, – переведя дыхание, начала Лиззи. – Я ведь так и не успела поблагодарить тебя за то, что ты вмешалась тогда, с Майком. Надеюсь, у тебя не было проблем…

– Все в порядке, – отмахнулась Женевьева. – Кто-то должен был поставить его на место. Он ведь к тебе больше не приставал?

– Как раньше – нет. Только бросил в коридоре гадость насчет моей челки.

– Так ты из-за него плакала? – возмутилась Фрида. – У него у самого на голове гнездо, он не имеет права выделываться. И вообще, у мужчин нет голоса в вопросах женской внешности.

– Я возьму тебя заместителем на женском марше.

Женевьева широко улыбнулась и поставила свою косметичку у бедра Лиззи. Раз уж у них здесь салон, она собиралась довести дело до конца.

Они уложились до начала урока, и к тому моменту Лиззи было не узнать: челка сострижена с идеальной точностью, синяки под глазами замазаны консилером, густые, но светлые ресницы накрашены тушью для объема, а пухлые губы переливались вишневым блеском.

– Я же говорила – куколка, – подытожила Фрида, с чувством выполненного долга убирая ножницы в сумочку. – И раз уж мы прошли через каноничное женское событие в туалете, то торжественно приглашаю тебя с нами на шопинг… и еще кое-куда.

– А почему я про это кое-куда не в курсе? – нахмурилась Женевьева.

– Потому что вы, выкормыши тошнотворно правильных семей, придете в ужас, если я сразу выложу все карты на стол.

– Ой, как она прибедняется! У тебя отец половину Мюнхена застроил.

Они вынырнули из туалета в шумный коридор, идя по обеим сторонам от Лиззи, словно охранники. Фрида, поймав на их троице заинтересованные взгляды, послала воздушный поцелуй группке особенно глазастых футболистов.

– Пригорода! И не половину, а треть. И он начал это делать только лет пять назад, а до этого он прорабом работал. А еще раньше – маляром. Так что мое детство и самые бурные годы прошли вдали от вашего аристократического шика.

– Мои родители – просто юристы, – начала возражать Лиззи, но Фрида прервала ее взмахом руки.

– Если я правильно поняла, и ты Элизабет Ахенбах, а не Чарлстон, то твои родители не просто юристы, а владельцы фирмы, девяносто процентов дел которой закрывается с оглушительным успехом. Мама пользовалась вашими услугами, когда идиот-самоучка попытался засудить ее галерею за воровство его «гениальной идеи». Ох уж этот поразительно свежий «Черный круг». Малевич плакал.

– Твоя мама держит галерею? – удивилась Женевьева. Про родителей они разговаривали редко, но обычно Фрида обсуждала только отца, а упоминания матери ограничивались короткими фактами вроде ее трепета перед «Birkin».

– Ага. Она решила, что не хочет быть просто женой богача, так что занимается чем попало. У нее нет ни вкуса, ни таланта, но есть большое желание выпендриться. И это все равно лучше, чем если бы она просиживала дома с бокалом шардоне и головой молоденького садовника между ног.

– Неужели у нее совсем нет увлечений и талантов? – свела брови Лиззи.

– Тяжело искать себя, когда большую часть своей жизни ты проводила на кухне, попутно меняя подгузники трем детям и следя за чистотой в доме. – Фрида слегка погрустнела. – Моим старшим братом она забеременела в шестнадцать, и папа уговорил ее не делать аборт. Потом появилась я, а затем и моя младшая сестренка. И все это в те времена, когда мы получали около пяти тысяч марок вместе с пособиями. До вычета налогов, если что.

– Какой ужас… – поморщилась Женевьева. – Из-за эгоистичного желания мужчины загнать себя в семейную кабалу…

– Она все равно была хорошей мамой. Пусть сейчас мы болтаем только о шмотках и звездах. То есть, это нормально, наверное, но я хочу хотя бы на денек вернуть ту маму, которая пекла мне лучшие крапфены1[6] на свете и дотошно проверяла мою домашку по математике.

Они дошли до шкафчиков. Женевьева заняла свой рядом со шкафчиком Фриды, ради чего той пришлось весьма грубо намекнуть одному парню съехать на пару рядов дальше. Лиззи же отошла на пару метров, но, сунув нужные учебники и тетради в сумку, быстро вернулась, будто боялась, что долгое отсутствие автоматически исключит ее из трио.

---

[6] То же, что и берлинеры.

– Ладно уж, извините за нытье, – вздохнула Фрида и с чувством закрыла дверцу, с обратной стороны которой держала фотографию Тило Вольффа. – Не обещаю, что этого не повторится, но до этого еще нужно пережить экономику, историю и…

– Классическую литературу, – подсказала Лиззи, когда Фрида задержала на ней вопросительный взгляд.

– Бедняжка. В общем, встречаемся на этом самом месте в три. Без опозданий. Мамочка Фрида будет показывать вам Мюнхен, которого вы еще не видели из окон своих карет.

Глава 15

Дверь в «Störfaktor» была выкрашена в ядовито-розовый цвет и отделана по краям ржавыми заклепками, будто ее выдрали из борта какого-то футуристического гламурного корабля. Внутри пахло не просто пылью и старыми вещами. Это был сложный аккорд: дешевый табак, винил, кожа, лак для волос. Над головой сияли лампы в железных клетках. В хрипящих колонках под потолком гремели Die Ärzte.

Женевьева жадно впитывала незнакомую обстановку, пока Лиззи осторожно кралась вдоль одной из самых обширных полок у входа, занятой кассетами и CD. Фрида, уже успевшая схватить с круглой стойки пару берцев с кислотно-зелеными шнурками, весело прикрикнула:

– Лучше не трогай, милая. Там арт-хаусное порно на VHS, ты к такому не готова.

Женевьева прыснула со смеху и ласково потрепала зардевшуюся Лиззи по плечу, когда та подошла ближе. Вопреки собственным сомнениям, она не чувствовала себя здесь скованно. Да, по сравнению с ее обычным миром это была грязь, но именно так и именно в этой компании Женевьева впервые за долгое время ощутила себя… свободной. Не воинствующей бунтаркой, не принцессой, не выгодным активом на рынке невест, а просто восемнадцатилетней девчонкой с подругами на шопинге.

Черт, у нее были подруги! То, что в ее золоченом мире казалось ненужной и крайне опасной роскошью. И как иронично вышло – именно те, о ком мать всегда говорила как об «алчных низших слоях», те, к кому Женевьеву отправили в качестве сурового наказания, оказались приятнее целой плеяды доморощенных аристократок.

– Ты уверена, что здесь есть… подходящая одежда? – боязливо спросила Лиззи, когда Фрида повела их дальше, в женский отдел, увешанный переделанными на новый лад пин-ап плакатами. Так на одном из них красовался бокал с «Черной вишней», а возлежащая в нем полуголая девушка радостно указывала на надпись «Хочешь сорвать мою вишенку? Милый, я лучше ее проглочу».

– Здесь есть все!

Фрида двигалась стремительно, не давая времени осмыслить происходящее, уверенная в каждом взмахе руки. На вешалках звенел металл, хлопали замки, шелестела кожа и тонкий ацетат. Она вытаскивала вещи из хаоса и складывала их в охапку с таким изяществом, будто речь шла о бальных платьях.

В кучу летело все: черные джинсы «Diesel» с искусственно потертыми коленями, кружевная майка от «Miss Sixty», пахнущая чужим парфюмом, ремень «Von Dutch», блестящий, как бензиновое пятно. А в отдельной куче, сложенной с куда большей осторожностью, лежали джинсовые комбинезоны, багги и яркие приталенные футболки с невинными принтами вроде «Hello Kitty», выбранные специально для Лиззи.

Наконец они достигли просторного помещения, единственного из всех не заваленного тряпьем. Но Фрида быстро исправила и это, ловко рассортировав самую большую стопку на две маленькие и указав обомлевшим девушкам на выцветшие шторы примерочных.

– Пошевеливайтесь. Время – деньги. А еще через час тут будет не протолкнуться: студенты часто заваливаются сюда после пар. Поверь, я однажды нарвалась, так меня зажали, как кильку в бочке, я едва на шипованный ремень бедром не напоролась.

– Ты часто здесь бываешь? – поинтересовалась Женевьева, уже стоя за шторой и разглядывая несуразные майки и кроп-топы.

– Не очень. Маме резко перестало нравиться, что я так одеваюсь. Теперь мне официально разрешено носить только скучные лонгсливы с кружевными болеро или милые платьица. Отстой, а? Чтоб ты знала, я два года была готкой! Даже на встречи ходила. Ну, это до того, как

я потеряла девственность с тем парнем. Мама так разозлилась, что церемониально сожгла все мои черные шмотки. Пришлось срочно переквалифицироваться в панка.

– Ты и сейчас не выглядишь… обычно, – хмыкнула Лиззи из кабинки по соседству.

– Сейчас я старше и мудрее, так что не хочу вешать ярлыки. Мне, в целом, и платья, и болеро, и виниловые шорты нравятся, просто теперь приходится следить за контекстом. Хоть с гимназией повезло, единственная отдушина.

– Это да. В моей прошлой академии вздернуть могли, если не так галстук повязан.

Женевьева хмуро смотрела на гору вещей, половина которых будто была украдена из гардероба стриптизерши. Даже заниженная посадка у джинсов, которые она так любила, оказалась чересчур. С трудом, но Женевьеве удалось отыскать буквально парочку приличных вариантов.

Еще с минуту ушло на то, чтобы уговорить себя их надеть. Это ведь был секонд-хенд, и Женевьева не была уверена, что они хотя бы стирают эти вещи. Впрочем, быстро она пришла к мысли, что хуже сыпи будет прослыть у подруг надменной выскочкой…

– На всех типа важных встречах приходится строить из себя пай-девочку Мама настаивает, что есть нормы приличия и бла-бла-бла. Типичная взрослая хрень. Я не хочу с ней ссориться, так что предпочитаю смириться.

– Вы часто ссоритесь? – поинтересовалась Лиззи и, судя по звукам, вышла из кабинки, чтобы повертеться у большого зеркала.

– Мы скорее цапаемся. Я не понимаю, зачем мы притворяемся теми, кем никогда не были. Как по мне, куда более достойным будет говорить прямо, что мы вылезли из дерьма.

Фрида тоже вынырнула наружу и бесцеремонно отдернула штору Женевьевы.

– И теперь будем вонять рядом с придурками, рожденными с серебряной ложкой в заднице.

– Как представительница оных… благодарю. Иногда нужно понюхать навоз, чтобы ценить аромат духов еще больше, – саркастически ухмыльнулась Женевьева, радуясь, что успела натянуть клеши и лонгслив с кружевным лифом, прежде чем оказалась на обозрении всей примерочной. – Ох, Лиззи, чудесно выглядишь!

Та смущенно улыбнулась, теребя лямку джинсового комбинезона, надетого поверх приталенной футболки неоново-желтого цвета. Так, без юбки и безразмерного свитера, Лиззи уж тем более не казалась полной: у нее были вполне очерченная талия, в привлекательном смысле широкие бедра и тонкие лодыжки, выглядывающие из-под закатанных брючин.

– А ты выглядишь отстойно, – шикнула Фрида и затолкнула Женевьеву обратно в примерочную. – Эти клеши были для топика, а лонг – для юбки. Ты что, монашка? Или королевский этикет запрещает показывать лишний сантиметр кожи?

– А мне кажется, выглядела она хорошо, – заступилась Лиззи.

– Для девственницы, – парировала Фрида. – А туда, куда мы идем после, таким ход заказан.

Кожа вдруг покрылась мурашками, будто кто-то распахнул окно в мороз. Женевьева застыла, глядя на свое отражение и не узнавая. Глаза расширились, как у оленя в свете фар, кровь отхлынула от щек. Симпатичное, пусть и откровенно стервозное женское лицо мгновенно стало напоминать… детское. Грохот музыки показался набатом в голове.

Женевьева тяжело сглотнула и слегка трясущимися руками стала стягивать лонгслив. Фрида просто шутила. Как и всегда, грубо и на грани. Это не был целенаправленный выстрел. Но попал он точно в цель.

– А может, я и есть девственница? – попыталась взбодриться Женевьева, но голос дрогнул. Штора снова отъехала, и теперь пришлось спешно прикрывать грудь руками. – Эй!

– Дай позавидовать. – Фрида шлепнула ее по рукам, вынуждая продемонстрировать спортивный лифчик, едва удерживающий чересчур пышные формы. – И не думай, что я дура. Ты правда девственница?

Она выглядела суровой, но в каком-то… материнском смысле. Голос сделался ласковее, но одновременно с тем тверже, будто она пыталась и поддержать, и успокоить. Лиззи тоже шагнула ближе, и обе они, встав по сторонам кабинки, отгородили Женевьеву от остального мира.

– В этом нет ничего такого, – настояла Лиззи и подбадривающе улыбнулась. – Я тоже больше сосредоточена на уроках, чем на парнях. К тому же, не всем хочется растрачивать себя на кого попало.

– Я не говорю, что это плохо или позорно. Но я и не считаю, что секс без обязательств – это «растрата». Твое тело ведь не ресурс, чтобы ты его выдавала. Но это мы с тобой отдельно обсудим, а пока пусть наша рыжая львица прекратит строить из себя запуганного олененка.

– Я не хочу об этом говорить, – прошептала Женевьева, чтобы не выдать плаксивости в голосе. Кожу на бедрах зажгло, как если бы их сжимали грубые ладони. – Какая разница?

– Большая. Слушай… все окей, если ты никогда не спала с парнем. Типа, Лиззи права, у всех разные увлечения, а парни слишком скучные, чтобы добавлять их в список. Так что прости, если моя шутка тебя как-то задела и…

– Я не девственница, – не выдержала Женевьева, и голос ее наконец сорвался до удушливого писка. – Довольна?

Она почувствовала, что дрожит. Щеки стали влажными, ресницы мгновенно слиплись. Черт, как же глупо… И позорно. Это было для нее одной, для ее комнаты, для подушки, за годы вместившей в себя все, что не могла высказать Женевьева словами. Плакать полагалось молча, так, чтобы никто не видел слабости. Потому что в ее мире слабости никто не терпел. Но сегодня молчание показалось пыткой. Ведь впервые в жизни Женевьева ощутила крошечную надежду на то, что ее поймут.

Лиззи среагировала первой. Она шагнула в кабинку и притянула Женевьеву к себе, желая утешить в объятиях. Сработало с точностью до наоборот: Женевьева разревелась пуще прежнего и так крепко вцепилась в Лиззи, что та ойкнула. Но не отстранилась. И Женевьева не отстранилась тоже.

Она не помнила, когда в последний раз обнимала кого-то, кроме Хагена. И это оказалось так… приятно. Так до нечестного приятно, ведь это могло быть всегда: эти тепло, поддержка и нежные поглаживания по голове. Это *должно* было быть всегда. Не только от подруг, но и от той женщины, что называла себя матерью.

Слегка приподняв голову, Женевьева встретила взгляд Фриды. Тот показался ей печальным и одновременно с тем понимающим.

– Давно? – тихо спросила она, и Женевьева до крови прикусила губу. – Черт, милая…

Она сделала шаг и заключила их обеих в объятия. Стало жарко, но Женевьева не обращала на то внимания. Внутренний холод, сковавший ее минутами ранее, медленно таял в жаре дружбы. Того чудесного, всесильного явления, которого она сторонилась, как огня.

– У меня бабка ведьма, я попрошу ее сделать на него заговор, чтоб у него член отсох.

– Не надо, – наконец выдавила Женевьева, все же найдя в себе достоинство отстраниться. – Я перешагнула через это.

– А должна была перешагнуть через его труп.

Лиззи прыснула и так мило прикрыла рот ладошкой, что Женевьева тоже не удержалась от фырканья. Фрида присоединилась следом. И вот они, в слезах и полуголые, хихикали, как последние идиотки.

Женевьева утерла слезы протянутой Фридой салфеткой и, процедив тяжелый вдох, снова глянула на себя в зеркало. Глаза опухшие, волосы спутаны, нос распух… Но это была она. Не та напуганная девочка. А девушка, наконец осознавшая, что имеет право плакать и что это не будет поднято на смех.

– Ты поэтому носишь такие закрытые вещи? В джинсах у тебя вечно боди или длинная футболка. Даже кропы с длинными рукавами.

Женевьева кивнула, с грустью глядя на выбранную Фридой одежду. Она всегда с завистью смотрела на девушек, которые могли позволить себе носить яркие, броские вещи с такой легкостью, будто в мире не существовало мужского внимания. Женевьева же, надевая юбку, замечала каждый сальный взгляд.

– Не хочу звучать как идиотка с «бездомным просто следует купить дом», но… Нельзя заворачиваться в старушечьи тряпки из-за одного мудака. Ты ведь такая красивая! И у тебя роскошная фигура. Это надо подчеркивать. Не для них. Для себя. Это ведь как с макияжем. Ты красишься ради удовольствия, чтобы чувствовать себя раскованнее. И с одеждой это же. Плевать на мужчин, главное, чтобы ты ловила свое отражение и думала: «черт, она горяча!».

– И чтобы другие девушки делали комплименты, – подхватила Лиззи. – Это куда приятнее, чем мужские.

– Я не знаю… – замешкалась Женевьева. Доля правды в словах Фриды была. Разве не были в этом большие победа и смелость, нежели прятки за «правильными» вещами, словно в панцире?

– Давай так: ты *попробуешь* примерить тот топик и джинсы. Не понравится – никаких проблем.

Со вздохом Женевьева задернула штору. Когда она вышла к рассевшимся в креслах-мешках подругам, те аж подскочили. Сама Женевьева же неловко покрутилась, стараясь не обращать внимания на непривычную тесноту.

Темно-зеленый топик, судя по рваному краю когда-то бывший футболкой с логотипом «Zehn kleine Jägermeister»1[7], едва доходил до пупка и так плотно сидел в груди, что проступали контуры даже бесшовного спортивного лифчика. Посадка же у джинсов оказалась настолько низкой, что можно было увидеть полоску нижнего белья.

– Нет, – покачала головой Фрида, задумчиво щелкая пальцами. – Эти джинсы не сюда. Подожди, кажется, я видела отличные брюки…

Она вернулась через минуту и с гордым видом сунула Женевьеве ярко-красные кожаные штаны… А затем велела избавиться и от лифчика, потому что так якобы будет лучше. Так что в следующий раз Женевьева вышла из примерочной со скрещенными руками и приставным шагом, будто боялась, что штаны, так плотно обтянувшие зад и бедра, станут скрипеть.

– Руки по швам, солдат, – усмехнулась Фрида и сама прижала ладони Женевьевы к бедрам, вынуждая ее обратить взгляд в зеркало. – Ну вот, настоящая роковуха.

Женевьева молча стояла перед зеркалом, как манекен. Ткань новой одежды будто имела собственный пульс. Холодная кожа стягивала бедра, упругая, скользкая, как змея. Топ тянул грудь, не позволяя дышать свободно, чтобы не оголить больше нужного. И все же… в этом было что-то странно живое, логичное и… правильное? Будто тот бунт, что культивировала в себе Женевьева годами, вдруг обрел настоящую, живую форму.

Посадка у брюк была выше, так что от пояса до края топика оставалось чуть больше пяти сантиметров. Женевьева провела ладонью по животу, по той самой полоске кожи, которая при посторонних раньше всегда была спрятана под многослойными тканями приличия. Она не чувствовала себя ни грязной, ни греховной. Необычной – да. Но не неправильной.

Она пошевелила плечами, выпрямила спину, откинула прядь волос с плеча. Отражение смотрело дерзко, с прищуром, губы сжались в надменной полуулыбке. Это было утверждение. О праве занимать место в пространстве, не думая о чужом мнении.

– Только что хныкала, что не будет такое носить, а уже строит из себя Тайру Бэнкс, – поцокала языком Фрида и рассмеялась, приобнимая подругу за плечи. – Ты красотка. И к черту

[7] Трек группы Die Toten Hosen.

лифчики, милая. Нужно пользоваться этим чудесным временем до тридцати, когда соски не тянутся к полу.

– Дура, – захохотала Женевьева и оттолкнула Фриду, чтобы еще раз покрутиться перед зеркалом. Лиззи молчаливо взирала на нее с улыбкой, и это звучало громче любых слов. – И что, куда ты собиралась нас затянуть? Надеюсь, не в район вокзала?

– Хм… ну, учитывая, что за вас наверняка можно было бы установить двойной тариф… – Фрида задумчиво постучала выкрашенными в черный ногтями по подбородку. – Но нет. Сегодня в программе только старый добрый Оберзендлинг. Ночь, пиво, горячие гонщики и возможность побыть грид-герл. Думаю, если ею будешь ты, машины даже с места не тронутся.

Она игриво шлепнула Женевьеву по бедру и мечтательно закатила глаза, будто уже представляла вонь жженой резины, выхлопов и пота.

– Я не смогу пойти, – тихо откликнулась Лиззи. – У меня дополнительные занятия по юриспруденции, а потом еще нужно сделать домашку.

– Да ладно тебе! – Фрида плюхнулась рядом с ней. Женевьева осторожно, поскрипывая, опустилась с другой стороны. – За один вечерок ничего не случится! Если боишься, что предки будут выносить мозг…

– Нет.

Лиззи посмеялась, словно такое предположение и правда было чем-то уморительным.

– Я сама хочу. Я поступаю в следующем году, нужно готовиться.

– Сама хочешь? – удивилась Женевьева.

– У нас в семье все юристы. Это логично, что я последовала примеру. Не знаю, буду ли я работать в фирме, но мне правда хочется помогать людям.

– И они тебя… не заставляют?

Брови поползли вверх. Сама мысль об этом казалась Женевьеве дикостью. То есть, в мире существовали семьи, где родители не просто не наседали на ребенка, а еще и вырастили его так, что тот *сам* захотел пойти по их стопам?

– Нет! Это же глупо. Насильно из меня хорошего специалиста не сделаешь. Хотя мама настаивала, чтобы я попробовала себя в разном, больше всего мне нравится читать про дела, разбираться в мотивах и все такое.

Лиззи смущенно улыбнулась, глядя на реакцию подруг, будто ожидала подначки, но встретила лишь молчаливую поддержку.

– Папа уже даже предложил мне стажировку у них, но я планирую как минимум пару лет проработать юристом pro bono. Это кажется мне более честным.

– Мы наткнулись на вымирающий вид, – театрально ахнула Фрида и тут же потрепала Лиззи по волосам. – Это круто. Я вот до сих пор не уверена точно, чего хочу. Придется брать свободный год после гимназии, наверное. А это всегда риск сторчаться.

– Не могу представить тебя наркоманкой. Только алкоголичкой, – шутливо хмыкнула Лиззи и на удивление ловко увернулась от тычка. – В общем, на гонки я с вами не пойду, но официально приглашаю потусоваться у меня дома. Мама будет рада, что у меня наконец появились подруги.

– О, как мило. – Фрида привлекла их обеих в объятия. – Торжественно клянусь быть паинькой и не болтать при твоей маме о том, что могло бы подорвать твой авторитет ботанши.

Женевьева улыбнулась вслед за ними, хотя внутри слегка екнуло от зависти. Если бы она познакомила Фриду и Лиззи с мамой, ту бы хватил инфаркт и инсульт одновременно. Но Женевьева быстро отогнала это чувство. Ведь для нее это тоже было чудом. У нее появилась не одна подруга, а сразу две. И до сих пор она не осознавала, насколько сильно в том нуждалась.